

А. ОЛЬШАНСКИЙ

A stylized illustration of a man in a dark trench coat and a wide-brimmed hat, shown in profile from the chest up. He is looking towards a brick wall. The background is a solid red color. A large, white, curved shape, resembling a stylized 'C' or a shadow, arches over the top of the scene. The title is enclosed in a white rectangular box with a black border.

**ЗАПИСКИ
АГЕНТА
РАЗВЕДУПРА**

ПАРИЖ

А. ОЛЬШАНСКІЙ

ЗАПИСКИ АГЕНТА
РАЗВѢДУПРА

Издательство «МИШЕНЬ» Парижъ

© Художественное
оформление
Гутеева М. В.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Одинъ изъ несмѣтнаго легіона сотрудниковъ шпионскихъ организацій СССР заграницей — капитанъ сапернаго баталіона А. П. Смирновъ передалъ мнѣ послѣ отъѣзда въ Южную Америку нѣсколько объемистыхъ тетрадей своихъ воспоминаній для написанія книги иллюстрирующей работу В.Ч.К. и "Коминтерна".

"Записки" — кошмарный человѣческой документъ — были написаны безъ всякой систематичности, тенденціи или нагроможденія "ужасовъ", но ихъ каждая страница вѣетъ жутью и дыханіе смерти холодитъ душу при возстановленіи въ памяти отрывочныхъ эпизодовъ "совѣтскихъ тайнъ", написанныхъ Смирновымъ "на отдыхѣ" — въ N-ой тюрьмѣ...

Гидра шпионажа, провокаціи, подготовленія возстаній, гражданской войны и насажденія диктатуры "пролетаріата" — С.С.С.Р. — передъ лицомъ всего культурнаго міра превратила 150-милліонный русскій народъ въ "околлективизированнаго раба" и привела къ молчанію не только колокола взорванныхъ или превращенныхъ въ танцальни церквей, но и совѣсть тѣхъ, кто въ погонѣ за "экономическими завоеваніями" признали за большевиками госу-

дарственную правомощность. Дипломатическія миссіи, полпредства и торгпредства, различные “Аркосы”, “Амторги”, отдѣленія “Виѣшторга” и тысячи другихъ совѣтскихъ учреждений за границей кишать “Смирновыми” и служатъ единому богу — “Коминтерну”.

Агенты Г.П.У. разстрѣливаютъ въ Россіи непокорнаго “кулака” за неотдачу зерна на... фондъ заграничныхъ отдѣловъ шпіонажа, “Соловки” — островъ смерти русской интеллигенціи, крестьянства и рабочихъ, получаетъ каждый день новыя партіи “контрреволюціонеровъ” и ихъ имущество поступаетъ въ пользу... жертвъ революціи, пресловутому “Мопру”, тому “Мопру”, который питаетъ заграничныхъ агитаторовъ и представителей III Интернационала. Зерно экспортируется за границу, продается на “зло буржуямъ” ниже рыночныхъ цѣвъ, а поля Россіи на 30% остались не засѣянными изъ-за отсутствія посѣвныхъ зеренъ.

Деньги нужны — Индо-Китай, Китай, Египеть, Индія, англійскій безработный, финляндскій рабочій и народы всего міра “ждутъ” помощи отъ засѣвшихъ въ Кремлѣ строителей “новаго міра социализма” — Сталина и К^о.

А. Ольшанскій.

I

Въ 1920 году, зимою, въ кабинетѣ замѣстителя Начальника "Развѣдупра" Павлоновскаго я далъ подписку въ обязательствѣ безусловно исполнять всѣ директивы особоуполномоченнаго западнаго отдѣла Управленія товарища Яна Розенталя, въ распоряженіе котораго долженъ былъ отбыть черезъ нѣсколько дней...

Миѣ стало извѣстнымъ, что моя мать и два брата, Андрей и Владмиръ, остаются заложниками въ Р.С.Ф.С.Р. и въ случаѣ моего перехода на службу къ бѣлымъ или какого либо "предательства", ихъ жизни будутъ расплатой. Заготовленную Павлоновскимъ на сей предметъ подписку я подписалъ и сообщилъ адреса всѣхъ моихъ знакомыхъ заграницей и въ предѣлахъ Р.С.Ф.С.Р. — таково было обязательное требованіе предъявляемое ко всѣмъ агентамъ шпионажа заграницей.

Въ тотъ-же день меня доставили въ Особый Отдѣлъ, и представили начальнику иностраннаго отдѣла В.Ч.К. товарищу Лифшицу, маленькому, близорукому чекисту въ бархатной блузѣ и галфѣ изъ сняго сукна. Бросивъ на меня быстрый, пронизывающій взглядъ, Лифшиць сказалъ:

— Вы назначены товарищемъ Павлоновскимъ въ

Финляндію. Выѣдете отсюда въ пятницу съ ночнымъ поѣздомъ. Теперь прошу васъ отправиться въ фотографію и оставить намъ ваши снимки. Ахъ, да, съ васъ надо получить еще подписку.

Онъ повернулся къ сидѣвшему за письменнымъ столомъ художочному человѣку и бросилъ ему:

— Товарищъ Каминскій, приготовьте подписку о безоговорочномъ исполненіи приказовъ нашей секціи 143.

Тотъ приподнялся со стула и скосивъ на меня глаза отвѣтилъ:

— Слушаю, товарищъ.

Лифшицъ почесалъ карандашомъ свою волосатую переносицу и какъ-то странно улыбаясь произнесъ:

— Вы поѣдете съ женою. Поняли?

Я растерялся.

— Виновать, товарищъ, я же не женатъ, — сказалъ я торопливо.

— Знаю! — рѣзко вскрикнулъ Лифшицъ, — но мы дадимъ вамъ товарнища, которая будетъ помогать вамъ работать. Прекрасная женщина. Изъ буржуазіи. Съ манерами и владѣетъ языкамн. Имѣетъ порядочный стажъ. Вы должны съ ней жить по семейному. Это въ интересахъ дѣла. Она будетъ ловить “бѣлую сволочь”, а вы только обрбатывайте.

Меня поразилъ развязный и наглый тонъ Лифшица. Въ “Развѣдупрѣ” со мной всѣ были предупредительно вѣжливы, а тутъ окрикъ истеричнаго чекиста.

— Миѣ объ этомъ товарищъ Павлоновскій ничего не говорилъ — пытался возразить я.

— Все по очереди, товарищъ. Товарищъ Павлоновскій назначаетъ васъ и только, а я по своему разумѣнію даю вамъ планъ работы, поняли? Это въ вашихъ же интересахъ. Та дама, которая назначается въ командировку

красавица... Вы одѣнете ее по первому разряду, мѣха для нее привезетъ курьеръ, и пустите въ общество. Примавка — первый сортъ. На ея личные расходы вамъ будутъ отпускать пятнадцать тысячъ марокъ. Ей двадцать семь лѣтъ и она очень, очень пикантна, — произнесъ Лифшицъ, потирая ладони и цинично улыбаясь.

Чиновникъ закончилъ писаніе и какъ-то бокомъ подошелъ къ столу Лифшица и положилъ передъ нимъ листъ бумаги.

— Спасибо, — буркнулъ начинотдѣла и прочитавъ бумагу, протянулъ миѣ стило.

— Прочтите и подпись! — сказалъ онъ, вставая.

Изъ одиннадцати пунктовъ подписки, самыхъ характерныхъ было четыре, а именно:

IX. Если центръ предпишетъ миѣ организацію какого либо акта, грозящаго по своимъ послѣдствіямъ тягчайшимъ наказаніемъ по законамъ той страны, гдѣ онъ выполнень, я обязуюсь исполнить это заданіе.

X. Если обстоятельства дѣла, возложеннаго на обособупономоченнаго требуютъ моего активнаго участія въ террористическомъ актѣ, изъятіе представителя вражескаго лагеря путемъ насилія или въ дѣйствіяхъ, предусмотрѣнныхъ "положеніемъ о мѣрахъ борьбы", изданныхъ Боевымъ Комитетомъ Коминтерна — я, подъ угрозой высшей мѣры наказанія, подчиняюсь заданіямъ центра и

XI. За измѣну интересамъ Р. С. Ф. С. Р. — я приговариваюсь заочно къ высшей мѣрѣ наказанія и такая же участь постигнетъ лицъ круговой поруки..

Подписаль. Дрогнула рука и на мигъ застыло сердце...

Стоявшій за спиной Лифшицъ произнесъ:

— Такъ. Теперь снимитесь. Я заготовлю вамъ до-

кументы. Вы служили офицеромъ въ Свеаборгской крѣпости, не такъ-ли?

— Такъ точно, — сорвалось у меня.

— Отлично. Генералъ отъ артиллеріи А. на нашей службѣ и онъ лично подпишетъ нужныя на всякій случай бумажки. Старыя бумажки, да еще съ подлинными подписями, цѣнятся по ту сторону проволоки. Мы нашли въ вашемъ дѣлопроизводствѣ нѣсколько фотографій. Мадамъ Залькевичъ, ваша супруга теперь, удачно помѣстилась на одномъ снимкѣ съ вами. Увидите — поразитесь техникой нашего фотооператора! Не бойтесь, у меня все предусмотрено. Такъ, товарищъ, теперь загляните въ фотоателье и снимитесь. Послѣ этой комбинаціи васъ повезутъ обѣдать къ вашей супругѣ, — сказалъ Лифшицъ и, сложивъ мою подписку, спряталъ ее въ роскошный кожаный бюваръ, на краю — великоняжеская корона и усыпанная розами буква "Д".

Рукопожатіе — и внизъ по устланнымъ ковромъ ступенямъ.

Хлопнула дверца лимузина и противъ меня усѣлся агентъ "Развѣдупра" — латышь Симсисъ, приѣзжавшій въ 1923 году курьеромъ ко мнѣ.

Фото-ателье...

Я прошелъ рядъ комнатъ со шкафами — въ нихъ обмундированіе всѣхъ частей бывшей императорской Россіи, шитые золотомъ мундиры, камергерскіе, губернаторскіе, гофмаршальскіе и скромныя черныя рясы священнослужителей. Полки съ головными уборами. Партикулярное платье, цилиндры, фетровыя шляпы, грудями обувь, фракное бѣлье, жилеты съ перламутровыми пуговицами, трости съ золотыми набалдашиками — всѣ атрибуты театра "Краснаго Ужаса". Въ одной комнатѣ сложенные въ рядъ роскошныя кожаные чемоданы съ

вензелями, нинціалами, футляры для ракетокъ тенниса, гольфа. А развѣшанныхъ по вѣшалкамъ дорожныхъ шелковыхъ кимоно и пеньюаровъ — не счесть!

“Костюмерная” иностраннаго отдѣла “Развѣдупра” и “В.Ч.К.” оцѣнивалась въ 1920 году въ 800.000 долларовъ!

Фотографомъ оказался венгерець Ш., бывший владѣлецъ фотографіи въ Петербургѣ на Большомъ проспектѣ, словоохотливый болтунъ.

По предложенію Сименса я позировалъ въ формѣ, въ партикулярномъ и даже на “пляжѣ” въ купальномъ костюмѣ.

Наконецъ я оставилъ въ объективѣ прекраснаго Zeiss'a дюжину пленокъ для регистраціоннаго отдѣла В.Ч.К. Сименсъ былъ, очевидно, своимъ человѣкомъ съ фотографомъ и называлъ его запросто “венгерской колбасой”, уснащая рѣчь нецензурными словами.

Кошмарный цинизмъ венгерца пособника дьявольскихъ манипуляцій Чеки, выявился въ разговорѣ о поѣздкѣ на фотооперацию по вызову “самаго” Зиновьева въ знаменитый совѣтскій притонъ на Пречистенкѣ. Со мной не считались — въ ихъ глазахъ я былъ уже конченый человѣкъ. Передъ уходомъ фотографъ фамльярно хлопнулъ по плечу меня и спросилъ:

— Не угодно ли посмотрѣть на ассортиментъ голыхъ “совбаръ”? Прямо — цимесь!

Его осадилъ Сименсъ.

Мы вышли въ переднюю.

Два дюжнхъ красноармейца осмотрѣли пропускъ Сименса и козырнули ему. Странное чувство какой-то притупленности овладѣло мной. Мнѣ было абсолютно безразлично, куда повезетъ меня Сименсъ.

Я постигъ, что обездиченъ, морально изнасилованъ и превратился изъ Человѣка въ предателя.

Устало припавъ головой къ спинкѣ автомобиля, я закрылъ глаза. Хотѣлось побыть одному.

Уже восемь дней меня возили по различнымъ "инстанціямъ", натаскивали въ различныхъ "отдѣлахъ" къ работѣ и заставляли подписывать, подписывать и подписывать.

Въ лиловыхъ сумеркахъ тонули главы нынѣ вюрваниаго, Симонова монастыря... Промчались мимо. Куда?

Я вышелъ изъ автомобиля. Торопливо закурилъ и осмотрѣлся.

Симсисъ что-то шепталъ на ухо шофферу.

За желѣзной изгородью стояло двухэтажное зданіе — вилла или особнякъ.

Второй этажъ былъ ярко освѣщенъ.

Изъ одного окна виднѣлась широколистая пальма.

— Идемте, товарищъ, — произнесъ Симсисъ, подходя къ калиткѣ и позвонивъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ — ноги, какъ будто отекли.

Въ широкомъ подъѣздѣ вспыхнулъ огонь.

Выбѣжала молоденькая дѣвушка одѣтая по "старому", въ бѣломъ передникѣ, въ черномъ плиссированномъ платьѣ и съ чепцемъ на завитой головѣ.

— Здравствуйте, товарищъ Раиса, — пріятельски привѣтствовалъ ее Симсисъ и, распахнувъ калитку, вошелъ первымъ въ вестибюль.

— Добрый вечеръ, — задорно воскликнула дѣвица и взглянула на меня не то съ любопытствомъ, не то изучая.

— Прошу, товарищъ, — сказала она мнѣ, кокетливо поправляя выбившіеся кудри изъ подъ бѣлоснѣжной накладки.

Въ передней — ковры, вазы на постаментахъ чер-

наго дерева, зеркала въ старинныхъ рамахъ и надъ широкой лѣстницей роскошный хрустальный гарнитуръ электрическихъ лампъ.

Симсисъ швырнулъ свои куртку и фуражку на кресло въ передней. Пригладилъ ладонью напوماженную шелвелюру и переложилъ изъ кармана брюкъ въ карманъ френча браунингъ.

Я снялъ потрепанную, выдавшую виды шинель, служившую мнѣ одѣяломъ во время боевой страды и въ подвалахъ губернской чеки.

Бросилъ взглядъ въ трюмо и не узналъ лица. Такъ, вѣроятно, выглядитъ каждый человѣкъ, совершившій преступленіе передъ Богомъ и людьми...

Пошли наверхъ, откуда доносились оживленные голоса.

Въ залѣ, уставленной золоченымъ гарнитуромъ Louis XIV, насъ встрѣтили — восточнаго типа, изящно одѣтая въ темноголубое муаровое платье съ горностаевой отдѣлкой, дама, рослый блондинъ въ формѣ комбрига и, повидимому, военспецъ изъ "бывшихъ", элегантный срединхъ лѣтъ шатенъ съ коротко подстриженными усами.

Подавая мнѣ разукрашенную бриллиантовымъ браслетомъ и кольцами, руку, дама назвалась:

— Варвара Павловна Гибсонъ.

Я назвалъ псевдонимомъ, какъ мнѣ повелѣлъ Павловскій.

Комбригъ оказался прибывшимъ съ юга Богунскимъ, начальникомъ украинской бригады, расположенной въ Переяславлѣ.

А щеголь — бывшимъ подполковникомъ генеральнаго штаба Бобрищевымъ — военнымъ агентомъ Р.С.Ф.С.Р. въ Финляндіи.

Мы прошли въ столовую. Серебро — на бѣлизѣ ска-

терти... Хрусталь и цвѣты. Вина и фрукты. На льду, въ массивномъ овалѣ кованнаго серебра — икра.

Снимсись, очевидно, приставленный ко мнѣ, занявъ мѣсто въ сторонкѣ, усѣлся въ концѣ стола и сразу налилъ себѣ полный стаканъ мадеры.

— Что то наша хозяйка задержалась. — произнесъ военный агентъ, бросивъ взглядъ на тяжелое пурпурное драпире въ нишѣ стѣны.

— Ахъ, знаете... хорошенькая женщина. Туалеты надо перебрать, тѣмъ болѣе сегодня, — съ лукавой усмѣшкой проронила Гибсонъ и взглянула на меня.

Комбригъ и атташе перереглянулись.

Мнѣ было какъ то не по себѣ — я посмотрѣлъ на свое отраженіе въ зеркалѣ — старенькій френчъ, потерянный воротничекъ, одинъ рукавъ пришитый суровыми нитками, лицо небритое, нея въ пятнахъ отъ "вшивой" жизни въ подвалѣ на Лубянкѣ.

А они — сытые, разодѣтые, какіе-то довольные, увѣренные въ завтрашнемъ днѣ!

— А вотъ и наша милая "иностранка" показалась, — сказалъ атташе, устремивъ взоръ на вошедшую въ столовую Залькевичъ.

Я обомлѣлъ, думая, что передъ монимъ взоромъ показалась какая либо кинозвѣзда. Умопомрачительный туалетъ, жемчуга и бриллиантовое кольцо.

— Такъ вотъ какую "жену" мнѣ дадутъ въ качествѣ приманки, — подумалъ я, рассматривая тонкія, красныя черты шпионки.

Первой она поздоровалась со мной.

И въ ея темноглубыхъ глазахъ я подмѣтилъ что-то схожее со взглядомъ хищника.

Чуть чуть дрогнула ея рука въ моей — вѣки опустились на мнѣ.

Она знала, попятно, что вскорѣ мы будемъ связаны страшнымъ, темнымъ дѣломъ...

Когда горничная принесла обѣдъ — мы заняли мѣста.

Была жуткая параллель — этотъ изысканный обѣдъ и порція прогнившей воблы въ тепловатой водицѣ, раздаваемая разъ въ день чекистами.

Разговоры велись на разныя темы, меньше всего о будущемъ страны.

Бобрищевъ хвалилъ “буржуазные” рестораны Финляндіи, разоисилъ скромныхъ финскихъ дамъ, а о полпредѣ Черныхъ говорилъ, какъ о “глупой туфлѣ”. Нарочито “пробалтывался” о своей “опытной” агентурѣ среди эмиграціи и неоднократно упоминалъ о цѣнности своей работы для РСФСР.

Комбригъ слушалъ, какъ и Симсисъ, предпочитая разговорамъ стаканъ хереса и тайное пожатіе пухлаго локтя Гибсоисъ.

Послѣ обѣда моя “жеиа” пригласила меня въ будуаръ.

И тамъ, полулежа на шелковомъ каиане, она шепотомъ рассказала мнѣ слѣдующее: вдова разстрѣлянаго полковника Т-аго, бывшаго начальника тяжелаго артиллерійскаго дивизіона, она подъ угрозой голода поступила на службу, черезъ посредство предателя, сослуживца мужа, въ московскій отдѣлъ М.Ч.К. Взятая “на глазъ” секретаремъ В.Ч.К. Ягодой, она стала его любовницей и когда онъ “влюбился” въ балерину бывш. Императорскихъ театровъ Г., перешла на службу въ иностранный отдѣлъ. Тутъ ея “судьбой” заинтересовался всесильный Лацисъ и поручилъ ей “Национальный центръ”. Она предалась наркотикъ и стала орудіемъ въ рукахъ Лациса. Вышла, въ которой жила теперь, была “холостой квартирой” второго

поклонника — Менжинского. Но — настала часть, и ей предложил поехать работать за границу. Менжинский успел сойтись с сотрудницей Внѣшторга Рыбаковой и ей, понятно, надо было найти “жилплощадь”.

Она взяла съ письменнаго столика блокнотъ и написала:

— Не бойтесь ехать. Бобринцевъ хороший человекъ, хотя и предатель. Главное, получите денегъ побольше.

Когда я прочелъ эти строки, она вырвала листъ и, положивъ на пельницу, сожгла. Пепель растерла между пальцами и бросила въ каминъ.

— Кто эта Гибсонъ? — спросилъ я.

— Гибсонъ... Я скажу когда уже уедемъ, — подумавъ отвѣтила она и встала.

— Идемте, — сказала она и нервно пожавъ плечами усмѣхнулась, — тамъ же гости.

Въ столовой пили кофе съ ликеромъ. Симсиса не было — онъ вошелъ въ комнату нѣсколько минутъ спустя послѣ нашего прихода.

Я понялъ — онъ наблюдалъ за нами, подслушивалъ, пританчившись гдѣ нибудь за дверями.

Уже было за полночь, когда Симсисъ увезъ меня въ конспиративную квартиру, въ Столешниковъ переулокъ.

Мнѣ отвели комфортабельный кабинетъ и предложили выспаться.

Всю ночь въ корридорѣ кто-то ходилъ, шептался и звякала шпорамн.

II

По ордеру, выданному Павлоновскимъ, мнѣ выдали 100.000 финскихъ марокъ на предварительные расходы въ Гельсингфорсѣ. Симсисъ принесъ изъ “Госхрана” де-

вятикаратный бриллиантъ и подъ расписку вручилъ "женѣ". Бѣ выбрали изъ склада М. Ч. К. каракулевою шубу, спорили подкладку съ нашитою на карманѣ иниціальной мѣткой и сдали въ мастерскую для освѣженія и приведенія въ порядокъ. Комплекты шелкового бѣлья, гаринтуры дорогихъ отдѣлокъ, два роскошныхъ кофра изъ желтой кожи и несесерь дополнили щедрую выдачу "приданиаго" моею "женѣ". Я получилъ шубу на еиотовомъ мѣху, золотой хронометръ и портсигаръ съ иниціалами, совпадающими съ моими (еще бы, изъ такого склада!). Всѣ вещи были запакованы въ деревянный ящикъ и отправлены въ Наркоминдѣль.

Я получилъ ихъ въ Гельсингфорсѣ.

Оставалось два дня до отъѣзда въ Петербургъ — это время я "посвятилъ" изученію дешифровки, изготовленію химическихъ комбинацій для письма, работалъ въ лабораторіи по проявленію фотосводокъ, знакомился, подъ руководствомъ спеца, капитана Наживина, миной установкой (!) и слушалъ лекціи "профессора шпіонажа", бывшаго лейтенанта Раскольниковова. Послѣдній настойчиво предлагалъ мнѣ пріобрѣсти изъ финляндскаго генштаба планы Кронштадтскихъ укрѣпленій, проданныхъ, якобы, финиамъ покойнымъ капитаномъ Щаснымъ.

Наконецъ — послѣдній визитъ Павлоиовскому и Лифшицу, заѣздъ въ Наркоминдѣль для регистраціи въ секретномъ отдѣлѣ и на вокзалъ съ "женою" и "лакеемъ" Симсисомъ.

До Петербурга мы ѣхали въ "дряни", т. е. я въ старой шинели и стоптанныхъ сапогахъ, а "жена" въ поношенной мерлушковой шубѣ и лѣтнемъ костюмѣ, цвѣта грязи.

Такъ было велѣно!

Въ Петербургъ прибыли утромъ.

И на трамваѣ насъ доставилъ Симсисъ на квартиру коммуниста Виркула, въ домъ филиляндской казенной ж. д. на Симбирской улицѣ. Штабъ-квартира шпионовъ и курьеровъ западной секціи! Виркула — до войны и большевизма былъ скромный “звонарь”, торчавшій на платформѣ станиціи Петроградъ и отбивавшій уходы поѣздамъ, а нынѣ кавалеръ “краснаго знамени труда”! Симсисъ занялъ у меня тысячу марокъ и уѣхалъ въ тотъ же день обратно. Мнѣ же надлежало явиться въ финскую секцію компартіи съ письмомъ отъ Лифшица. Тамъ приняли меня сухо и направился въ Кингисепъ (разстрѣляи въ Ревелѣ) въ Маринскій Дворецъ.

Высокій статный лидеръ эстонской компартіи внимательно выслушалъ меня и сообщилъ, что онъ устронетъ все. Я долженъ ждать товарища Мнкко и сидѣть дома.

Черезъ день ко мнѣ явились три молодыхъ финна — проводинка. Одинъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ.

Въ присутствіи Виркула они сообщили мнѣ, что меня и “жену” можно перебросить въ Финляндію вполне легально. Это будетъ стоить двадцать тысячъ финскихъ марокъ. Паспорта съ фотографическими карточками они купятъ и пограничную стражу поставятъ тамъ “гдѣ надо”. Я далъ задатокъ въ пять тысячъ марокъ и двѣ фотографіи, свою и “жены”. Парни ушли. Черезъ нѣсколько дней они вернулись изъ Раяюкии и представили мнѣ 2 формальныхъ документа, удостовѣряющихъ, что я и жена жители припограничной деревни въ Финляндіи. Планъ былъ ими разработанъ такъ: со станиціи Бѣлоостровъ мы пойдемъ лѣсомъ на лыжахъ подъ охраной красноармейцевъ отряда пограничнаго пункта до рѣки. А такъ какъ рѣка не замерзла, ее придется перейти вбродъ. Воды по колѣно. На сторонѣ финской границы насъ будутъ ожидать пограничники, которые проведутъ лазейками вдоль дорогъ въ де-

ревю. Имъ придется дать “на чай”.

Остальное устроятъ уже проводники.

На этомъ и порѣшили. Съ вечернимъ поѣздомъ тронулись въ путь. Билеты получили по распоряженію Виркула. Въ Бѣлоостровѣ явились къ коменданту — чекисту Соколову. Онъ отвелъ намъ комнату и предложилъ ждать до полуночи. Финны играли въ карты съ красноармейцами. Свои люди — эти контрабандисты и перевозчики, жители пограничныхъ деревень Финляндіи.

Настала минута — жуткая и полная неизвѣстности. Намъ подали сани, запряженные тощей лошадежкой, успѣлись мы — “шпіоны”, красноармейцы и финны. Ъхали молча... Долго ѣхали лѣсомъ, потомъ выбрались на дорогу. Въ серебряныхъ ризахъ стояли ели и сосны, высокое небо, какъ голубой бархатъ раскинулось пологомъ. Мягко хрустѣлъ снѣгъ подъ полозьями и копытами лошадей.

Мелькнула какая-то деревня.

Сожженный храмъ или кирка — на косогорѣ.

Одинъ красноармеецъ скинулъ съ плеча винтовку и сошелъ съ саней.

— Близко чухна, — прошепталъ онъ, — надо въ осторожку идтить.

— Скоро на лыжи надо перейти, болото пойдетъ, — замѣтилъ рыжебородый возница въ барашковой шапченкѣ на кудлатой головѣ.

Завернули снова въ лѣсъ, густой, притаившійся и изрѣзанный узкой дорожкой.

— Сходить надоть... болото, — сказалъ возница и прыгнулъ съ саней.

Всѣ сошли.

Финны вытащили изъ-подъ соломы лыжи, палки и мѣшки.

Одну пару дали мнѣ, вторую — “женѣ”.

Красноармейцы взяли свои — широколопастые.

— Счастливого пути, — сказала возница, снимая суконную рукавицу и протягивая мне руку.

— Спасибо, — выдавил я хрипло и что-то острое впилось в сердце.

— И тебе, гражданка, — сказала она дрожавшей от холода "жене".

Подергал возжами, свистнул и завернул в сторону... России.

Кое-как наладили лыжи.

Двинулись гуськом.

Финны впереди. Вынули револьверы, сняли предохранители и глубже напялили на глаза свои меховые бѣлые шапки...

Шли долго — час, другой или прошли уже три часа — не знаю.

Лыжи тонули в мокром снегу, в обуви хлопала вода и безмерная усталость ломала спину.

Впереди черной лентой показалась Сестра-рѣка. Был слышен гул ее нескованной льдом воды.

— Ну, теперь, товарищи, лыжи снять и "пѣшком", — тихо сказала один из красноармейцев, сухо щелкнув затвором винтовки.

— Стойте тут, а я пойду "нюхать", — сказала финн-проводник и, сбросив с ног лыжи, зашагала к видневшемуся в темноте берегу.

Остановилась.

— Страшно мне, — услышал я около уха шопот "жены".

Я невольно сжал ее руку и произнес глупое:

— Ничего.

Издали донеслось что-то похожее на падение вѣтви или камня. Потом свист... Кто-то показал "огонь".

Осторожно, притаивъ дыханіе всё тронулись на мелькавшій впереди огонекъ электрической лампочки.

На берегу стояли двое.

Одинъ былъ нашъ проводникъ, другой, его братъ, пришедшій сообщить, что "воздухъ чистый".

Никакихъ пограничниковъ, понятію, не было.

И какъ послѣ выяснилось, этотъ приѣмъ былъ выдуманъ фининомъ, чтобы сорвать съ меня "на чай".

Красноармейцы остановились — винтовки къ плечу и палецъ на спускъ.

Финны посовѣщались минуту — другую и разработали дальнѣйшій планъ.

Залькевичъ перенесъ на тотъ берегъ одинъ изъ финновъ, а я, держась за руку другого, прошелъ вбродъ. На этомъ берегу — была Филяидія. Моя нога коснулась территоріи свободной страны, гдѣ начали дѣйствовать тѣ безжалостныя предписанія Лифшица, Павлоновскаго, Раскольниковскаго и другихъ чекистовъ.

Свѣтлѣло небо...

Вдали видѣлись сѣрые силуэты домовъ и построекъ.

Дуль прохладный вѣтеръ и откуда-то издали долеталъ дымный запахъ.

Быстрыми шагами, наклонившись, слѣдуя за флианми, мы съ "женой" вышли на тропинку, ведущую въ мелкій перелѣсокъ.

Шли молча, прислушиваясь къ каждому шороху, двигались куда-то, отдавъ себя на попеченіе идущихъ впереди...

Напрямикъ, къ намъ выступила изгородь изъ кругляковъ - камней.

Перелѣзли черезъ нее и, пройдя еще сотни двѣ шаговъ, мы увидѣли огонекъ въ окнѣ дома.

— Это нашъ домъ, — сказали одинъ изъ финиовъ и вынуть трубку, сталь ее раскуривать.

— Теперь почти главное сдѣлаю, — продолжалъ онъ, попыхивая ѣдкимъ дымомъ, — отдохнете, тогда повеземъ васъ въ Винпури*).

Тягнула собака въ подворотнѣ и стихла.

Вошли въ сѣни.

Старая, сѣдая, сгорбленная финка свѣтила фонаремъ и, добродушно улыбаясь, покачивала головой, бормоча:

— "Terwe tuloa"**)

Типичная финляндская изба зажиточнаго крестьянина — все чисто, вымытый еловый полъ и скамьи, занавѣски на окнахъ, фуксии и кактусы. На полкахъ книги и Библия. Деревянная кровать покрыта шерстяными вязаными одеялами, передъ ними домотканые коврики.

Тепло... Свѣтло. И такъ пріятно запахло печенымъ хлѣбомъ.

Засуетилась старуха, забѣгала.

Моей "женѣ" принесла рубашку, шерстяные чулки, пеструю кофту и туфли.

Отвела ее въ сосѣдную комнату и помогла стащить набухшіе сапоги.

Обо мнѣ позаботился ея старшій сынъ, Микко. Предоставилъ мнѣ свое бѣлье, сукоинные брюки и свѣтелъ.

— Вотъ тутъ и отдохните, на этой кровати. Мать кофе сварить, выпьете одинъ "кнорри"*) и спать, — сказали онъ, раскладывая на скамѣ платье.

Я переѣхалъ бѣлье, напялил свѣтеръ и толстые чулки.

*) Выборгъ.

**) Добро пожаловать.

*) Кнорри — горячій черный кофе со спиртомъ.

Приятное чувство тепла клонило ко сну.

Запасъ валюты промокъ; мнѣ пришлось разложить на печкѣ десятки тысячъ финскихъ марокъ и я рѣшилъ сторожить.

Но Микко уговорилъ идти къ "женѣ", а "марки" самъ, дескать, высохнуть.

Я сообщилъ ему количество денегъ и пошелъ въ комнату, отведенную Залькевичъ.

Если теперь мое положеніе и было смѣшнымъ, я все же рѣшилъ приступить къ "семейной жизни".

Залькевичъ, на мой стукъ, открыла мнѣ дверь. Куда дѣвалась "книозвѣзда"?

Передо мной была измученная, исхудавшая крестьянка, съ выраженіемъ животнаго страха въ глубоко ушедшихъ въ орбиты, глазахъ...

III

Четыре дня мы отдыхали въ домѣ проводниковъ, тѣмъ временемъ средней братъ Антти съѣздить въ Выборгъ и приобрѣлъ намъ приличное платье и обувь.

Раннимъ утромъ мы сѣли въ сани и Микко повезъ насъ въ ближайшую деревню, откуда насъ въ Райяюки доставилъ мѣстный купецъ — финнъ Итконенъ.

Такъ какъ по дорогѣ къ желѣзнодорожной станціи были разставлены воинскіе патрули, провѣрявшіе документы, ѣхать въ саняхъ купца было надежнѣе, чѣмъ съ Микко. Онъ и избралъ такой маневръ для отвода вниманія.

"Купецъ" взялъ за дорогу въ семнадцать километровъ три тысячъ марокъ. Два раза осматривали наши документы brave солдаты, все сошло благополучно.

Документы были на подлинныхъ бланкахъ сфабри-

кованы въ Финской секціи Коминтерна. На станціи снова потребовали документы и провѣривъ наши, взятые у Микко, чемоданы съ провизіей, любезно извинившись козырнули “шюцкорны” и впустили въ залъ.

Билеты до Выборга купить купецъ.

Я слыхалъ, какъ онъ поясилъ стоявшему около кассы солдату, что ѣдетъ на выборгскую ярмарку покупать “свояченницъ” корову. Итконейъ, однако, съ нами доѣхалъ до первой станціи и распрощавшись сказалъ, что Микко будетъ въ слѣдующемъ вагонѣ. На станціи Мустаяки вошли въ вагонъ двое статскихъ — агенты политполиціи.

Потребовали документы.

Спросили куда ѣдемъ и удовлетворившись моимъ отвѣтомъ, отмѣтили на “леисманской” бумагѣ внизу.

Передъ самымъ Выборгомъ тоже и второй этапъ прошелъ благополучно.

Отъ Выборга до Гельсингфорса ѣхали вмѣстѣ съ Микко. Поздно вечеромъ прибыли въ Гельсингфорсъ.

Микко нанялъ такси.

Прибыли въ Тээле — на конспиративную квартиру.

Хозяинъ квартиры, “портной” Якима, былъ, какъ потомъ оказалось, коммунистомъ — участникомъ мятежа 1918 года и лишь недавно выпущенный изъ Катаянокской тюрьмы. Портнымъ онъ фактически не былъ, но для прикрытія своей дѣятельности имѣлъ вполнѣ оборудованную мастерскую и даже немалый запасъ ткачей. Работали у него подмастерьями пять профессионаловъ — портныхъ, всѣ члены “Мопра” и “Комъячейки”.

Финская секціа выдавала ему ежемѣсячно 15.000 марокъ для содержанія мастерской по изготовленію **военнаго** обмундированія.

“Клиентура” состояла изъ нижнихъ чиновъ мѣстнаго гарнизона и прѣзжихъ агентовъ шпіонажа.

Слививъ половину моего мандата, написаннаго на шелковой бумагѣ “портией” предоставилъ намъ комнату.

Мнко произвелъ со мной окончательный расчетъ и попросилъ дать расписку въ томъ, что “масло и сыр” получены, что означало условленное — благополучно прибыли.

Послѣ ухода Мнко “жена” сказала: — Содрали съ насъ не мало эти парни; но доставили отлично. Подсчиталъ деньги — оставалось пятьдесятъ девять тысячъ. На перевозъ ушло почти сорокъ пять тысячъ.

Заглянулъ хозяинъ, предложилъ поужинать и общилъ, что утромъ придетъ особоуполномоченный. Отъ ужина мы отказались — пережитое за эти дни настоятельно требовало отдыха...

Утромъ, послѣ завтрака въ нашу комнату вошелъ высокій, элегантно одѣтый господинъ и назвался Кирштейномъ.

Было ему лѣтъ подъ сорокъ — скуластое, упитанное корявое лицо, глубокосидящіе сѣрые глаза и приплюснутый носъ выдавали его “породу”.

— Вы номеръ 794? — спросилъ онъ развалившись въ креслѣ и положивъ мясистую руку съ искусанными ногтями на пальцахъ на столъ.

— Да, — отвѣтилъ я.

— Деньги у васъ остались?

— Около шестидесяти тысячъ есть и брилліанты, — отвѣтилъ я.

— Здѣсь вы не должны оставаться, — началъ онъ внимательно разглядывая мою “жену”, — это на первое время. Сегодня же вы снимете квартиру въ Мункнесѣ. Это за городомъ. Тамъ сдается особнякъ въ три комнаты.

Главное, сосѣдей нѣтъ... Прислугу вамъ я нашель — партійка. Кого вы знаете изъ русской эмиграціи? Знакомы вы съ полковникомъ Кондыревымъ? Полковника Фену знаете? Генерала Васильевского? Бывшаго воинскаго начальника Балицкаго навѣрно знаете? Вотъ мой совѣтъ — сегодня - же, не теряя времени поѣзжайте и снимите особнякъ. Но раньше одѣньтесь. Это тряпье долой. Кстати, вашей супругѣ необходимы бальные туалеты. Пока ваши вещи придуть — купите все. Теперь сезонъ... Бѣлогвардейцы устраиваютъ благотворительные балы. Ваше присутствие на нихъ обязательно. Тамъ можно многое "поймать". На этой же недѣлѣ вамъ дадутъ документы. Заготовьте фотографіи — я завтра зайду за ними. На Александровской улицѣ есть моментальная фотографія. Вы же по шведски говорите?

— Немного, — отвѣтилъ я резиденту.

— Будете снимать квартиру — назовитесь комерсантомъ. За квартиру заплатите впередъ за три мѣсяца. Попрошу васъ позвоните мнѣ около пяти часовъ вечера. Номеръ 4.04. Вызовите Ингридъ и скажите, что говорить по дѣлу бумаги для экспорта. Подойду я. Если сняли квартиру — скажите: "могу представить сто тоннъ", нѣтъ "заказано". Тутъ вѣдь телефонныя барышни — шпионяты. Теперь — займемся вами, товарищъ. Купите платья, шикариой обуви и бѣлья. Все теперь же. Денегъ не жалѣйте. Послѣ мааниюра украсьте палець обручальнымъ кольцомъ и на мизинець брилліантъ. Забудьте, что вы изъ Совѣтской Россіи. Вы — эмигранты изъ Константинополя. Документы получите съ визами. Все "тигъ-топъ". Я получу изъ полпредства планъ работъ. Коренець пріѣдетъ ночью. Это секретарь миссіи. Нашъ организаторъ. Будете реализовать брилліанты скажите мнѣ. У меня есть знакомый еврей — спекулянтъ. Платить хорошо и

безъ риска. Ну, кажись все. Главное теперь — осторожность и вниманіе. Купите нѣсколько чемодановъ, безъ вещей - же не снимають барской квартиры, — сказаль типъ и протянувъ мнѣ руку добавилъ, — всего добраго.

— Началось, — произнесла устало “жена” послѣ ухода резидента и нерви хрустнула скрещенными пальцами.

— Да, директивы даны. Пойдемъ - те же покупать туалеты и перерядимся, — сказаль я и подойдя къ ней шепнулъ, — это не долго - же.

Въ первокласномъ магазинѣ Taylor мнѣ выбрали пиджачиую пару, смокингъ, пальто съ котиковымъ воротникомъ, а “женѣ” манго съ скуисовымъ воротникомъ.

Расчитался новенькими, уже высохшими кредитками.

Кардоики со шляпами, пакеты бѣлья, коробки съ обувью, воротниками, галстуками, перчатками и носками обошлись въ четырнадцать тысячъ марокъ. Все покупалось лучшее и модное!

У Тилла мы купили обручальныя кольца и по указанію резидента кольцо “на мизинецъ”.

Вещи были доставлены на нашу конспиративную квартиру въ Тээлэ.

IV.

— Въ ресторанѣ “Катръ” заняли столъ одѣтый съ иголочкн господинъ и элегантная дама — агенты шпионажа...

Было жутко, необычайно жутко встрѣтнться взглядами съ тѣми посѣтителями, которые не подозрѣвая въ насъ агентовъ Развѣдупра, задерживали свое вниманіе на новыхъ лицахъ шикарнаго отеля - ресторана.

Въ немъ жилъ тогда генераль Маннергеймъ.

Я всматривался въ лица гостей, но никого не было знакомыхъ.

Въ оркестрѣ одинъ скрипачъ вызвалъ въ памяти воспоминаніе: его я узналъ.

Это былъ бывший полковникъ К.

Съ супругой мы перешли уже на ты, но старалнсь избѣгать разговора по русски. Мы "офранцузились". Счетъ заплаченъ. Мы вышли.

Шумно на Эспланадѣ... Взадъ и впередъ движется волна нарядно одѣтыхъ дамъ, военныхъ, учащихся, элегантныхъ мужчинъ — преобладаетъ шведская рѣчь.

Зеркальныя окна магазинновъ въ огнѣ электрическихъ лампочекъ. Мчатся автомобили... Кипитъ жизнь, но нѣтъ встаети того темпа довоенной Финляндіи.

Наняли такси и поѣхали въ Мункснесъ снимать квартиру.

Въ ельникѣ опорошенномъ снѣгомъ стояла вилла, надъ ней высняся утесъ съ бесѣдкой. Старуха - дворничиха показала домъ.

Уютно и благоустроено.

Богатая мебель. Ковры и множество картинъ финскихъ мастеровъ.

Старуха показывая комнаты, спрашивала о моихъ занятіяхъ, семейный ли я, надолго ли думаю снять домъ и т. п.

Цѣна была высокая для мѣстнаго жителя, но мнѣ, какъ "иностраницу" подходящей — три тысячи марокъ въ мѣсяць.

— Господа могутъ быть покойны — нашъ районъ очень тихій и благочинный. Лѣтомъ тутъ рай. Купальня, на берегу пристань и лодки. Хозяинъ живетъ заграницей. Онъ профессоръ какой - то, — пояснила сторожиха, видимо, посчитавшая насъ "знатными иностранцами".

Снялъ особнякъ, сказавъ, что переѣду завтра - же.

Наемную плату надо было внести въ адвокатское бюро.

Поѣхали туда.

"Патронъ" выдалъ распisku въ полученіи денегъ и общалъ приготовить контрактъ.

Итакъ мы обосновались по указанію Яна Розенталя.

Въ пять часовъ я позвонилъ по данному нмъ номеру и вызвалъ Ингрндъ по дѣлу бумагаи.

Розенталь не заставилъ себя ждать, послѣ грубаго "алло - о" спросилъ:

— Сколько тоннъ папирсной бумагаи имѣете въ депо?

— "Могу доставить сто тоннъ" — отвѣтилъ я.

— Отлично! Завтра буду на вашей фабрикѣ. До свиданія, до вечера.

Поселились въ особнякъ.

Дворничиха принесла три бланка для заполнения и домовую книгу. Затопила печку и справилась о прислугѣ.

Я сказалъ, что къ намъ вернется наша прислуга.

Къ обѣду явилась молодая финляндка Сайма съ письмомъ отъ какого - то Арвола и сказала, что она рекомендована владѣльцемъ портновскаго дѣла въ Тээлэ.

Сайма сносно владѣла русскимъ языкомъ и устроивъ свой скарбъ на кухнѣ принялась за работу. Вечеромъ она показала "женѣ" партійный билетъ и сказала:

— "Мой отецъ разстрѣлялъ "мясниками", я теперь коммунистка".

Надо отдать справедливость. Сайма оказалась чисто-плотной, работающей дѣвушкой. Въ коммунизмѣ — фанатична, до крайняго предѣла насыщенная ненавистью къ "буржуазіи".

О Совѣтской Россіи она говорила съ какимъ то умн-

леніемъ и, повидимому, совершенно не знала истиннаго положенія вещей въ “комраѣ”.

Пріятно пахло въ комнатѣ еловыми вѣтвями... На письменномъ столѣ въ бѣлой рамѣ стояли портреты генерала Маннергейма и предсѣдателя финскаго Сейма Свинхувуда. Я такъ и оставилъ ихъ, хотя принадлежали онѣ кому-то раньше меня снимавшему особнякъ. Массивная люстра, спускавшаяся съ потолка, разливала ровный голубоватый свѣтъ. Супруга отдыхала въ спальнѣ, а я ждалъ резидента...

Онъ явился не одинъ.

Вмѣстѣ съ нимъ пришли первый “совѣтникъ” посольства, совершенно не значившійся въ дипломатическомъ спискѣ С. С. С. Р., — Фишманъ и военный атташе Бобрищевъ.

Фишманъ, числясь совѣтникомъ, на самомъ дѣлѣ былъ “окомъ” М. Ч. К. и прибылъ въ Гельсингфорсъ нелегально въ началѣ 1920 года.

Розенталь хозяйственнымъ взоромъ осмотрѣлъ квартиру, постучалъ въ стѣны, заглянулъ въ печки и поднявъ ковры ощупалъ полы.

— Подходящее жильѣ, — сказалъ онъ Бобрищеву, — лѣтомъ можно съ городомъ сообщаться на моторной лодкѣ. Надо вотъ пунктъ по близости найти.

Раздѣвшись, гости прошли въ столовую.

“Жена” распорядилась приготовить кофе.

Розенталь тѣмъ временемъ занялся дѣломъ.

— Запишите, товарищъ, эти имена и зашифруйте “красной мѣдью”, — сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана коробку лепешекъ “Вальда”.

Взявъ блокнотъ я вооружился стило.

— Во первыхъ, возьмите на глазъ вотъ этнхъ господъ, — продолжалъ онъ, слизнувъ съ ладони нѣсколько

высыпанныхъ лепешекъ, — полковника Феу, онъ предсѣдатель всей эмигрантской своры, потомъ его ближайшихъ помощниковъ — барона Унгернъ Швернберга, редактора газеты Саволайнена, генерала Васильковскаго, полковниковъ Балицкаго, Коидырева, бывшаго сыщика Куицевича, начальника политполиціи Хольмстрема и его помощника Клеметти. Это первосортные.

Дальше — запомните иѣкогого типа, занятаго писательствомъ, по имени С....., выводите его на чистую воду. По нашимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, онъ числится въ политполиціи и даетъ уроки финскаго языка “полубѣлому” эксперту изъ торгпредства Карабасникову. Попробуйте войти въ эти круги и собрать матеріалъ. Пустите въ оборотъ вашу супругу. Въ субботу въ залахъ Сосіэтхузетъ какой-то бѣлогвардейскій балъ. По нашимъ свѣдѣніямъ тамъ будутъ всѣ тѣ, кои намъ вредятъ. До этого познакомьтесь съ кѣмъ нибудь изъ видныхъ эмигрантовъ. Лучше съ семейными. Закажите столъ и съ супругой приступайте къ обзору и намѣткѣ. Вы знакомы со многими изъ бѣлаго центра. Предупредите при встрѣчѣ, что вы прибыли изъ Турціи, побывали во Франціи и такъ далѣе. На всякій случай я принесъ вамъ удостовѣренія различныхъ учреждений по которымъ видно, что вы эмигрантъ и занимаетесь коммерческими дѣлами.

Розенталь передалъ мнѣ удостовѣреніе турецкой полиціи, сертификаты отелей на Пера, счета на мое имя и паспортъ финскаго градоначальника на имя Карн съ женой Маріей.

— Паспортомъ вамъ не надо теперь пользоваться — это на случай вашихъ командировокъ, — посовѣтовалъ онъ мнѣ.

— А скажите, товарищъ, вы знаете многихъ русскихихъ въ Гельсингфорсѣ, — спросилъ, картавая, Фишманъ.

— Кое - кого знаю, а что?

— Ваше появленіе не возбудить подозрѣнія у нихъ?

— Не знаю... Попробую изловчнтъся надуть ихъ, — отвѣтилъ я нерѣшительно.

— А что вы его учите! — воскликнулъ какъ бы раздражаясь Розенталь, — самъ знаетъ иа что пошелъ. И не маленькій!

“Совѣтникъ” вскинулъ на уполиомоченнаго глаза и виновато пронзесь:

— Что бы не вышло, какъ съ номеромъ “303”.

— Тотъ былъ идиотъ — вашъ “303-ій”, — буркнулъ Розенталь сердито и вставъ подошелъ къ окну.

— Комбригъ, взгляните - ка сюда, — весь заливъ, какъ на ладони, — воскликнулъ онъ повернувшись къ атташе.

— Я уже обозрѣвалъ это мѣсто. База прекрасна! Весной начиемъ доставку грузовъ. А осенью хлопнемъ возстаніемъ, — сказалъ Бобрицевъ лукаво щуря Фишману глаза.

Сайма принесла кофе.

— А какую красную бабу вамъ иашель нашъ портной, — воскликнулъ Розенталь окидывая взглядомъ смутившуюся Сайму.

— Ты коммунистка? — спросилъ Розенталь строго.

— Да, — отвѣтила бойко дѣвушка.

— Молодецъ! Ты будешь получать три тысячи жалованія, но держи языкъ за зубами, — промолвилъ Финшманъ и всталъ.

Пожалъ руку Саймы и добавилъ:

— Молодецъ “тютто”. — Сайма вышла.

На лицѣ атташѣ зазмѣлилась улыбка ие то ироніи, ие то насмѣшкн.

— Нечего фамльяричать, товарищъ, — бросиль онъ нетерпѣливо, — съ ней надо иначе вести себя.

Фишманъ надулъ толстыя губы и пожалъ плечами пробормотавъ:

— Почему?

Атташе разсмѣялся:

— Прислуга, хэ, хэ, хэ, а вы на ты.

Розенталь отпиваль маленькими глотками кофе и казалось о чемъ то думаль, хмурия изрѣзанный глубокими бороздами низкій прямоугольный лобъ.

“Жена” сидѣла въ тѣни, въ качалкѣ и казалось была мысленно далека отъ всего происходившаго въ комнатѣ.

О чемъ думала она?

Какія мрачныя мысли роились въ ея головѣ, какія чувства таило ея сердце?

Присутствіе “гостей” тревожило меня. Я не допускаль и мысли, что монимъ “гостямъ” было предоставлено такое свободное передвиженіе въ Гельсингфорсѣ.

— Займитесь порученіями. Я жду вашего донесенія въ понедѣльникъ для доклада товарищу Черныхъ, — сказалъ Розенталь подходя къ “женѣ”.

— А вы, товарищъ, не унывайте. Заведите знакомства съ мѣстными офицерами. Есть красныя мальчнки. Для дѣла важно, — произнесъ онъ улыбаясь краемъ рта, и пожмая ей руку.

Бобрнщевъ доминироваль надъ этими типами нзысканностью манеръ и корректностью въ разговорѣ. Приложился даже къ рукѣ “жены” и небрежнымъ тономъ фата пророниль: очаровательной дамѣ наше почтеніе. До свиданія.

Фишманъ протянулъ мнѣ три пальца и пробормоталь сухо:

— До свиданья.

Сайма проводила гостей на уллицу. Заперла калитку. На кухнѣ застучалъ топоръ — “тютто” принялась готовить ужинъ.

— Вы спросили какъ-то, кто такая Гибсонъ, такъ вотъ теперь я разскажу вамъ ея прошлое и настоящее. До какой глубины человѣческой низости пала она — это страшно даже подумать, — начала “жена” свое повѣствованіе, усаживаясь противъ меня на диванъ.

Подъ шумъ мятели за окнами я услышалъ жуть дѣйствительности “Красной” Россіи.

— “Гибсонъ” была моею подругой дѣтства. Она дочь богатаго коммерсанта. Ея отецъ былъ убитъ бандитами Петлюры въ Черкасахъ. Мать сошла съ ума. И вотъ тогда Гибсонъ покидаетъ Черкасы и ѣдетъ въ Полтаву. Знакомится тамъ съ командиромъ I Интернаціональнаго полка Фекетэ и превращается въ его содержанку. Фекетэ былъ тогда въ фаворѣ у Троцкаго. Онъ осыпалъ Гибсонъ бриллиантами и жемчугами... Она слѣдовала за нимъ въ салонъ-вагонъ или въ роскошномъ фаязонѣ разстрѣляннаго помѣщика М-ской губерніи М. Но на ея бѣду она влюбилась въ красавца - венгра, офицера штаба Факетэ. И на нее донесли. Услѣднили. Офицеръ былъ разстрѣлянъ, а ее Факетэ отдалъ въ “общее пользованіе” первой ротѣ... Въ Лубнахъ, въ 1921 году ее нашли на полотнѣ желѣзной дороги и, очевидно, выброшенной изъ вагона. Полуобнаженной и безъ сознанія. Какой - то эшалонъ красноармейцевъ подобралъ ее и привезъ въ Москву. И черезъ полгода Гибсонъ была въ Ч. К. секретнымъ сотрудникомъ. Она “предавала” всѣхъ, виновныхъ и невиновныхъ. На ея душѣ не меньше трехсотъ жертвъ. Когда она уже окрѣпшей, поправившейся встрѣтила меня и сообщала безъ утайки о своихъ работахъ, мнѣ стало яснымъ — она была

матерая чекнстка. Она и не скрывала, что лично разстрѣливала жертвы, не таила кошмарных избіеній въ подвалахъ М. Ч. К. и съ какой - то болѣзненной, животной радостью передавала о новыхъ жертвахъ, которымъ не избѣжать ея кольца...

Она сошлась съ однимъ офицеромъ - спецомъ, пожила съ нимъ мѣсяць и предала Лацису. Выпросила у командира разрѣшеніе застрѣлнить его и получивъ пропускъ въ подвалъ, гдѣ совершались казни, пришла на часъ раньше. Ждать его. Гибсонъ предала дядю, мужа старшей сестры и тетку. Она жила въ какомъ - то кровавомъ туманѣ — морфій, коканнъ и опій отпускались ей по ордерамъ В. Ч. К. въ неограниченномъ количествѣ. Нравственно она уже погнбла, но тѣло еще служило приманкой любящихъ сильныя ощущенія сановниковъ Москвы. Въ числѣ ея поклонниковъ были, какъ она говорила, Вигдоръ Коппъ изъ Наркоминдѣла, садистъ - докторъ Кедровъ, жестокій палачъ Менжинскій и бывший наркомусть Стучка. Потомъ пошли рангами ниже, вродѣ Бобрицева или Лифшицъ. Она заманила изъ Польши, путемъ переписки, въ Россію дальняго родственника, бывшаго морского офицера и когда его разстрѣляли получила вознагражденіе въ видѣ заграничной поѣздки въ Берлинъ. Но и тамъ она предавалась кутежу въ ночныхъ локалахъ и шикарныхъ притонахъ. Вернулась обратно съ громаднымъ багажемъ дорогихъ туалетовъ и шляпъ. Снова взялась за работу. Погнбшій она человекъ и недалеко тотъ часъ, какъ ее по ордеру В. Ч. К. сдадутъ коменданту для разстрѣла.

Она не первая и не послѣдняя изъ безчисленной плеяды "совагентшъ" нашедшихъ послѣдній пріютъ въ ямѣ Ваганьковского кладбища. —

Она умолкла. Опустила голову на грудь и сжала руками виски.

Воцарилось жуткое молчаніе. Передъ моимъ взоромъ предстала картина послѣдней встрѣчи съ Гибсономъ.

Леденѣло сердце при мысли, что и я стала косвеннымъ участникомъ безпримѣрныхъ въ исторіи человечества убійствъ...

— Скажите мнѣ откровенно — вы будете работать "имъ" — обратилась ко мнѣ какъ - то "жена".

— Понятно, много выбора нѣтъ, — отвѣтилъ я.

— О, какъ это ужасно! И зачѣмъ я поѣхала съ вами? — сорвалось съ устъ Залькевнчъ.

— Развѣ вы могли не ѣхать? — спросилъ я.

— Да, могла избрать иной путь или уйти въ какой-нибудь наркоматъ работать. Но я надѣялась, что вы поймете меня и бросите шпионажъ. Вы же начинающій и вамъ легче уйти отъ "нихъ". Хотя у нихъ щупальцы всюду. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изъ Гамбурга привезли въ Москву резидента не пожелавшаго добровольно прибыть. Разстрѣляли вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ. Да, вы правы. Надо искать для Леннинской банды жертвы, надо давать работу тысячной арміи палачей, надо поддерживать революціонный духъ массъ за счетъ казнимыхъ "контрреволюціонеровъ". Надо! И тотъ, кто продалъ уже свою душу В. Ч. К. — слуга Сатаны, — горестно произнесла Залькевнчъ и вставъ, шатаясь направилась къ столу.

Взяла папиросу и нервно закурила.

Прошлась по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Я не выдержу долго... Тамъ — еще иное дѣло. Тамъ я и сама не знала кто шпионъ, кто нѣтъ, но тутъ? Я не въ силахъ. И если вамъ жаль человеческой, пусть подлой, души, не требуйте отъ меня работы, — сказала она подходя ко мнѣ, моляще глядя овлаженными глазами на меня.

— Хорошо. Я лично ничего отъ васъ не требую. Но какъ они?

— Я буду лгать имъ, но работать не могу. Не могу... Я боюсь... Мнѣ страшно. Поймите, мнѣ страшно: я шпионка — въ средѣ людей презирающихъ это гнусное ремесло. Не выдавайте меня Розенталю. Храните отъ нихъ мои слова. Умоляю васъ. Если хотите я достану для васъ несмѣтное количество бриллиантовъ, денегъ и цѣнностей. Мнѣ вѣрятъ и у нихъ есть, что дать мнѣ... Не бойтесь я не предамъ васъ, если суждено намъ быть разоблаченными — раздѣлю вашу участь... Я охотно помогу вамъ въ вашей роли.

Залькевичъ неожиданно оборвала слово и тихо пошла къ двери ведущей въ кухню.

Приложила ухо къ двери и кивнула мнѣ головой.

Я подошелъ на носкахъ.

За нами подслушивала Сайма. Хорошо, что мы говорили въ полголоса. Заскрипѣли половицы и Сайма, очевидно, вернулась къ плитѣ, такъ какъ загремѣла посуда.

— И тутъ мы не люди, какъ видите, — произнесла Залькевичъ, — и тутъ мы рабы всеильной Чеки.

V.

Утромъ, послѣ завтрака, я позвалъ къ себѣ въ комнату Сайму и сказала ей:

— Сайма, кто приказалъ вамъ подслушивать за дверью?

— Я не подслушиваю, что вы, баринъ! — испуганно отреклась дѣвушка покрасивѣ до ушей.

— Не врите мнѣ. Я вчера уличилъ васъ. Лучше ска-

жите, кто такой дуракъ, что принуждаетъ партію лгать, — сказалъ я пристально глядя на Сайму.

— Да, да... это нечестно. Меня научилъ этому тотъ большеголовой, обѣщавшій три тысячн жалованія, — созналась Сайма.

— Вотъ видите, какъ некрасиво, я такой же коммунистъ, какъ и вы, а вы стоите за дверью и слушаете. Не онъ платитъ вамъ жалованіе, а партія. Поняли?

— Партія? — переспросила испуганно фанатичка - прислуга и въ ея молочнаго цвѣта глазахъ отразился искренній страхъ.

— Я больше не буду, но вы ему не говорите, — пронесла Сайма возмущенно и опустила голову.

— Я буду платить вамъ пять тысячъ марокъ, но будьте всегда по отношенію къ намъ порядочной, — сказалъ я Саймѣ умышленно увеличивъ ея содержаніе.

— Пять тысячъ марокъ! — воскликнула коммунистка обольщенная крупной суммой денегъ.

— Сила денегъ превышаетъ ленинскихъ учений, — подумаль я глядя на засіявшее лицо прислуги.

— Да, — отвѣтила Сайма и быстро побѣжала на кухню.

.....

Трамвай изъ Муикнеса примчалъ меня къ Народному Театру.

Я прошелся по Эспланадной — спокойно, странно-увѣреннымъ въ своей безопасности.

Только меня смущали стоявшіе на постахъ молодцеватые полисмены.

Зашелъ въ кафе Фацеръ. Народу тьма. И никого изъ знакомыхъ. Выпилъ чашку кофе и вышелъ. Проходя мимо памятника Руеберга я встрѣтилъ стараго знакомаго антиквара Ауэра. Хотѣлъ остановить его, да побоялся

чего - то. Остановился около книжного магазина и стал разсматривать книги на финском языке. Смотрю "Дети красного солнца" напечатано на одной обложке, а на верху имя автора. Имя как раз того писателя, которого Розенталя велел включить в список и выяснить состоит ли он в политической полиции и преподает ли финский язык "полублому" эксперту. Зашел в магазин и купил этот роман.

На углу Михаельской улицы повстречался с высоким, плотным господином в шубе.

Ну, как не узнать? Баумгартен. Певец, адвокат, весельчак - каламбурист.

Вспомнилась Москва!

Москва христианская, незарубежная, Москва сытая хлебосольная, а не голодная, разграбленная и изнасилованная душегубам.

Опять не рискнул окликнуть его. А он шел крупным шагом передо мной и приятно попыхивал сигарой. Поклонился какой-то даме и зашел в парикмахерскую. Я понуро побрел дальше. На крыше многоэтажного дома трепалась грязь - красная тряпка.

"Р. С. Ф. С. Р."

Как будто внезапный порыв ледяного ветра остудил мою грудь. Я окинул взглядом, красивый дом и подумал:

— Там работают Розентали и Финшаны по подготовке восстания.

Почти напротив советского логовища высилась масляная фигура великого певца свободы Финляндии — Руеберга... Какая ирония!

Прошел всю эспланадную улицу — повернул обратно по Александровской, мимо Сенатской площади. Как-то раньше памятник Царя - Освободителя в камне-

ной оградѣ! Какъ и раньше живые, чуть тронутые морозомъ цвѣты на пьедесталѣ памятника!

Бѣлые колонны Сената — все по старому, но въ новыхъ вѣхахъ исторіи.

Идя по Александровской улицѣ, я увидѣлъ въ окнѣ музыкальнаго магазина Фацера громадную афишу на финскомъ, шведскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ. Остановился и прочелъ:

— Балъ - маскарадъ при участіи примадонны Шведской оперетты Э. Гистетъ, Джиральдони, балерины М. Пайшевой, Г. Ге и др. лучшихъ артистическихъ силъ. Сборъ поступить въ пользу Русской дѣтской лѣтней колоніи. Дамскій Комитетъ. Предсѣдательница А. Васильева. Продажа билетовъ была у Фацера. Купилъ два билета по сто марокъ. Вернувшись домой сообщилъ женѣ, чтобы готовилась на балъ.

Удобный случай явиться неузнаваемымъ въ маскѣ и домино.

Въ случаѣ чего можно было покинуть балъ до полуночи...

Немало пришлось приложить усилій, чтобы уговорить "жену" идти на балъ.

Но до бала случай свелъ меня съ нѣкимъ господиномъ Марухинымъ, назвавшимся бывшимъ глѣвцомъ Императорскихъ театровъ...

Бритый брюнетъ, среднихъ лѣтъ, пожалуй, красивый, съ манерами, говорящій свободно по французски и шведски, познакомился со мной въ кафе - ресторанѣ на вокзальной площади. Разговорились и оказалось, что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ вышеупомянутаго бала. Я сказалъ, что охотно пошелъ бы съ супругой, да боюсь скучать. Знакомыхъ, дескать, нѣтъ. Купилъ у него два билета по двѣсти марокъ и пригласилъ навѣ-

стить меня на слѣдующій день. Познакомиться съ моей супругой.

Зашли мы съ нимъ въ ресторанъ “Кямпъ” и выпили тамъ кофе. Спиртъ оказался у новаго знакомаго въ серебрянной флягѣ.

Крѣпкій пуншъ развязалъ языкъ моему артисту. Онъ началъ бахвалиться своими связями въ обществѣ, какъ мѣстномъ, такъ и эмигрантскомъ. Въ особенности его рѣчь изобиловала именами дамъ изъ высшаго, по его словамъ, общества.

Разстались мы съ нимъ поздно вечеромъ — добрыми пріятелями.

На слѣдующій день онъ прибылъ въ автомобиль — надушенный, въ шикарномъ жакетѣ и полосатыхъ брюкахъ. И сразу очаровалъ “жену”. Кого не зналъ этотъ типикъ — всѣ лучшіе модистки, маникюрши, парикмахеры и гадалки были у него въ “свѣжей памяти”; городскіе сплетни, новости театра, тайны клубовъ и ресторановъ — все въ изложеніи артиста превращалось въ быть уснащенію богатой фантазіей. Въ этотъ вечеръ мнѣ можно было написать большую часть перваго доклада Розенталю.

Изъ болтовни “артиста” многое, оберегаемое отъ большевnickаго уха, стало яснымъ, какъ день. Послѣ ужина Марухинъ предложилъ намъ поѣхать въ ресторанъ “Берсъ” потанцовать.

Поѣхали...

Въ роскошныхъ, залитыхъ свѣтомъ залахъ танцовали подъ великолѣпный румынскій оркестръ Рафаэля.

И правду сказать, “артистъ” былъ тамъ свой человекъ. Рѣдкой дамы онъ не зналъ, и не раскланивался съ ней. Не взирая на “сухой режимъ” — на столикахъ были стаканы съ ликеромъ и въ чашкахъ кофе... спиртъ. Въ

одной изъ ложъ я увидѣлъ Бобрнщева въ компаніи какихъ - то дамъ и жгучихъ брюнетовъ.

Дамы были очень шикарно одѣты, съ крупными брилліантами въ ушахъ и со множествомъ колецъ на пальцахъ.

Я нарочно спросилъ "артиста":

— Кто эти дамы тамъ, въ третьей ложѣ?

Марухинъ умѣло вооружился моноклемъ и протянулъ брезгливо:

— Большевич - ки. Я ихъ знаю. А этотъ маленький лягушенокъ въ смокингѣ ихъ секретарь Коренецъ. Пьянчуга. Недавно въ "будку" угодилъ. На улицѣ спать вздумалъ, каналья. Дипломатическій паспортъ отъ штрафа спасъ.

Освѣдомительность была изумительна! Я уже заподозрилъ своего новаго пріятеля въ причастности къ полиціи. Напрасно.

— Вотъ видите почти около выхода сидитъ лысый господинъ въ визиткѣ. Это гроза Гельсингфорса. Начальникъ политической полиціи Хольмстремъ, — продолжалъ Марухинъ мигнувъ невооруженнымъ глазомъ въ сторону двери.

— А что, господа большевики часто бываютъ тутъ, пьянствуютъ, — спросилъ я, не интересуясь начальникомъ полиціи.

— Эта сволота - то? Почти каждый день. Только вотъ этотъ пижонъ, сидящій возлѣ "ювелирнаго магазина" въ бѣломъ платьѣ, рѣдко заглядываетъ сюда. Онъ пьетъ по второразряднымъ кабакамъ. Это - же бывший полковникъ, атташе бандитовъ. Говорятъ, что онъ валютой торгуетъ. Долларамн. — отвѣтилъ "артистъ" компетентно и перевелъ взглядъ на молоденькую даму въ сосѣдней ложѣ.

— Разрѣшите пригласить вашу супругу на вальсъ,
— обратился онъ ко мнѣ учтиво поклонившись и всталъ.

— Пожалуйста.

Моя “супруга” и “артнсть” влились въ танцующую массу.

Я разсматривалъ веселыя, радостныя лица гостей и мысленно позавидовалъ имъ.

— Вотъ бы послать снимокъ въ московскую “Правду” и показать одураченному пролетариату какъ “жить и работаетъ” Ардалионъ Александровичъ Бобринцевъ — военный агентъ рабочекрестьянской арміи, — подумалъ я задержавъ взглядъ на компаниі совѣтчиковъ въ ложѣ.

Въ высокой хрустальной вазѣ — фрукты, дамы въ шелку и брилліантахъ и, навѣрно, тамъ на улицѣ ихъ ждетъ какой-нибудь “Фіать” съ товарищемъ - шофферомъ”.

Марухинъ подвелъ къ столу “жену”, поблагодарилъ и разсмѣялся:

— Ха - ха - ха. Ваша супруга премилая дама. Она пригласила меня на второй вальсъ. Говорить, что десять лѣтъ не танцевала.

— Что же дѣлать, мы жили въ такихъ условіяхъ. Турція... Болгарія, Сербія и наконецъ, Парижъ — это наши этапы скитаній, — произнесъ я изъ осторожности.

— Парижъ — моя мечта, — вскинувъ голову патетически вздохнулъ Марухинъ и истомно призакрылъ глаза..

Около полуночи мы покинули ресторанъ. Разстались съ Марухинымъ и поѣхали на такси въ Мункснесъ.

Сайма открывъ намъ дверь сообщила, что въ наше отсутствіе былъ Фишманъ и оставилъ для меня письмо.

Когда я прошелъ въ кабинетъ Сайма принесла письмо съ явными слѣдами сажи на конвертѣ.

— Я спрятала на всякій случай, — сказала она съ какой-то горделивой улыбочкой.

Разорвавъ конвертъ, я извлекъ изъ него зашифрованную записку и длинную полосу цифръ на тонкой шелковой бумагѣ.

Работа началась.

Дешифровка дала мнѣ содержаніе записки:

— Немедленная ваша необходимость постигнетъ Арвола и получить прибывшіе вѣнцы. Инструкція подлежить исполненію до 15-го января.

Фишманъ - Оргень.

Еще разъ прочелъ содержаніе нелѣпо составленной Фишманомъ записки и подумалъ:

— Кто же на самомъ дѣлѣ мой "хозяинъ"? Фишманъ, Розенталь или Бобрищевъ?

Предписаніе, по расшифровкѣ, гласило:

— Весьма срочное: Москва запрашиваетъ точный адресъ, дѣятельность прибывшаго изъ Польши Колоиеля Мицкевича. Близокъ кругамъ генерала Миллера. Приобрѣтите фотографію. Расходы четырехста долларовъ получите резидента по счетамъ особо. Вторымъ: установите связь англичаннина Бойса съ эмигрантскимъ развѣдотдѣломъ Выборга. Знаемъ офицера кличка Перманъ — кто онъ. Уничтожьте и свѣдѣнія шифромъ ЦИКАРЪ имя автора безошибочно. Начоперотдѣла.

Уничтожилъ, какъ и предписывалось. Имена запомнилъ и съ нелегкой душой отправился спать.

— Что вы получили? — спросила по злой волѣ Лифшица ставшая моею супругой.

— Порученіе и сообщеніе, что наши вещи прибыли, — отвѣтнть я.

— Какое порученіе? — спросила Залькевичъ съ нескрываеваемой тревогой.

— Не сложное. Установитъ кое что и только.

— Знаю я эти порученія. Онѣ не сложны, но за ними постоянно дежуритъ смерть, — произнесла Залькевичъ.

— Вы, мадамъ, очень пессимистично настроены, — тономъ полного безразличія къ даннымъ заданіямъ сказала я, — эти порученія дѣйствительно не рискантны.

— Хорошо, но надолго - ли? Скоро на васъ возложить исполненія, инструкции оперативнаго отдѣла. Эти "задачи" уже рѣшаются за счетъ чьей то жизни. Нѣтъ, мы начали опасную игру. У васъ не было лучшаго выбора. Получить въ затылокъ пулю или стать шпіономъ. Но я могла остаться тамъ... Миѣ не грозилъ еще... подваль... Андрей Павловичъ, не кажется ли вамъ, что этотъ пшютоватый Марухинъ шпикъ? — произнесла Залькевичъ глухо.

— О, нѣтъ! слишкомъ болтливъ и безъ всякой претензіи на глубокой умъ. Его можно использовать скорѣе, какъ освѣдомителя и притомъ самаго дешеваго. Такіе господа, обычно, цѣнные работники шпіонажа, подсобники вѣрнѣе. Они искренне и безкорыстно болтають го, за что другіе берутъ гонорары. Но они и опасны тѣмъ, кто ихъ эксплуатируетъ. Имъ вѣдь все равно кому болтать и о комъ, — сказалъ я вспоминая наши бесѣды съ Марухинымъ.

— Это вѣрно. Съ такимъ надо держать языкъ за зубами, — согласилась Залькевичъ и пожелавъ покойной ночи задернула драпри ниш, гдѣ стояла ея кровать.

Погасивъ свѣтъ я долго всматривался въ обрамленный окномъ голубовато - серебряный клочекъ неба.

— Знаемъ офицера Пермана, кто онъ? — вспомнилъ я строку изъ предписанія “начоперотдѣла”.

— Что означаетъ ихъ “знаемъ”? подумалъ я. Арестованъ - ли онъ уже и сидитъ въ погребахъ на Лубянкѣ и теперь надо лишь установить право на безусловную казнь?

Или шпионъ С. С. Ф. С. Р., шпионъ — въ дѣятельности котораго, что - то не ладно? Кличка, имя или фамилія — “Перманъ”?

И тутъ же предстала передъ взоромъ наглая физиономія Розенталя.

— А чего вы его учите... Не маленькій!

VI

У Арцола меня ожидали сундуки и чемоданы съ вещами “жены” и монны.

Онѣ были ночью доставлены изъ торгпредства.

Портной помогъ мнѣ уложить ихъ въ такси и “московскіе” подарки покатали въ Мункснесъ. Дома, раскрывая чемоданы я замѣтилъ надъ крышками обломки сургучныхъ печатей.

На одномъ мѣстѣ сохранилось:

— иностранныхъ дѣлъ.

Всѣ вещи были въ полной сохранности. Къ каждому дорожному сундуку была приложена опись подписанная, понятно, неразборчиво.

Описи я съжегъ и уничтожилъ съ чемодановъ остатки печатей Народнаго Комиссаріата Иностранныхъ дѣлъ.

Какая предупредительность — на моей шубѣ былъ новый бобровый воротникъ. Но надѣть ее въ эту зиму я не рискнулъ: кто знаетъ — найдется ея владѣлецъ и за-

держитъ еще на улицѣ съ краденной вещью.

“Жена” предложила продать свое манто. Она категорически отказалась носить платья какой-нибудь разстрѣлянной дамы.

Въ одно утро подарки “В. Ч. К.” были нами проданы скупщику - татарину за шесть тысячъ марокъ и осчастливленной Саймѣ достался воротникъ серебрянаго песка.

Тринадцатаго января я сдалъ Фишману для отсылки по назначенію сводку добытыхъ свѣдѣній, первый докладъ информатора, составленный по “даннымъ” легкомысленнаго Марухина.

Оставалось еще собрать свѣдѣнія по заданію.

Марухинъ и тутъ оказалъ мнѣ услугу.

Вечеромъ, при помощи лупы, я зашифровала химическими чернилами листъ шелковой бумаги:

— Перманъ морской офицеръ, спиртовой спекулянтъ, собраннымъ свѣдѣніямъ выбылъ Ревель. Собираю данные. Бойсь начрзвѣдки отставка англичане рабгають генштабомъ. Бѣлые Выборгъ благотворительныя организаціи во главѣ профессоръ Цейдлеръ. Имя сообщу. Колонеля нѣтъ раіонѣ. Генераль запрашиваемой группы Парижъ временно. Осложненіе работъ подробно шифромъ. Марать. Павлоновскому Ягода копія Лифшнцъ. 498981989.

Сложили аккуратно донесеніе въ пустую облатку, откуда высыпалъ аспиринъ, и спряталъ въ жилетный карманъ.

Вечеромъ вызвалъ “фрекенъ” и назначилъ свиданіе Розенталю въ кабинетѣ ресторана “Альпы” — за городомъ.

Розенталь прибылъ какой-то разстроенный и недовольный.

Разсѣянно выслушалъ мой докладъ и получивъ облатку небрежно положилъ въ бумажникъ.

— Составляйте для меня подробный списокъ эмигрантовъ военныхъ и общественныхъ дѣятелей — адреса очень важны.

Можете подыскивать агентовъ, ну пять или шесть предателей необходимо для вашей работы. Отъ трехъ до пяти тысячъ марокъ, въ зависимости отъ свѣдѣній, можете платить. Меня вызывайте только по пятницамъ отъ 7 до 9 вечера. Кто этотъ типъ съ кѣмъ васъ видѣли наши въ ресторанѣ? — торжественно произнесъ Розенталь и взглянулъ на насъ.

— Это пресимпатичный парень, — отвѣтилъ я.

— Русский? знаетъ что нибудь или только пьетъ за нашъ счетъ? — бросилъ подозрительно резидентъ.

— Пригодится. Онъ свой человѣкъ въ русскомъ комитетѣ, — заступился я за "пріятеля".

— Используйте его. Купить можно? Попробуйте. Предлагаю вамъ познакомиться съ нѣкимъ Игельстремомъ. Младшимъ. Мы субсидируемъ газету "надпартийную" Хлопаютъ деньги, а толку ни шиша. Пощупайте и самого издателя. Препротивная рожа. Еще что? Ахъ, да, обратите вниманіе на дѣятельность нашего юрисконсульта Горчакова. Фотографію его я захватилъ. Мы подозреваемъ его во взяточничествѣ, — предписывалъ Розенталь роясь въ бумажникѣ.

Я взглянулъ на хмурую, бриту фیزیономію совѣтскаго юрисконсульта. Возвращая резиденту фотографію я замѣтилъ заложенную въ отдѣленіи бумажника кнпу долларовъ.

Онъ повертѣлъ между пальцами золотое стило и задумчиво взглянулъ въ уголъ кабинета зѣвнулъ.

— Всю ночь въ "очко" дули, — пробормоталъ Розенталь устало и ухмыльнулся, — скука тутъ... не то, что въ Берлинѣ было.

По счету заплатить онъ швырнувъ лакею сто марокъ на чай. Первымъ вышелъ, оглянулся по сторонамъ и сѣлъ въ автомобиль. Въ передней я натолкнулся на Марухина входившаго съ какой то дебелой дамой въ ресторанъ.

Онъ любезно снялъ котелокъ и оскалилъ рядъ бѣлыхъ зубовъ:

— Одни?

— Какъ видите. — отвѣтилъ я, овладѣвъ собой.

— Хорошо, что Розенталь вышелъ одинъ, — подумалъ я, — кто его знаетъ этого "артиста".

— Итакъ, на балу увидимся, — воскликнулъ Марухинъ и важно сбросилъ шубу на руки швейцара.

— Да, мой другъ.

По тропинкѣ я прошелъ къ стоянкѣ такси.

Выбралъ закрытую машину и поѣхалъ къ себѣ съ постоянной тревогой на сердцѣ.

VII.

— Намъ надо установить въ ближайшее время Ленинградскихъ бужуевъ получающихъ письма нелегальнымъ путемъ. Поиятно, иностранныя мисси пересылаютъ все, что имъ выгодно, но помимо нихъ работаютъ какіе - то тайные доставщики, — сказала Фишманъ манюкура ногти моимъ перочиннымъ ножомъ.

— Какъ же къ этому приступить? — спросилъ я.

— По примѣру прежнихъ лѣтъ. У насъ была въ прошломъ году одна дама въ Теріокахъ, она брала письма съ "оказіями" отъ русской эмиграціи и доставляла адресатамъ. Точно и быстро. Наше дѣло было перлюстрировать и передавать по назначенію. И не мало "теп-

лыхъ дѣлъ" образовалось такимъ образомъ. Бѣлые поймали нашего курьера на границѣ съ письмами изъ Россіи. Дамочку сцапали. Финнъ выдалъ ее, что - ли, — отвѣтилъ Фишманъ угрюмо взглянувъ на меня.

— Вашу супругу пустить бы въ оборотъ? Какъ вы на это смотрите, товарищъ? — спросилъ Фишманъ пристально взглянувъ на меня.

— Не пригодна товарищъ Залькевичъ для этой работы: ее бесполезно послать въ Теріокн и замѣнить ту даму, которая работала тамъ по оказіямъ. Она не владѣетъ финскимъ языкомъ или шведскимъ, никому не извѣстна тамъ и, вообще, направлять такого-то агента въ "прифронтовой" районъ сейчасъ опасно и главное безцѣльно. По моему надо найти среди живущихъ тамъ кого -нибудь, — отвѣтилъ я Фишману.

— Тогда надо организовать это дѣло черезъ посредство выборгскаго уполномоченнаго. Хорошо, я поговорю съ товарищемъ Розенталемъ по этому поводу. Что же дѣлаетъ теперь товарищъ Залькевичъ? — спросилъ Фишманъ рѣзко и сухо и видимо недовольный моимъ отвѣтомъ.

— Она работаетъ по собиранію свѣдѣній о проживающихъ тутъ эмигрантахъ, — поспѣшилъ отвѣтить я.

— Французскимъ языкомъ хорошо владѣетъ? — спросилъ Фишманъ рассматривая ногти.

— Отлично, а что?

— Интересное дѣло, товарищъ. Командируйте - ка ее въ Гранкулла. Это недалеко отсюда. Тамъ въ первой классной санаторіи живетъ бывший великій князь Кирилль Владиміровичъ. Надо выяснитъ его окруженіе. Ей это нетрудно. Приѣдетъ туда — я закажу по телефону на имя баронессы Толь номеръ, и баста! Какъ ей играть роль баронессы намъ съ вами не учить. По нашимъ свѣ-

дѣіямя князь любить сыграть въ карты въ салонѣ санаторіи... При удобномъ случаѣ и она приметъ участіе. Пронграетъ если нужно, не такъ - ли? Впрочемъ мы дадимъ ей другое имя. Баронесса Толь небезопасно, пожалуй. Князь можетъ знать настоящую. Лучше дадимъ ей чисто финскую фамилію. Все равно документы тамъ не спрашиваютъ. Пусть она превратится въ жену какого-нибудь финскаго адвоката или инженера. Пару чемодановъ съ ея туалетами мы перешлемъ въ Або, что - ли. Багажемъ перешлетъ нашъ агентъ въ Гранкулла, а тамъ портье привезетъ съ вокзала. Изъ Або будетъ ея "мужъ" посылать ей письма, телеграммы, а главное открытки — чтобы всѣ кому это интересно могли читать. Хэ - хэ - хэ, — произнесъ увлекшійся планомъ обработки Великаго Князя Фишманъ.

— Какимъ образомъ она будетъ доставлять вамъ свѣдѣнія? — спросилъ я озабоченный за судьбу Залькевичъ.

— О, это чрезвычайно просто, товарищъ! Въ условные дни я буду посылать въ санаторію модистку... Науу мадамъ Маргариту. Она привезетъ ей заказанное платье и получить сводку написанную на подкладкѣ, что - ли, писать ей придется составомъ "Мысль", — отвѣтилъ Фишманъ и вынувъ изъ кармана бумажникъ досталъ изъ него два маленькихъ пакетика.

— Помѣченный крестикомъ пакетъ "пирамилора" содержитъ составъ растворяемый въ кипяткѣ, второй пакетикъ — досыпать порошокъ въ остывшую воду. Писать надо заостренной спичкой и. понятно, — шифромъ. Вотъ передайте ей чернила и сообщите, что черезъ нѣсколько дней ей предстантъ командировка. Заготовьте чемоданы съ платьемъ — за нимъ приду я самъ.

Фишманъ хлопнулъ бумажникомъ по колѣну и по-

часавъ горбатый носъ указательнымъ пальцемъ вско-
чилъ.

— Чертъ возьми, засидѣлся! У меня свиданіе съ
эстонцами, — бросилъ онъ торопливо и взявъ со стула
шубу одѣлся.

Напялили шляпу и протянувъ миѣ на сей разъ всю
кнсть произнесъ:

— До свиданья! Жду васъ завтра въ пять часовъ
вечера у сапожника съ отвѣтомъ отъ “жены”. Одѣньтесь
поскромнѣе. До свиданья.

Въ одно изъ оконъ я видѣлъ, какъ юркнулъ въ ка-
литку присутствующійся Финшманъ.

Всю нашу бесѣду я передалъ приходшей съ про-
гулки Залькевичъ.

Она слушала застывъ въ позѣ приговоренной...
Голова ушла въ плечи и пальцы нервно теребили края
скатерти.

— Ъду, что дѣлать? — удрученно произнесла она
и вставъ, направилась въ спальню.

Я безпомощно развелъ руками и подумалъ глядя ей
вслѣдъ:

— Плакать пошла. Долго - ли выдержать?

Въ низенькомъ, придавленномъ къ землѣ домикѣ,
на одной изъ улицъ предмѣстья, жилъ сапожникъ Мууко-
ненъ. (бѣжавшій въ С. С. С. Р. въ 1923 году). Моложа-
вый, кряжистый и широкоплечій финляндецъ занималъ
весь домъ, состоявшій изъ двухъ комнатъ и кухни. Въ
1919 году онъ кончилъ курсы команднаго состава въ Ле-
нинградѣ и былъ посланъ на подпольную работу въ
Гельсингфорсъ.

Прибыль “легально” или вѣрнѣе перешель грани-
цу подъ обстрѣломъ совѣтской пограничной стражи.
Пробыль двѣ недѣли въ карантинѣ, посидѣлъ нѣсколько

дией въ полиціи и такъ какъ оказался "чистымъ" получить разрѣшеніе остаться на родинѣ.

Занявъ убогую квартиру и сталъ подбивать подметки, чинить обувь и платать галоши... Клиентелой были Муукоенъ доволенъ — рабочіе, извозчики и другіе бѣдняки малолюдного квартала.

Муукоенъ велъ трезвый образъ жизни, не курить, единственною слабостью бѣдняка - сапожника была любовь къ шахматной игрѣ. Ночи просиживалъ со "знакомыми" за черю - желтой доской...

— Пройдите въ заднюю комнату, тамъ чище и кожей не такъ воиаетъ, — предложилъ миѣ хозяинъ и раскрылъ передо мной дверь.

Кровать, три деревянныхъ стула, столъ и въ углу полка съ книгами.

На стѣнѣ висѣли олеографіи Беклина — "Островъ смерти" и засиженный мухами календаръ какой - то фирмы мыла.

— Вы давно уже прибыли? — спросилъ Муукоенъ оставаясь стоять около двери.

— Около мѣсяца тутъ, — отвѣтилъ я любуясь атлетической фигурой краснаго офицера.

— У меня тамъ остались жена и двое дѣтей. Обѣщаютъ все сюда ихъ доставить... А какъ я тоскую по нимъ, — горестно произнесъ Муукоенъ и свѣтлая улыбка озарила его грубое, скуластое лицо.

— Ну, какъ тамъ, вообще? Хорошо, не правда - ли? Пролетаріатъ строить новый міръ. Великое это дѣло. Да— великая побѣда. Какъ вы думаете, скоро тутъ будетъ тоже самое, что и въ Россіи? Наши всѣ готовы... Я уже имѣю роту молодыхъ пролетаріевъ. Учу ихъ по вечерамъ, между шахматами, боевой тактикѣ. Молодцы ребята. Горятъ жаждой сразиться съ капиталистами.

Да, — промолвил сапожник мечтательно глядя куда-то въ даль.

— Теперь стало лучше. Понятно, въ конечномъ побѣдить коммунизмъ, — солгалъ я Мууконену и подумалъ, что бѣдняга напрасно ждетъ жены и дѣтишекъ — они заложники.

— А вотъ и товарищъ Фишманъ, кажется пришелъ, — произнесъ Мууконенъ кивнувъ въ сторону входной двери.

Закрывъ дверь комнаты онъ кинулся отпирать дверь на дворъ.

Въ кухнѣ закартавилъ голосъ Фишмана.

Въ вошедшемъ типѣ, въ потертомъ пальто, финской мѣховой шапкѣ и пестромъ шарфѣ вокругъ шеи, трудно было узнать Фишмана.

— Добрый вечерокъ, — привѣтствовалъ меня Фишманъ снимая шапку и садясь на край постели.

— Здравствуйте, товарищъ, — отвѣтилъ я и невольно разсмѣялся.

— Вы чего, а? — спросилъ онъ.

— Вы неузнаваемы, товарищъ Фишманъ, — пояснилъ я причину смѣха.

— Я то? О, да! Надо, товарищъ, шкуру мѣнять, а то глазъ наматаютъ шпики. Это что еще! Разъ я нарядился финскимъ попомъ и отъ Ганге до Або проѣхалъ по желѣзной дорогѣ, самодовольно улыбаясь сказалъ Фишманъ и снявъ шерстяной шарфъ бросилъ его на кровать.

— Товарищъ Мууконенъ, дверь заперли? — спросилъ онъ сапожника.

— Да, — отвѣтилъ тотъ почтительно.

— Идите сюда и слушайте. Есть дѣло, — продолжалъ онъ растегивая пальто.

Сапожникъ покорно сѣлъ около окна изъ котораго была видна узенькая уллица слабо освѣщенная кривобокимъ фонаремъ.

— Ночью, къ вамъ придуть два товарища — эстонцы. Устройте ихъ во второй комнатѣ. Рано утромъ за ними придетъ Якко. Онн усталн. Дайте имъ выспаться, а сами караульте, слышите. Ящикъ, который онн прине-сутъ надо спрятать куда - нибудь подальше. Въ немъ оружје и оомундированіе для эсткомпартіи. Поняли? — предписаль Фишманъ и мелькомъ бросивъ на меня взглядъ добавиль, — тамъ готовятъ возстаніе. Товарищи Гансъ и Муслане поѣдутъ черезъ границу въ Ленинградъ и оттуда уже въ Ревель. Онн скрывались тутъ съ осени. Слѣды замѣтали. Ящикъ перешлемъ черезъ полпредство. Чертъ знаетъ, сколько разныхъ дѣлъ, а работать некому.

Сапожникъ кивнулъ коротко стриженной головой и сказалъ:

— Вѣрно, товарищъ! Работы тьма, а работниковъ мало. Трусы всѣ, шкурники.

— Какъ ваша жена ѣдетъ? — спросиль Фишманъ.

— Да. Ждетъ вашихъ распоряженій, — отвѣтилъ я скрывая нарастающую неприязнь къ Фишману.

— Хорошо. Что вы знаете относительно Игельстрема? — спросиль Фишманъ.

— По мною собраннымъ свѣдѣніямъ онъ не особенно надеженъ. Вращается среди бѣлыхъ и выдаетъ тайны редакціи. Агентство "Нордъ - Остъ" тоже неблагополучно. Пока что собираю свѣдѣнія, — умышленно "обѣлнль" я совѣтчиковъ изъ "Нордъ - Оста".

— Я такъ и зналъ! Я такъ и зналъ, — заволновался Фишманъ, — скоты, паразиты! Тысячъ сто денегъ сожралн и толкъ какой! Я не разъ говорилъ идиоту Розен-

талю: не давайте имъ ни одного пенни. Ладно. Соберите объ этой сволочи матеріаль и я пошлю докладъ въ президіумъ В. Ч. К. Пусть лквндируютъ эту бѣлогвардейскую богадѣльню. Канальн!

— А ихъ нельзя совсѣмъ убрать? — робко спросилъ Мууконенъ.

— Не стонть дрянн трогать. Просто перестать давать деньгн и баста, — буркнулъ Фишманъ и обращаясь ко мнѣ спросилъ, — относительно Горчакова ничего?

— Пока что ничего, товарищъ, — отвѣтилъ я.

— Поторопнтесь съ нимъ. У насъ получены свѣдѣнія, что онъ собирается совершить закупку гильзовой бумагн черезъ посредство виднаго русскаго эмигранта. О Горчаковѣ не собрали еще? Я поннмаю васъ, трудно, понятно, еще нѣтъ связей. Деньгн у васъ есть?

— Есть, — отвѣтилъ я.

— Я все - таки захватилъ для васъ сорокъ тысячь марокъ. Не стѣсняйтесь тратить на дѣло, товарищъ. Работа безъ денегъ не работа. Напншите мнѣ расписку и подпишитесь какъ хотите, — сказалъ Фишманъ и передалъ мнѣ пачку кредитокъ.

— Мерси, — небрежно скомкавъ лнстъ вырванный изъ блокнота, мою расписку, и сунувъ ее въ жнлетный карманъ, процѣдилъ краемъ рта Фишманъ.

Отсчиталъ еще нѣсколько новенькнхъ тысячныхъ кредитокъ и сказалъ Мууконену:

— Получайте ваше жалованіе за удержаніемъ суммъ выданной вашей женѣ.

— Спасибо, товарищъ. Вотъ посылку надо бы переслать женѣ, — пронзнесъ вставая сапожникъ.

— Отлично! Заготовьте и пошлемъ, — согласился Фишманъ положивъ на вымазанную варомъ ладонь сапожника деньгн. Надѣлъ пальто. Намоталъ на шею шарфъ и напялил на глаза шапку.

— Я пошелъ, товарищъ. — сказалъ онъ протягивая намъ руку.

— За чемоданами я лично заѣду. Слѣдующее свиданіе послѣ бала на квартирѣ “Спортсмена” на Цирковой улицѣ. Адресъ не забыли? — уже въ двери сказалъ онъ мнѣ и козырнувъ вышелъ въ стѣни.

— Вотъ идейный товарищъ, — высказался сапожникъ послѣ ухода Фишмана.

— О, да, — согласился я съ мнѣніемъ Мууконена.

VIII.

По совѣту Марухина мы явились на балъ безъ маскарадныхъ костюмовъ и масокъ. Рискнули! “Жена” въ великолѣпномъ вечернемъ туалетѣ изъ лучшаго моднаго дома, а я въ смокингѣ... Заняли заказанный столикъ.

Въ залѣ — весь цвѣтъ Гельсингфорсскаго общества. Финны шведы, англичане, французы, американцы, итальянцы и тѣ, кто въ Р. С. Ф. С. Р. были... внѣ закона — русскіе. Бывшіе... Военные, ученые, адвокаты и просто эмигранты.

И въ этой многоязычной, нарядной и оживленной массѣ гостей наше появленіе не привлекло никакого вниманія.

Въ скромно одѣтомъ пожилomъ распорядителѣ я узналъ благороднѣйшаго человѣка изъ “Прошлаго” — полковника Балицкаго, высокій и еще не надломленный вихрями жизни прошелъ между столками элегантный господинъ съ георгіевской розеткой въ петличкѣ смокинга — генералъ Васильковскій... Суетливый Баумгартень... “Простакъ любительскихъ спектаклей” — полковникъ Кондыревъ... Директрисса русской гимназін

мадамъ Балицкая... И цѣлый рядъ лицъ "старого", времени боевой страды Гельсингфорса.

Я не буду писать о высокой эстетической цѣнности обширной программы. Отмѣчу красивый жестъ устроителей бала. Кто - то изъ распорядителей подъ звуки туша передавалъ артистамъ, по окончаніи ихъ номера, скромный букетъ живыхъ розъ перевязанныхъ русской національной лентой...

На этомъ балу я возобновилъ связь съ прошлымъ — къ нашему столу присѣлъ, какъ разъ тотъ, кто считался самымъ злостнымъ врагомъ пославшихъ меня.

Это былъ капитанъ перваго ранга Z. За его "изъятіе" бывший въ 1922 году большевистскій комендантъ-чеккистъ Сайрио предлагалъ финскимъ партійцамъ десять тысячъ долларовъ и свободный доступъ въ любую страну.

Я былъ очень радъ присутствію Марухина — онъ все время поддерживалъ бесѣду, ему — неугомонному болтуну — удалось не разъ вывести меня изъ положенія принудительной лжи.

Мы уѣхали съ бала до танцевъ: жена сослалась на мигрень.

Я вошелъ такимъ образомъ въ сферу "бѣлыхъ"...

"Спортсменъ", на квартирѣ котораго было Финшманомъ назначено свиданіе — штукатуръ лѣтъ 30 - 35, по русски не говорилъ и по произнесенію мною пароля молча провелъ меня въ прилично обставленную комнату и указалъ рукой на кресло.

Я умышленно воздержался отъ разговора съ нимъ на финскомъ языкѣ, — фізіономія была неприятная и наглая. Меньше такихъ знакомыхъ, — рѣшилъ я.

Этотъ штукатуръ былъ членомъ финской Компартіи, сндѣлъ за возстаніе 1918 года два года въ тюрьмѣ и

теперь числится вице-председателем "рабочего" спортивного общества и казначеем "Мопра"а.

"Спортсменъ" оставилъ меня въ комнатѣ и вышелъ на кухню, гдѣ сидѣлъ какой - то человекъ въ высокихъ сапогахъ и полушубкѣ.

Я осторожно подошелъ къ двери и подслушалъ ихъ разговоръ.

— Русский? — спросилъ, очевидно, тотъ у хозяина.

— Да, новый, вмѣсто "Оскара", — отвѣтилъ запрашиваемый.

— А гдѣ же Оскаръ теперь?

— Увезли осенью въ Петарн. Я заманилъ на моторную лодку и около маяка сдалъ на "Спартакъ".

— Какъ это такъ? Неужели Оскаръ измѣнилъ намъ?

— Еще не успѣлъ, товарищъ Шмидтъ, знаешь, монтеръ изъ "Аполло", улчилъ его. Каждый вечеръ сидѣлъ со шпиками въ ресторанѣ "Калева". Ну, и далъ мнѣ задачу, напоить его и позвать покататься. Коренецъ литръ виски отпустилъ и готово. Хотѣлъ, собака, сопротивляться, а я ему разъ наганомъ по черепу, — отвѣтилъ хозяинъ.

— Навѣрно разстрѣляли, а?

— Да, и въ море. Старый якорь, говорили товарищи, на шею и за бортъ.

— А этотъ - то изъ офицеровъ, что - ли?

— Чертъ его знаетъ. Товарищъ Саломанъ ничего не сказалъ. Знаешь, Пекка, есть дѣло, на которомъ можно заработать нѣсколько тысячъ марокъ.

— Какое - же?

— Фишману надо найти парнишку среди солдатъ въ Сантахамнна. У тебя, кажется, кто-то тамъ былъ.

— Какъ - же, какъ - же... Матти. А на что онъ?

— По офицерской части. Рядовой или унтеръ?
— Сержантъ. Толковый парень!
— Выпиваетъ? Дѣвку имѣетъ?
— Еще какъ пить! Навѣрно и баба есть. Гдѣ же безъ бабы?

— Отлично! Ты поговори - ка съ нимъ. Если онъ согласится давать намъ свѣдѣнія каждую недѣлю, тысячи полторы получить въ мѣсяцъ. Риску никакого. А у тебя какъ дѣла идутъ?

— Удалось стянуть копии приказовъ. Вѣдомости снаряженія купилъ за тысячу бумагъ, теперь послѣ отпуска постараюсь приобрести свѣдѣнія о запасахъ ручныхъ гранатъ. Я хочу попросить у Фишмана прибавки. За организацию ячейки надо бы прикинуть тысячу въ мѣсяцъ. У меня расходы большіе: то ребятамъ на кино дашь, то купишь спирту на дѣло. Три тысячи, право, мало. Ты поддержи меня. Хейкки. Скажи ему, что я стараюсь доста....

Задремавшій звонокъ оборвалъ ихъ разговоръ. Я вернулъ къ столу и сѣлъ.

Въ кухнѣ раздался голосъ Фишмана:

— Пришелъ?

— Сдѣсь, уже тафιο, — на ломаниомъ русскомъ языкѣ отвѣтилъ "Спортсменъ".

— Ну, сержантъ, какъ дѣла? очевидно, гостя, спросилъ Фишманъ.

— Карашо, товарищъ.

— Посиди, потомъ поговорю съ тобой, — произнесъ Фишманъ и вошелъ въ комнату.

— Добрый вечерокъ, товарищъ, — сказалъ онъ входя и снялъ мягкую фетровую шляпу.

По обыкновенію ткнулъ миѣ три пальца и развалился на диванѣ.

— Какъ на балу? Кое - что есть, а? Что это вы чушь нагородили, товарищъ? Мнѣ всыпали изъ - за васъ. Вы сообщили, что бѣлые въ Выборгѣ имѣютъ благотворительную организацію. Неправда. У нихъ тамъ шпионскій центръ. Кто такой профессоръ Цейдлеръ? Шпионъ, товарищъ. Да - съ, а вы пишете благотворительныя организаціи. Я то понимаю — вы еще не успѣли собрать нужныхъ данныхъ. Не такъ - ли? Женѣ не нужно ѣхать. Птичка уже улетѣла. Князь уѣхалъ въ какое - то мѣсто. Вернется — пошлю. Теперь ей новая работа. Тутъ есть такой дамскій комитетъ. Эмигранщина все. У нихъ устраиваются вечернія работы по шитью одежды нуждающимся эмигрантамъ. Пусть идетъ и устроится работать. Моль, хочу помочь бѣднымъ жертвамъ большевизма. Ха - ха - ха! Работаютъ тамъ всякіе буржуйки. Жены видныхъ эмигрантовъ. Такъ за шитьемъ — тары - бары, и многое можно узнать. Бабы вообще болтливы, товарищъ, — сказала Фишманъ барабаня пальцами по колѣну.

Закурилъ и предложивъ мнѣ сигарету спросилъ:

— Списки подвигаются?

— Медленно, но точно. Я группирую по чинамъ, профессіямъ и настоящему положенію, — отвѣтилъ я.

— Отлично! Я на нѣкоторое время ѣду въ Москву. Меня замѣнитъ товарищъ Муценекъ. Комендантъ нашихъ зданій. Если узнаете что - нибудь внѣ директивы, немедленно передайте ему черезъ товарища Петрова. Его можно видѣть каждый вечеръ на Главной почтѣ. Бородатый шатень. Сдать ему "дѣло" очень просто. Въ пять часовъ онъ сдаетъ почту у окна 4. Подойдите и увидите наши пакеты сдаваемые въ окошко по книгѣ. Узнайте Петрова и незамѣтно сдѣлайте глазами "есть". Онъ будетъ знать. Потомъ идите за нимъ на Сенатскую

площадь, въ одинъ переулокъ. Тамъ общественная уборная и готово! Понятно, все шифровкой, — произнесъ Фишманъ и протянулъ руку.

— Идите, а жену пошлете немедленно въ “дамскій кружокъ”. Товарищъ Муценекъ васъ вызоветъ, когда надо, — сказалъ онъ вставая и направляясь къ двери.

Позвалъ въ комнату человѣка изъ кухни и кивнулъ мнѣ головой:

— До свиданья.

**

Однажды вечеромъ ко мнѣ явился “комендантъ зданій” Р. С. Ф. С. Р. — товарищъ Янъ Мутценекъ — “Муценекъ” — “Кирманъ” — “Виленскій”. Высокій, бритый, лѣтъ тридцати пяти, блондинъ. Его появленіе было вызвано срочностью дѣла заключавшагося въ продажѣ 211 брилліантовъ полученныхъ имъ для реализаціи и пополненія суммъ развѣдывательныхъ органовъ.

Брилліанты были разной величины — отъ половины карата до пяти съ четвертью и, по словамъ коменданта, “церковнаго” происхожденія.

Онъ сдалъ мнѣ подъ расписку драгоцѣнный товаръ и предложилъ обратиться къ живущему въ Тээлэ господину Ш., спекулянту драгоцѣнными камнями.

Замшевый мѣшечекъ съ брилліантами оцѣнилъ Муценекъ въ 930.000 марокъ, въ случаѣ же если я получу больше, то прибыль подѣлать пополамъ.

По его словамъ изъ этой суммы придется сдать Сайрю 500.000 марокъ и Бобррицеву 400.000 марокъ — остальные 30.000 предназначены для передачи портному Арвола.

Муценекъ передалъ мнѣ порученія военнаго агента Бобррицева и спѣшно уѣхалъ въ городъ, обѣщавъ придти на второй день утромъ справиться о реализаціи “ка-

мешковъ”.

Я поѣхалъ по указанному адресу къ спекулянту.

Въ барской квартирѣ меня встрѣтилъ полный, краснощекій и съ “курьезнымъ” носомъ господинъ въ японскомъ халатѣ — представитель какой-то иностранной фирмы по продажѣ брилліантовъ.

— Кто васъ направилъ ко мнѣ? — спросилъ онъ узнавъ причину посѣщенія.

— Вашъ адресъ далъ мнѣ господинъ Марухинъ, — солгалъ я наугадъ, думая, что артистъ ему, вѣроятно, знакомъ.

— А, Александръ Владиміровичъ! — воскликнулъ комерсантъ и вооружившись лупой разложилъ на письменномъ столѣ черный бархатъ.

— Покажите - ка камни, — предложилъ онъ усаживаясь къ столу.

Я далъ ему часть брилліантовъ, по крупнѣй.

— Сколько ихъ всего?

— Восемнадцать такихъ.

— А всего сколько?

— Двѣсти одиннадцать.

Комерсантъ вскинулъ голову и испытующе взглянувъ на меня спросилъ:

— Вашн?

— Понятно, мон, — “искренно” обидѣлся я, — это состояніе оставшееся отъ ликвидаціи имущества въ Бессарабіи.

— Вы румынъ?

— О, нѣтъ! У меня было тамъ имѣніе. Продалъ и перевелъ леи на это, — отвѣтилъ я.

— Всѣ одной величины или есть и побольше?

— Нѣтъ, остальные меньше.

— Присядьте и закурите сигарку. Настоящіе “Га-

ваннь". А я изучу камешки, — предложил комерсантъ и указаль рукой на восточный столнкъ около дивана.

Пока онъ измѣряль брилліанты, разсматриваль, взвѣшиваль и протираль я задымилъ дѣйствительно хорошей рижской сигарой.

— Этн восемнадцать средней чнстоты, вода желтовата, есть точечки въ двухъ камешкахъ. Одинъ, правда, голубоватый, — сказалъ комерсантъ повернувшись ко мнѣ, — сколько стоитъ все?

— Двѣсти тысячь марокъ.

Онъ повернулся на стулѣ — принялся что - то высчитывать.

— Много хотнте. Теперь цѣна падаетъ. Рынокъ великъ. Дамъ вамъ сто восемьдесятъ тысячь. Хотнте? — сказалъ онъ.

— Меньше указанной суммы я не уступлю, — рѣшительно пронзесь я, помня указанія коменданта.

— Покажите теперь другіе, — сказалъ видимо расположенный къ покупкѣ комерсантъ.

Вытряхнулъ на его столъ изъ мѣшечка остальные.

— Ай, какая мелочь! Почти каратинчки! Дешевый матерьяль, — воскликнулъ комерсантъ съ нескрываемой радостью.

— Сколько ихъ всего? И какая цѣна?

— По моей расцѣнкѣ такъ: 50 штукъ по 5000 марокъ, 47 штукъ по 4000 марокъ, 20 штукъ по 1.500 марокъ 36 штукъ по 2000 марокъ, 40 штукъ по 6000 марокъ, а всего на сумму финскихъ марокъ 980.000, — отвѣтилъ невозмутно я послѣ подсчета въ своей записной книжкѣ.

— Почти млліонъ! Это, знаете, много. Въ переводѣ на "доллары" очень много. Не найтн вамъ здѣсь покупателя. Ну, кто можетъ выложить сразу почти мил-

лионъ, а? — засуетился комерсантъ перебирая между пальцами брилліанты и разсматривая ихъ.

— У меня уже есть, да разинца въ десять тысячъ мѣшаетъ сдѣлкѣ, — сказала я, увѣренный въ томъ, что уйду изъ квартиры комерсанта безъ мѣшечка и съ валютой въ карманѣ.

И могъ быть увѣреннымъ, что брилліанты будутъ куплены: цѣны были крайне дешевы, но тогдашнимъ цѣнамъ половина дѣйствительной стоимости.

Но въ виду спѣшности и риска реализаціи, понятно, Муценекъ сбавилъ цѣну.

Наконецъ, мы договорились — я уступилъ пятнадцать тысячъ марокъ и за 965.000 марокъ брилліанты остались въ несгораемомъ шкафу комерсанта.

Пачка "долларовъ" въ карманѣ я покинулъ квартиру комерсанта. взявшаго съ меня слово не боятъ о нашей сдѣлкѣ.

Утромъ явился Муценекъ.

Я доложилъ ему о удачной сдѣлкѣ. И каково было мое изумленіе, когда въ бесѣдѣ съ нимъ выяснилось, что кто-то "болтуна" уже ему о суммѣ полученной отъ продажи.

Тридцать три тысячи финскихъ марокъ вручилъ мнѣ Муценекъ — гонораръ за совершеніе сдѣлки. Пачка долларовъ исчезла въ его желтой кожн портфель.

Передавъ мнѣ коммунистическій привѣтъ отъ Павлоновскаго онъ сообщилъ, что меня назначаютъ съ перваго апрѣля завѣдующимъ агентурой девятаго сектора т. е. мнѣ будутъ подчинены всѣ агенты — освѣдомители арміи, министерствъ и т. п.

Финляндія была тогда разбита на одиннадцать секторовъ съ резиденціями "завагентовъ" въ городахъ: Выборгѣ, Таммерфорсѣ, Або, Гельсингфорсѣ, Ганге, Виль-

манстрандѣ, Лахти, Тавастгустѣ, Бьернеборгѣ, Раумо и Торнео. Всѣ же резиденты подчинялись уполномоченнымъ "Развѣдупра" въ лицѣ военного агента Бобрищева и его помощника морского агента, фиктивно числящагося представителемъ "Доброфлота".

Но это не означало еще разрыва съ "В.Ч.К.", представители котораго состояли въ штатѣ полпредства и числились первымъ секретаремъ — Коренецъ, завбюропечати — Рабиновичъ, второй секретарь — Розенталь - Кирштейнъ, экономъ — Фшманъ и казначей Сайрю.

Поблагодаривъ за оказанное довѣріе я предложилъ Муценеку позавтракать у меня.

Ему было не до завтрака — надо было торопиться доставить деньги Бобрищеву.

— Комбригъ посылаетъ сегодня двухъ товарищей въ Англию. Имъ надо отвалить почти полмилліона. Ёдутъ къ горячкамъ. Забастовку организовать. На дняхъ вы получите ниструкціи работъ, новые шифры и списки агентуры. Товарищъ Бобрищевъ просилъ меня передать вамъ пожеланіе выяснить, какъ можно скорѣй, дѣятельность нѣкоего морского офицера Пермана. Этотъ типъ перешелъ нелегально границу съ нашимъ проводникомъ и посятилъ лицъ, которыхъ мы включили въ списки раскрываемаго новаго заговора. Арестовать его, пока, нѣтъ смысла — надо установить къ какой группировкѣ онъ принадлежитъ. Подыскивайте себѣ еще одну квартиру для свиданія съ агентами. Ихъ не надо натаскивать на вашъ слѣдъ... Наше слѣдующее свиданіе состоится на квартирѣ "Сапожника" въ субботу, въ 10 часовъ вечера, — сказала разставаясь Муценекъ и крѣпко пожавъ мнѣ руку оставилъ мою квартиру.

Зашифрованный приказъ, присланный мнѣ Павло-
новскимъ гласилъ:

— Назначеніемъ завагентуры предписываю не-
медленно приступить составленію подробнаго доклада
состояніи фінансиі вашего сектора. Во - первыхъ,
установить командный составъ на 15 текущаго мѣсяца,
измѣненія въ немъ указаніемъ куда или откуда были-
прибыли чины, во - вторыхъ, установите предстоящіе
маневры, учебныя выступленія частей, въ - третьихъ,
настроеніе нижнихъ чиновъ, питаніе, обмундированіе,
количество коммандировокъ, агентовъ, нинформаторовъ. Введе-
те новыхъ контролирующихъ агентовъ части 301, 304,
1009 и 1008. Снимите работъ районъ НЛБ агента 90.
Пошлите границу распоряженіе Соколова безъ мотивовъ
снятія, лучше дайте командировку, снабдивъ шифромъ
Соколову мой номеръ 13409/227. Англичане работаютъ
вашемъ районѣ вмѣстѣ американцамн. Попробуйте войти
сношеніе каперангомъ Седерстремомъ несомнѣнно аме-
рагентъ. Хлопочеть визу дѣлу американской благотво-
рительной организаціи. Военингенту доложите прямой
проводъ мнѣ. Узнайте прибывшемъ военминистрѣ Су-
хомлинновѣ отель Эспланада, придворномъ Мамоптовѣ,
генералѣ Сиреліусѣ, баронѣ Альфтанѣ. Послѣдній пред-
сѣдатель комиссіи требованію убытковъ. Сто тысячъ ма-
рокъ открыть счетъ апрѣль Сайріо имѣетъ приказъ
13409/209.

Павлоновскій секретарь
Веннкась.

Прочитавъ это "посланіе" я углубился въ чтеніе
присланный изъ Москвы "Общаго положенія о работѣ
завѣдывающихъ военотдѣлами съ динитрофовъ".

Всѣ 143 параграфа предписывали мнѣ, въ различ-

ных формах и вариантах, собирать сведения о пехотѣ, авіаціи, технической подготовленности, артиллеріи, военных складахъ, продовольственныхъ базахъ, укрѣпленіяхъ, фортахъ, расположеніи казармъ, тюремъ, общественныхъ и государственныхъ зданій, командномъ составѣ, штабахъ и министерствахъ и т. д. "Катехизисъ" составленный товарищемъ Высоцкимъ предназначался для одной Эстоніи, ибо въ немъ упоминались острова Эзель и Даго.

На первой страницѣ вверху было жирно напечатано:
По ознакомленію уничтожить.

Вся брошюра имѣла 18 напечатанныхъ на шелковой бумагѣ страницъ убористаго петита.

Ознакомился и уничтожилъ, бросивъ ее въ пылающій каминъ.

Перспектива была не изъ блестящихъ — надо было приступать къ работѣ связанной съ рискомъ и тяжелыми послѣдствіями.

Теперь уже Марухинскими "свѣдѣніями" не отдѣлаться!

Списокъ агентовъ:

- 1) Антти Холопайненъ, номеръ 19.
районъ В. В. W., кличка «Sukka»
- 2) Тааветти Паю, номеръ 24.
районъ В. А. Р., кличка Kirves
- 3) Коркела, номеръ 130.
районъ Н. Г., кличка "Muna"

и еще десятка два "Микко" и "Хейкки" съ кличками самыхъ различныхъ формаций и значеній.

Я зашифровалъ снова имена, клички, районы и номеръ каждаго агента на листѣ печатнаго романа "Молчи, грусть, молчи".

Между нотными строками шифръ "Марать" и составъ "Звѣзда".

Комбинаціи составовъ присылались каждый мѣсяць.

Агентомъ "90", о которомъ значилось въ предписаніи Павлоновскаго, оказался занесенный въ списокъ подъ псевдонимомъ "Техинкъ" Якко Уймоненъ, безработный слесарь, получавшій жалованіе изъ суммъ "Развѣдупра".

Къ списку агентовъ прилагался пояснительный указатель адресовъ, содержанія и вида "работы".

Рискуя сохранить этотъ документъ безъ зашифровки я спряталъ его въ потайномъ днѣ одного изъ чемодановъ.

Итакъ мнѣ предстояло снять съ работы уличеннаго въ чемъ - то коммуниста и "командировать" его въ распоряженіе Соколова.

Лица, попадавшіе въ комендатуру пограничной Ч. К. председателемъ которой состоялъ бывший заурядъ прапорщикъ Соколовъ обычно арестовывались и препровождались въ М. Ч. К. или ставились къ стѣнкѣ въ особнякъ отдѣла "Региструпа" въ Шуваловѣ, по Финляндской жел. дорогѣ.

Въ застѣнкѣ шуваловскаго отдѣла въ 1920 году были разстрѣляны прибывшіе изъ Финляндіи рабоче-коммунисты, такъ называемые "активисты", противники тактики подчиненія Финкомпартіи "Р.К.П." Ихъ заманили товарищи Рахья и Сирола на конгрессъ "оппозиціи". Девять партійцевъ — всѣ участники 1918 года съ большими трудностями перешли границу и были доставлены въ кабинетъ Соколова для допроса...

Подъ прикрытіемъ ночи китайцы - чекисты разстрѣляли ихъ въ бывшемъ павильонѣ яхтъ - клуба.

Тамъ - же, по слухамъ, окончилъ свои бурные дни

бывшій членъ финскаго совѣта народныхъ комиссаровъ, дегенератъ — алкоголикъ Хаапалайнень, разстрѣль котораго скрывался нѣсколько лѣтъ.

На второй день, утромъ, я направился въ Катаянокка — “снимать” агента подъ номеромъ 90.

Въ подчердачной каморкѣ ютилась семья въ пять душъ...

Самъ — “номеръ 90”, его жена, двое рахитичныхъ дѣтишекъ и прикованный къ постели, разбитый параличемъ старикъ - отецъ Уймонена.

Я вызвалъ его на улицу.

Назвалъ пароль и сообщилъ ему мотивы прихода.

Командировка по “важному дѣлу” — возымѣла свое дѣйствіе. На его одутловатомъ лицѣ пьяницы появилась счастливая улыбка.

— Когда надо ѣхать? — спросилъ онъ хриплымъ басомъ.

— Какъ только пріѣдетъ проводникъ, — отвѣтилъ я.

— На долго? — спросилъ онъ снова и кивнувъ головой на красное зданіе тюрьмы, мимо котораго мы прошли, проворчалъ, — вотъ тутъ и меня солили “лахтари”.

Я не обратилъ вниманія на его замѣчаніе и предложилъ придти на Мункнесскій постъ сегодня же вечеромъ за деньгами и письмомъ.

“Номеръ” далъ согласіе и попросилъ авансъ сейчасъ - же на хозяйственные расходы.

Въ одномъ малолюдномъ переулкѣ я передалъ ему двѣ тысячи марокъ и разстался.

— “Снять”, — подумалъ я, идя по деревянному настилу къ сверкавшему въ лучахъ солнца заливу.

Вдали маячили “Коркеасаари”, направо — Бренде, налѣво — Свеаборгъ.

Спустился на ледъ и побрелъ къ стоявшимъ въ докахъ крейсерамъ.

Нашн бывшіе боевые единицы Балтійскаго флота. Обогнулъ Свеаборгскій портъ и вышелъ на одну изъ пустынныхъ улицъ.

Пошелъ къ городу.

Зданіе бывшаго Морскаго Собранія...

Клубъ матросовъ - анархистовъ въ 1918 году. На вышкѣ бѣлый съ синимъ крестомъ флагъ.

Скаттуденскій мостъ. Русская церковь — на скалѣ.

Отсюда, съ этого моста, въ первые дни революціи опьяненные кровью матросы сбрасывали въ воду разстрѣлянныхъ офицеровъ.

На немъ былъ убитъ "командующимъ Балтійскимъ флотомъ", матросомъ Дыбенко, юный гардемаринъ попавшійся на глаза пьяной оравъ главы "штаба".

Черезъ него проѣхали залитые кровью сани съ убитыми на Лоцманской улицѣ одиннадцатью офицерами "Петропавловска". По приказу Раскольниковова. И тамъ, гдѣ теперь стояла заколоченная президентская пристань брошены въ прорубь...

Нанялъ такси и поѣхавъ домой, всю дорогу думалъ о номерѣ 90.

Вѣрнѣй о тѣхъ, кто останутся въ той подчердачной квартирѣ.

Первое заданіе центра было исполнено въ точности.

IX.

Пришла очередная почта изъ центра : инструкціи "Развѣдупра", "В. Ч. К." и списокъ лицъ, за которыми мнѣ предписывалось поставить наблюденіе. Понятно,

все было зашифровано и ключъ къ дешифровкѣ мѣ надлежало получить въ полпредствѣ, куда обычно онъ высылался въ дипломатическомъ портфель курьера Наркоминдѣла.

Инструкція "Развѣдупра" гласила сокращенно своими параграфами такъ:

— § 14. Обратите вниманіе на всѣхъ уволенныхъ съ военной службы филофицеровъ, зарегистрируйте ихъ по виду проступковъ или мотивовъ увольненія, Путемъ агентурныхъ свѣдѣній составьте списки недоброжелательныхъ къ власти, претендующихъ на недополученныя суммы, пособия, пенсіи и т. п. офицеровъ и военчиновниковъ. Необходимо черезъ агентуру выяснить матеріальное положеніе вышеозначенныхъ лицъ на предметъ дальнѣйшей возможности привлечь ихъ на работу "Развѣдупра". Если вы узнаете, что какой-либо офицеръ питаетъ слабость къ азартнымъ играмъ, расточителенъ или ведетъ нетрезвый образъ жизни — войдите въ его довѣріе, сами или черезъ агента вамъ подчиненнаго, и попытайтесь матеріально оказывать ему услугу ссужая крупныя суммы подъ векселя, а мелочь на слово. Рас-тратчиковъ - казначеевъ, лицъ, совершившихъ преступленіе по легкомыслію и осужденныхъ военными судами надо привлекать къ активной работѣ. Иногда изъ этой категоріи лишенныхъ правъ и преимуществъ можно найти весьма полезныхъ освѣдомителей нашему органу.

§ 15. Предписывается въ интересахъ дѣла поддерживать связи съ лицами, осужденными за политпреступленія противъ государственной власти или строя, не важны ихъ политическій взглядъ, партійность или отношеніе къ Р. К. П Главное, они противъ существующей организаціи власти и государственнаго строя. Ихъ свѣдѣ-

ніями надо умѣло приносить пользу дѣлу обороны Р. С. Ф. С. Р. и пролетаризаціи.

§ 16. Привлеките къ работѣ нѣсколькихъ молодыхъ, красивой виѣшности агентшъ изъ среды мѣстной эмиграціи. Ихъ необходимо приспособить для освѣдомительной работы въ средѣ офицерства и мѣстнаго чиновничества. Необходимо привлечь изъ министерствъ (военное, морское, внутреннихъ дѣлъ и иностранное) машинистокъ, стенографистокъ, регистраторовъ и т. п. въ нашу агентуру и поручать имъ задания предусмотрѣнныя въ циркулярѣ номеръ 449.

§ 19. Ввести агента въ каждую единицу арміи и флота. Окладъ отъ 3.000 марокъ до 7.000 марокъ.

§ 20. Мы находимъ необходимымъ ввести агентуру въ военныхъ и морскихъ офицерскихъ собраніяхъ и казино. Подыщите официантовъ могущихъ работать по информаций. Оклады XII степени положенія. Необходимы: обязательная и точная сводка всѣхъ банкетовъ, раутовъ, собраній, конгрессовъ военнаго, академическаго, международнаго или политическаго характера. Имена ораторовъ или делегатовъ выступающихъ противъ Р. С. Ф. С. Р. вносить въ списки номеръ 31 и препровождать шифромъ регистротдѣлу.

§ 23. Собирайте свѣдѣнія о печатающихся изданіяхъ, переведенныхъ или переводимыхъ сочиненіяхъ военнаго, мемуарнаго или антисовѣтскаго характера. Экземпляры книгъ приобрѣтайте за счетъ расходовъ главѣ IX инструкціи номеръ 34-а и посылайте диппочтой черезъ полпредство Авторовъ выясняйте съ указаніемъ адреса. Это же предписаніе распространяется на періодическую печать.

§ 25. Членовъ Сейма (Ф. К. П.) и эсдековъ поставьте подъ наблюденіе надежныхъ агентовъ и ежемѣсячными рапортами информируйте ихъ дѣятельность, образъ жиз-

ни, связи съ другими партіями и взаимоотношенія къ Цека финпартіи. Необходимо наблюдение за точнымъ исполненіемъ директивъ И. К. К. И. и Р. К. П. и въ случаѣ отступленія заданій, о которыхъ васъ будутъ извѣщать, вамъ предлагается немедленно доносить предсѣдателю.

§ 26. Наблюдение за дѣятельностью сотрудинокъ полпредства и торгпредства, консульствъ и торговыхъ отдѣленій Внѣшторга, Нефсиндиката, Доброфлота и Хлѣбэкспорта возлагается на вашъ отдѣлъ. Всѣ рапорты направлять непосредственно, безъ доклада резиденту, военагенту или особоуполномоченнымъ, телеграфно шифромъ "Менжинскій"

§ 29. Введите агента въ генконсульства Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки, Франціи и Италіи. Необходимо знать всѣ видозмѣненія визъ (типы марокъ, штемпелей, подписей и секретныхъ отмѣтокъ).

Это предписывалъ "Развѣдупръ", но "ВЧК" повторяла старую, трафаретную форму предписанія:

— Немедленно установите адресъ морофицера Седергольма Бориса, поставьте наблюдение. Повторяемъ наше предписаніе 19.467. Пришлите рапортъ Ораса дополненный вашими поправками. Юрисъ - консулъ Горчаковъ, счетоводъ Соболевъ и Покровскій будутъ отозваны. Соберите матеріалъ уличающій вредительствѣ. Вашему запросу выдано 100 тысячъ марокъ. Тринадцать семь одинъ пять. Павлоновскій. Орасъ.

Послѣдняя подпись — Орасъ — напомнила мнѣ тюрьму В. Ч. К. .

Орасъ допрашивалъ меня.

Предложивъ мнѣ подписать написанный имъ протоколь оиъ цинично сказалъ:

— Ставьте вашу сигнатуру и рецептъ смерти готовъ. Я отказался.

Лицо Ораса побагровѣло. Онъ всталъ и подойдя къ двери крикнулъ караульиому:

— Выведите эту сволочь!

Меня “вывели” во внутреннюю тюрьму В. Ч. К. и забыли на три недѣли.

Когда же меня отправили въ школу шпіонажа, въ числѣ лицъ собравшихся въ пріемной начальника оперативной части “Развѣдупра” былъ и Орасъ.

Увидѣвъ меня онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку со словами:

— Желаю вамъ успѣха. Это я поддержалъ васъ, а то бы того.

— Да? — спросилъ я подавляя иаростающій гнѣвъ.

Руки не подаль и пошелъ къ выходу.

Потомъ я узналъ, что Ораса готовили въ той же школѣ для дипломатической карьеры.

— Собирайте уличающій матеріалъ, — значило на языкѣ посвященныхъ въ работу В. Ч. К. — напишите такую сводку, что разстрѣль неминуемъ. Провѣрять никто не будетъ.

Х.

Бергманъ установилъ посредствомъ своей агентуры, что одинъ изъ сотрудниковъ хозяйственной части полпредства Большаковъ взялъ “чаевыми” двадцать тысячъ марокъ съ поставщика М — а. Большаковъ былъ приглашенъ въ кабинетъ Муценека и послѣ упорнаго препирательства соизался и обѣщалъ Бергману, производившему слѣдствіе, искупить свою вину “разоблаченіемъ” шпіонки, сотрудницы торгпредства.

Бергманъ “помиловалъ” его и предложилъ въ крат-

чайшій срокъ дать матеріаль о сотрудницѣ "американской" развѣдки.

Большаковъ, будучи женатымъ и оставивъ супругу въ Россіи, сошелся съ миловидной "землячкой", машинисткой торгпредства К — ой.

Въ пространномъ рапортѣ Большаковъ "разоблачалъ" дѣвушку въ передачѣ "финскому маіору", агенту американской развѣдки, секретной переписки экономического отдѣла торгпредства.

Указывая не только содержаніе бумагъ, но и даты различныхъ отношеній "В. С. Н. Х.", рапортъ Большакова погубилъ его возлюбленную, готовящуюся стать матерью его ребенка.

Машинистку командировали въ "Виѣшторгъ" съ подъ отчетными документами, доставили въ "ВЧК" и... разстрѣляли.

Но это дѣло не прошло даромъ Большакову. Путемъ случайныхъ разоблаченій была установлена фиктивность рапорта Большакова и его привезли въ конспиративную квартиру Арвола подъ "конвоемъ" чекистовъ Лагутина и Петрова для новаго допроса.

Былъ приглашенъ и я, какъ информаторъ одной части дѣятельности провокатора. На этомъ импровизированномъ въ московскомъ масштабѣ допросѣ присутствовали Бобрищевъ, Муценекъ, Бергманъ и пьяненькій секретарь Коренецъ.

Бергманъ стуча по столу рукояткой ногана потребовалъ признанія и блѣдный, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ Большаковъ рассказалъ пространную исторію о шпіонажѣ своей жертвы.

Бергманъ всталъ и рукояткой револьвера ударилъ его по лицу.

— Собака, провокаторъ бѣлогвардейскій! Я тебѣ по-

кажу, сволочь продажная, — крикнулъ онъ взывшему отъ боли предателю и нанесъ кулакомъ новый ударъ въ переносицу.

-- Убить собаку мало, — прорычалъ Бергманъ вытирая залитую кровью руку о носовой платокъ.

— Все правда... она была шпионкой, — хрипло прошепталъ Большаковъ, — закрывая рукой багровую щеку.

— Не лги, подлець! — бросилъ атташе и повернувшись ко мнѣ спросилъ, — матеріаль у васъ?

— Да. Заявленіе Большакова чистѣйшая ложь. Она никогда не была на службѣ "ама". Но у меня есть "кое-что", чѣмъ можно принудить господина Большакова къ признанію, — отвѣтилъ я, — желая ускорить безобразную расправу.

— Что? — спросилъ Бергманъ

— Фотографія съ письма этого провокатора, въ которой онъ проситъ одного мясника одолжить ему пять тысячъ марокъ подъ вексель. И если этого мало, то могу сообщить товарищамъ, что указаннаго въ рапортѣ Большакова финскаго маіора надо искать въ воображеніи его гнусной фантазій. Невинно погибшая Кирсанова оставила письмо, которое многое расскажетъ о Большаковѣ въ прошломъ. Я получилъ его отъ товарища Вѣры. Судя по этому письму, видно, что совѣтскій гражданинъ Большаковъ не кто иной, какъ Архипъ Семеновичъ Семеновъ, отбывавшій наказаніе въ Литовскомъ замкѣ за грабежь учиненный имъ въ Курскѣ, откуда родомъ и Кирсанова, — отвѣтилъ я, — вынимая изъ портфеля "дѣло".

— А вотъ ты какая птица! Офицеръ бывшій — по анкетѣ. Такъ - такъ. Ахъ ты б.... этакая, — воскликнулъ Бергманъ и навелъ на Большакова револьверъ.

Бобрищевъ вскочилъ.

— Янъ! — крикнулъ онъ рѣзко и отащилъ Бергмана отъ Большакова.

— Все равно я его поставлю къ стѣнкѣ... Собака паршивая, — прорычалъ резидентъ тяжело дыша и отойдя отъ Большакова опустился на диванъ.

Спряталъ въ карманъ револьверъ и снова принялся вытирать руку.

— Вотъ какими бандитами кишитъ наше торгпредство, — продолжалъ онъ, не спуская злобнаго взгляда съ Большакова, — жаль, что мнѣ не дано полномочій "погребокъ" открыть. Настукалъ бы я череповъ изъ подобной сволочи.

Обликъ чекиста Бергмана воскресъ.

— Не стоитъ, товарищъ, кипятиться, — хладнокровно замѣтилъ Муценекъ, — онъ напишетъ для насъ подробное признаніе. Въ случаѣ дальнѣйшей ошибки мы представимъ этотъ документъ кому надо.

И Большаковъ написалъ докладную записку — право на разстрѣлъ безъ суда и слѣдствія.

Но черезъ мѣсяцъ Бергманъ командировалъ Большакова въ Москву снабдивъ его лучшимъ рекомендаціями,

Теперь онъ служитъ въ Туркестанѣ, въ областной Чрезвычайной Комиссіи начальникомъ оперативнаго отдѣла.

♦♦

Такіе сотрудники цѣнны для "пролетарской" власти.

Какъ - то вечеромъ, сидя на скамейкѣ въ аллеѣ Брунспарка и "познакомился" съ Арвидомъ Геймансъ, безработнымъ журналистомъ и участникомъ финской освободительной войны...

Бѣдно одѣтый, въ потертомъ непромокаемомъ пальто и выцвѣтшей шляпѣ, небритый и, повидному, изголодавшийся типъ попросилъ у меня папиросу.

Я предложил ему портсигаръ. Закуривъ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не сердитесь за мое нахальство? Курить смерть хотѣлось.

— Нѣтъ, пожалуйста, — отвѣтилъ я бросивъ взглядъ на исхудалое лицо “стрѣлка”.

— Времена теперь тяжелыя. Работы не найти. Тѣсно стало всюду жить. Трудно приходится всякому “оптанту”, — сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ и вздохнулъ.

Длинные, тонкія пальцы правой руки забарабанили по спинкѣ скамейки.

— Простите, господинъ... что я пристаю къ вамъ, но бываютъ минуты, когда хочется поговорить. Я вѣдь бывший финляндскій интеллигентъ. Да... меня печатали въ “Uusi Suomi” и другихъ “хорошихъ” газетахъ. Журналистъ, а теперь обитаю въ ночлежкѣ Арміи Спасенія. Спился. Если вы имѣете представленіе объ этой “альтруистической” организаціи, то поймете всю ненависть обитателей ночлежныхъ домовъ къ “спасеннымъ”. Всѣхъ, каждаго они хотятъ приобщить къ своему балагану.. Вчера меня увѣщевали цѣлый часъ, а я спать хочу. Усталъ, вдребезги усталъ, а они со своими проповѣдями, — глядя куда - то вдаль произнесъ незнакомецъ и снявъ шляпу положилъ ее на колѣни.

— Развѣ такъ трудно найти работу? — спросилъ я заинтересованный ночлежникомъ изъ бывшихъ.

— Работы? Невозможно, абсолютно невозможно. Физической работы мнѣ не дадутъ, а другой нѣтъ. Я владѣю семью языками, но примѣнить ихъ негдѣ. Уѣхать отсюда и то невозможно. Визы и паспортъ стоятъ не мало. Удрать въ Россію что - ли? — отвѣтилъ сокрушенно онъ и повернулъ ко мнѣ свое исхудалое лицо.

— А тамъ что дѣлать? просилъ я.

— Тамъ, можетъ быть, я пригожусь на что - иибудь, отвѣтилъ онъ улыбуившись.

— Нѣтъ, вы не знаете, очевидно, жизни въ Россіи. Вы же не коммунистъ, а тамъ лишь имъ открытъ путь къ человѣкоподобному существованію. Я былъ въ Россіи и завѣряю васъ, лучше тутъ быть паисіонеромъ Арміи Спасенія, чѣмъ тамъ искать счастья, — сказала я, подумавъ о возможности дать ему "работы".

— Можетъ быть, но и тутъ мнѣ дѣлать нечего, — произнесъ онъ печально и опустилъ голову.

— Вы русскимъ владѣете хорошо? — спросилъ я

— Отлично! Я же родился въ Петербургѣ и жилъ до революціи тамъ, а что? — воскликнулъ радостно незнакомецъ и въ его глубокозапавшихъ глазахъ блиснулъ лучъ надежды.

— Переводить вы могли - бы?

— Все, кромѣ строго научной литературы.

— Я имѣю отношеніе къ американскому газетному тресту. Если вы пожелаете я дамъ вамъ постоянной работы, — сказала я засіявшему отъ радости типу.

— То есть, я буду работать? — спросилъ онъ робко.

— Да. Вы будете переводить мнѣ всѣ статьи о Россіи съ финскаго и шведскаго на русскій языкъ и потомъ писать сжатія сводки. Объ условіяхъ мы поговоримъ детальнѣе у меня — отвѣтилъ я.

Онъ, повидимому, хотѣлъ протянуть мнѣ руку, но не рѣшился.

Взглянулъ на руку и спряталъ въ карманъ подведенныя "трауромъ" ногтей пальцы.

— Вотъ спасибо, большое спасибо, — произнесъ онъ по русски и мнѣ показалось, что съ его лица сошелъ сѣрый землестый налетъ горя и нужды. Онъ вытащилъ изъ

кармана загрязненный матерчатый бумажникъ. Вынулъ пачку документовъ и далъ мнѣ со словами:

— Вотъ все мое прошлое. Подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и не состою... Но это было не за горами. Голодь уже гналъ на эту дорогу

Истрепанная карточка журналиста, удостовѣреніе личности, аттестатъ объ окончаніи курса авіаціи, рекомендаціи нѣсколькихъ торговыхъ фирмъ Петербурга и Москвы и офицерскій документъ.

— Все въ порядкѣ. Вотъ бы сотрудникъ Бобрнцеву, — подумалъ я разсматривая бумаги Гейманса.

— Отлично. Я дамъ авансъ, на первое время нѣсколько тысячъ, а завтра жду васъ у себя на работу, — сказалъ я, передавая ему документы.

Пальцы его задрожали отъ волненія. Шляпа упала на землю и, когда онъ наклонился за ней, я увидѣлъ, что у него не было нижняго бѣлья.

Воротникъ былъ прикрѣпленъ къ манишкѣ.

— Сколько вамъ надо, чтобы купить платье и обувь, — спросилъ я, взглянувъ на стоптанный ботинокъ Гейманса.

— У меня есть чудный костюмъ, но онъ заложенъ у ростовщика Саарела. Триста марокъ долженъ ему. Ботинки — сто. Пальто, если разрѣшите, шестьсотъ марокъ. Пара бѣлья. Шляпу. Въ общемъ надо — бы тысячи двѣ, — отвѣтилъ онъ пряча свой бумажникъ.

— Хорошо, получайте три тысячи и приходите завтра ко мнѣ на Антинъ кату къ десяти. Вотъ мой адресъ и имя, — сказалъ я передавъ Геймансу три тысячи марокъ и визитную карточку

— Ей Богу я не проплю, — неожиданно произнесъ онъ и взявъ кредитки всталъ.

Протянулъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою кисть.

— Благодарю васъ, — произнесъ онъ глубоко взволнованнымъ голосомъ, — вы спасли меня. Я пойду устраивать свои дѣла. Завтра явлюсь къ вашимъ услугамъ. Смѣю завѣрить васъ, что во мнѣ вы найдете оправданіе вашему благородному довѣрію.

Онъ пошелъ въ сторону Брунстеатра энергичными шагами человѣка почувствовавшаго почву подъ ногами.

На другой день утромъ онъ явился. Теперь это былъ типичнѣйшій финнъ - интеллигентъ, изящно одѣтый въ синюю пару, выбритый и помолодѣвшій.

— Я къ вашимъ услугамъ. Вы, вѣроятно, подумали, что я пропью деньги и не явлюсь, не такъ - ли? — сказала онъ снимая сѣрое пальто и шляпу.

— Нѣтъ, я былъ увѣренъ, что вы придете, — произнесъ я предлагая стулъ своему сотруднику.

— Послѣ пяти мѣсяцевъ выпался на постели. Это такое было блаженство, сказала онъ усаживаясь къ письменному столу, гдѣ была приготовлена бумага и пачка газетъ.

— Вы сняли комнату? — спросилъ я.

— Да, въ отелѣ "Сайма". Если моя работа удовлетворитъ васъ и вы меня не уволите, я подыщу комнату въ частной квартирѣ, — отвѣтилъ онъ учтиво.

Я указалъ ему статьи экономическаго характера и предложилъ перевести ихъ съ финскаго и шведскаго языковъ на русскій.

Онъ приступилъ къ работѣ

Переводилъ онъ прямо съ листа и первыя страницы работы могли удовлетворить самаго строгаго шефа. Чисто и точно, отличнымъ литературнымъ языкомъ.

Я оставилъ переводчика въ своей квартирѣ и сославшись на дѣла пошелъ въ городъ.

Вернувшись черезъ три часа я засталъ его за работой,

но во второй комнатѣ, гдѣ было мое бюро, мнѣ бросилось въ глаза чье - то "любопытство".

Утромъ до прихода Геймаиса я принялъ мѣры къ выясненію заинтересованности новаго сотрудника моей личной жизнью и дѣятельности.

Не выдавая себя я закрылъ за собой дверь и принялся "ловить".

Въ письменномъ столѣ, на обсыпанныхъ пудрой листахъ бумаги видѣлись слѣды пальцевъ, кто - то развязывалъ перевязанныя шелковой ниткой письма и забылъ количество перевязей.

Въ шифоньеркѣ — массивный блокъ - нотъ сдвинулъ воткнутую въ дно ящика булавку, сигарный ящикъ вышелъ изъ границъ нарисованнаго мной прямоугольника и коллекція открытыхъ писемъ Китая не были на отмѣченномъ мѣстѣ.

Факты были на лицо — мой переводчикъ былъ шпионъ или же просто искалъ что - бы стащить.

Надо было разоблачить его и выяснить кто скрывается подъ личиной безработнаго журналиста.

Если онъ былъ шпионъ, то опытный, хладнокровный и давно готовившійся къ операціи надо мной.

Чувство жалости и желаніе дѣйствительно помочь Геймаису смѣнились теперь открытой неприязнью. Я рѣшился возможно скорѣй установить его профессію и подъ какимъ - либо удобнымъ предлогомъ избавиться отъ него.

Ничто не выдавало его, когда я вернулъся къ нему.

— Можете идти обѣдать, а часовъ въ пять придете продолжать работу, — сказала я стараясь быть любезнымъ. Онъ передалъ мнѣ исписанные листы бумаги.

— Я не знаю, какъ переводъ вышелъ. Давно не работала, — произнесъ онъ надѣвая пальто, — исправленія необходимы

— Отлично. Я просмотрю все. Если васъ не затруднитъ, то купите мнѣ у Даниеля бумаги для пишущей машины, — сказалъ я Геймансу и далъ ему денегъ для покупки.

Какъ только онъ вышелъ, я переодѣлся и заперевъ квартиру поѣхалъ къ "Спортсмену".

Къ пяти часамъ вечера на уголь Генриховской и Антинъ улицъ былъ поставленъ агентъ для наблюденія за Геймансомъ... Газетчикъ.

Девять дней мѣнялись агенты, дни и ночи велось наблюденіе и скромный переводчикъ приобрѣлъ подлинный лискъ.

Мнѣ было все ясно — шпионъ. Одинъ изъ его рапортовъ былъ выкраденъ изъ номера гостиницы и въ заказномъ письмѣ посланъ на имя Альбина Герна въ Ригу, куда онъ поѣхалъ послѣ депешн отъ начальника рижскаго отдѣла "Развѣдупра".

Бобріщевъ потѣшался надъ влопавшимся "рижанномъ" и на моемъ рапортѣ, препровожденномъ въ Ригу, поставилъ резолюцію:

— Герьнъ отличный агентъ, но прошу въ нашъ районъ не посылать. Сумму выданную ему номеръ 5 рез. уплатить счетъ финотдѣла. Бобріщевъ.

— Откуда у этого парня финна документы? — спросилъ я у военного атташе послѣ доклада по дѣлу Гейманса.

— Гейманса "угробили" въ чека, а бумажки поступили въ нашъ архивъ. Этотъ типъ не дуракъ, но наша работа куда чище, — отвѣтилъ Бобріщевъ лукаво щури глаза

— Надо - бы васъ послать въ Ригу и взять на "мушку" одного изъ рижанъ. Завербовать въ какую - нибудь лигу "Бѣлаго Коня" или "Возрожденія Дворянства", пред-

ложить свиснуть что - нибудь у резидента и потомъ "доказать", что и мы не "лыкомъ шиты", — продолжалъ Бобрищевъ раскачиваясь въ креслѣ.

— И влопаться самому въ руки рижской... политлицѣ, благодарю васъ, — добавилъ я.

— Я же шучу. Васъ нельзя отсюда никуда посылать. Вы мнѣ нужны. Итакъ, досвиданья. Я навѣщу васъ, какъ только получу деньги. Намъ надо поговорить объ организаціи спортивного магазина, — сказалъ онъ собираясь встать.

— Это что? — спросилъ я.

— Да, рабочая спортивная организація хочетъ учредить акціонерное общество по продажѣ принадлежностей спорта. Нѣкоторые товарищи просятъ финансировать это начинаніе. Я думаю бросить на это дѣло тысячъ сто или полторасто. Буржуйамъ все же на зло, не такъ - ли? — пояснилъ Бобрищевъ и взглянувъ на часы добавилъ, — надо спѣшить.

Я проводилъ "щедраго" атташе до воротъ.

— Новый пунктъ пропаганды и складъ оружія, — подумалъ я о затѣѣ финскихъ "рабочихъ" — спортсменовъ.

XI.

Залькевичъ работала въ "дамскомъ комитетѣ", писала сводки и "интересовалась" жизнью тѣхъ круговъ, въ которые, понемиогу, стала проникать. Особой цѣнности ея свѣдѣнія не представляли — онѣ имѣли больше характеръ информационный о жизни и нуждахъ эмигрантскихъ круговъ.

Я тяготился этимъ "бракомъ" и, однажды, сообщилъ

Павлоновскому, что Залькевичъ необходимо откомандировать куда - нибудь.

Переговорилъ съ ней и она предложила послать ее въ Данцигъ. Тамъ оказались у нея родственники и знакомые.

И черезъ двѣ недѣли моя "жена" получила 1.500 долларовъ путевыхъ и командировочныхъ денегъ для поѣздки въ распоряженіе Берлинскаго торгпредства.

Снабженная Фишманомъ фальшивымъ паспортомъ она выѣхала въ Торнео и оттуда въ Стокгольмъ.

Черезъ недѣлю въ полпредствѣ была получена телеграмма о ея благополучномъ прибытіи въ Германію.

Она оставалась въ Берлинѣ до 1923 года и тогда вышла "замужъ" за агента Г. П. У. — Левандовскаго и поѣхала съ нимъ въ Лондонъ, въ пресловутый "Аркосъ". Послѣ разгрома этого шпіонскаго гнѣзда Залькевичъ вернулась въ С. С. С. Р. и работаетъ во "внѣшней" развѣдкѣ, ведетъ наблюденія за "знатными иностранцами".

Отзывы о ней были очень похвальные.

Исчезновеніе "жены" я объяснилъ, во первыхъ, Марухину, поѣздкой въ Берлинъ по дѣламъ ликвидаціи кое-какихъ цѣнностей, а онъ уже оповѣстилъ всѣхъ, кто этимъ интересовался.

Къ концу апрѣля я былъ уже на хорошемъ счету и заданія посыпались, какъ изъ рога изобилія. Одно другого рискованнѣе и лучше оплачиваемой.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца меня посѣтилъ особоуполномоченный Коминтерна, завѣдывающій III группой Западной секціи товарищъ Глазманъ, онъ же Виноградовъ, Лопатинъ, Гейнце и Вейсъ. Снабженный мандатомъ Внѣшторга и прибывшій для "закупки" газетной бумаги Глазманъ предложилъ мнѣ организовать боевые дружины въ Эстоніи и для проведенія въ жизнь этого плана

далъ мнѣ рядъ указаній, сообщивъ, что съ открытіемъ навигаціи мнѣ придется поѣхать въ Ревель.

Для свиданія съ лидерами — Аневельдтомъ и Ряс-тасъ.

На организацію выступленія "Коминтернъ" отпустить 200.000 долларовъ и снабдить оружіемъ.

Я указалъ ему на рядъ затрудненій въ выполненіи этой задачи, но онъ сослался на докладъ подпольнаго комитета эстсекии и сказалъ, что устройство возстанія въ Эстоніи не представляетъ ничего труднаго.

По его словамъ, пролетаріатъ Эстоніи былъ терроризированъ "фашистами", безработныхъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Онъ намекнулъ на существующіе уже, пока невооруженные, ударные группы, состоящіе изъ рабочихъ "Доброфлота".

На покупку быстроходнаго авіомотора для заказанной для сношенія съ "тѣмъ берегомъ" лодки мнѣ было отпущено 300.000 марокъ и 29 мая въ Або состоялась первая проба...

Моторная лодка, развивавшая среднюю 28 узловую скорость, была внесена въ списки яхтъ клуба на имя члена - коммуниста и приведена къ пристани сѣверной гавани. Мотористомъ "наняли" надежнаго коммуниста "Оскара" съ окладомъ 6000 марокъ въ мѣсяцъ.

Полпредство имѣло также моторную лодку и теперь начались свиданія съ вернувшимися Розенталемъ, Бобрнщевымъ, Коренцомъ и другимъ на взморѣ...

Однажды, во время такой поѣздки на скалистый островъ, Розенталь сообщилъ мнѣ, что необходимо усилить осторожность. По имѣющимъ у него свѣдѣніямъ среди моихъ агентовъ кто - то работаетъ для политполціи. Розенталь показалъ написанную на машинѣ сводку органа развѣдывательнаго характера, изъ котораго я прочелъ нѣ-

которыя данныя указывающія правильность подозрѣнія Розенталя.

Кто - то, дѣйствительно, "влѣзъ" въ нашу запутанную паутину и выдерживалъ нити.

— Что вы скажете, а? — Необходимо, товарищъ, городскую агентуру перекинуть въ провинцію. Временно снимать по одному. Выждать нѣсколько дней — еще одного. Нарочно сообщить каждому въ отдѣльности что -нибудь условное и потомъ ждать провокаціи, — сказалъ Розенталь взволновано.

— Кто это можетъ быть? — недоумѣвалъ я, ища предателя въ средѣ пяти агентовъ, прикомандированныхъ ко мнѣ товарищемъ Фишмаиномъ

— Давайте начнемъ съ "Рыбака". Вы расскажите ему, что меня отзываютъ въ центръ, другимъ ни слова объ этомъ. Завтра же вызовите его и бросьте "крючекъ". Если въ сводкѣ появится это, значитъ онъ. Нѣтъ, другихъ спровоцируемъ, а поймаемъ, — сказалъ Розенталь и его глаза засвѣтились злобными огоньками.

Послѣ этого Розенталь поручилъ мнѣ подыскать надежное лицо средн русской эмиграціи могущее за очень крупное вознагражденіе принять на себя роль "бѣлаго" курьера и поѣхать въ Теріокн къ русскому генералу для врученія письма отъ виднаго монархиста въ Р. С. Ф. С. Р. Фамилін арестованнаго генерала - монархиста Розенталь не сообщилъ, но передалъ только, что МЧК раскрыло крупную шпіонскую организацію и человекъ двадцать уже арестовано. Теперь надо "примазать", по выраженію резидента, связь съ эмиграціей. Если провокатору удастся заручиться письмомъ, отвѣтомъ на "донесеніе" монархиста подписавшаго его по настоянію Ягоды, то будетъ сфабрикованъ новый антибольшевистскій заговоръ.

Я спросилъ сколько могу предложить агенту за это

порученіе. Розенталь сказавъ, что до ста тысячъ марокъ, такъ какъ ему по возвращеніи придется покінуть Финляндію.

Я далъ согласіе найти такого агента, .

Черезъ нѣсколько дней мнѣ передали письмо изъ Москвы. Въ немъ арестованный генералъ (80 лѣтъ и разбитый параличемъ) "сообщалъ" о подготовленіи мятежа въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Дальше шелъ перечень лицъ, якобы принимающихъ участіе въ организаціи этого выступления.

Я продержалъ у себя это письмо около недѣли и вернулъ при пространномъ докладѣ обратно Розенталю, сославшись на невозможность найти надежное лицо. Ему это не понравилось, но потомъ выслушавъ мои доводы, онъ согласился со мной.

— Рисковать не стоитъ изъ за этого дѣла, — сказалъ онъ, — можно нарваться на какого - нибудь хулигана и вся ваша работа пошла прахомъ.

Розенталь былъ огорченъ нераскрытіемъ предателя, информировавшаго органъ финразвѣдки о положеніи дѣла въ полпредствѣ и сообщилъ мнѣ, что по чьему - то доносу Финское правительство требуетъ отозванія въ Р. С. Ф. С. Р. казначея Сайріо.

Такъ какъ у него было "рыльце въ пуху" — полпредъ Черныхъ рѣшилъ послать его въ Москву.

Розенталь предложилъ мнѣ принять всѣ мѣры къ выясненію внѣшней дѣятельности редактора газеты Юрданскаго, получавшаго отъ Сайріо 45.000 марокъ на газету и агентство "Нордъ - Остъ".

Потомъ онъ намекнулъ мнѣ о неблагонадежности одного финна - переводчика изъ торгпредства и велѣлъ поставить къ нему одного изъ "пятерки". Наблюдать и поймать.

Эмигрантскіе списки были "составлены" и даны для отсылки въ "Развѣдупрѣ". Онѣ "обошлись" мнѣ въ 9.000 марокъ. Я ихъ купилъ у бывшаго "сѣверозападника" Ш. уже служившаго у большевиковъ въ бюро печати и имѣвшаго отношеніе къ пресловутому агентству "Нордъ-Остѣ".

За составленіе списковъ мнѣ была выдана премія въ 5000 марокъ. На сей разъ я понесъ убытокъ, но поднялся престижъ!

Собираніе новыхъ свѣдѣній о фінарміи отняло у меня недѣли двѣ и агенты вручили матеріалъ прошедшій черезъ тройной фильтръ. Онѣ долженъ былъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ даннымъ.

И вдругъ разразился новый громъ: ко мнѣ явился Розенталь, Коренецъ и Муценекъ. Всѣ взволнованные, перепуганные и предложили ѣхать на совѣщаніе въ одинъ изъ загородныхъ ресторановъ. По дорогѣ выяснилось, что въ полпредствѣ утечка документовъ — часть ихъ попала въ руки политической полиціи.

Больше всѣхъ кипятился Коренецъ — секретарь полпредства.

Въ восточномъ кабинетѣ, съ двойными дверями и тяжелымъ драпри, мы начали выработать планъ обнаруженія провокатора.

Коренецъ заказалъ для виду "сексеръ" и пива.

Вынулъ изъ портфеля принесенный на случай застѣванія виски и сигары.

Въ полпредствѣ того времени большимъ знатокомъ винъ и сигаръ былъ Коренецъ, любившій хвастнуть подъ вліяніемъ винныхъ паровъ "академическимъ" образованіемъ и личными связями съ "Ильнчемъ", у котораго онъ когда-то числился секретаремъ.

По существу дѣла доложилъ Розенталь слѣдующее:

— Я имѣю неоспоримое доказательство, что въ сре-

дѣ нашей объявился провокаторъ. Его надо поймать и уничтожить. Изъ сводки переданной мнѣ агентшей видно, что нѣсколько совершенно секретныхъ инструкцій попало въ руки бѣлымъ. Кто - то продаетъ насъ. Товарищ Бобринцевъ обнаружилъ пропажу заготовленнаго рапорта, списокъ приобрѣтенныхъ въ Свеаборгской крѣпости "вещей" для главноштаба и дешифрантъ. Хорошо, что все оказалось зашифрованнымъ и пропавшій ключъ отмѣненнымъ. Дальше, товарищи, нашъ "берлинскій" резидентъ сообщаетъ, что въ бѣлогвардейскомъ "Руль" появились письма изъ Гельсингфорса, въ которыхъ нѣкоторая наша работа освѣщается такимъ образомъ, что можно думать о нашемъ сотрудничествѣ въ этой газетѣ. И еще дальше — мы установили, черезъ подкупъ, что "письма изъ Гельсингфорса" подписываются какимъ - то типомъ подъ инициалами А. С. Я получилъ часть рукописи и вамъ, товарищъ Смирновъ, предписывается найти эту сволочь, установивъ фамилію и мѣстожительства. Онъ живетъ тутъ, скажу больше, ему извѣстно многое о нашей частной жизни и дѣятельности. Я, поговоривъ съ товарищемъ Черныхъ, пришелъ къ заключенію времени отставить всѣ другія работы и заняться выясненіемъ шпионовъ или шпиона въ средѣ служащихъ или агентовъ полпредства.

Муценекъ допилъ бокаль виски и лѣнливой походкой направился къ дивану въ углу кабинета. Развалился на немъ и глядя въ потолокъ пробормоталъ:

— Совѣщайтесь, а я вздремну. Уже нѣсколько ночей выѣзжалъ ловить "рыбу".

Муценекъ имѣлъ свою агентуру шпионажа, контрольную, и выѣзжалъ ночами на моторной лодкѣ на свиданіе съ ними

— Изъ всего доложеннаго мнѣ одно неясно, товарищи, — сказалъ я, — какимъ образомъ могли пропасть ве-

щи вонагента? Какъ оборудована его квартира? Кто живетъ въ томъ - же этажѣ и кому поручена уборка его комнаты?

— Очень все хорошо и надежно, — отвѣтилъ Коренецъ, закуривая душистую сигару.

— Въ ящикѣ письменнаго стола хранился ненужный дешифрантъ, списокъ и рапортъ во второмъ. Уборку дѣлаетъ надежный товарищъ, коммунистка Майя. Ей то можно вѣрить. Мужа разстрѣляли, брата убили и сама около года считала кирпичи. Она вѣтъ подозрѣній. Въ четвертый этажъ входъ воспрещенъ — на лѣстницѣ поставленъ курьеръ. Свой — бывший коммунаръ МЧК. Изъ слѣдствія выяснилось, что все благополучно въ этомъ отношеніи, а вотъ пропаль и конецъ. Что касается этого "А. С.", то по моему его выловить не трудно. Переберите всѣхъ бѣлогвардейскихъ газетчиковъ, выясните, кто изъ нихъ имѣетъ эти ниницалы и постарайтесь перещупать. Установите фактъ и изобличите лицо снабжающее его информацией и вы имѣете получить отъ меня премію въ сто долларовъ и ящикъ виски, — продолжалъ первый секретарь и выиувъ золотой, осыпанный крупными бриллиантами портсигаръ предложилъ мнѣ, совѣтскую папиросу.

"Заказная" папироса для дипломатическаго корпуса Р. С. Ф. С. Р. Эти папиросы изготовлялись по особому наряду въ Гостабакѣ изъ отборнѣйшихъ сортовъ и ихъ предлагали лишь на раутахъ или банкетахъ представителямъ "добрососѣдскихъ" государствъ.

— Журналиста я найду черезъ нѣсколько дней, но для облегченія дѣла дайте мнѣ часть его рукописи, — сказалъ я увѣренно.

Авторъ этихъ статей былъ мнѣ извѣстенъ, я могъ бы теперь же получить премію и ящикъ виски, но это не входило въ мои расчеты по извѣстнымъ соображеніямъ.

— Пожалуйста, товарищ, это и въ вашихъ интересахъ. Представьте себѣ "Нѣкто" и о васъ узнаеть, а та скотина въ "письмѣ" и отмѣтитъ, что молъ бывший штабсъ капитанъ и такъ далѣе. Вы пропали, а что можемъ сдѣлать мы въ такомъ случаѣ **Отказаться отъ васъ, и только.** Да, вы и сами тогда не захотите насъ знать. Не такъ-ли? — пронзесь Розенталь, наливая въ бокаль золотистой влаги и повидному повеселѣвъ.

— Но второе дѣло подлѣй, — злобно проворчалъ Коренець.

— Это о чемъ-же? — спросилъ я.

— Финская развѣдка имѣеть информатора! — почти вскрикнулъ онъ.

— Кто же онъ? — вновь спросилъ я.

— Дьяволъ его знаетъ! Въ двухъ послѣднихъ сводкахъ сообщается о моей личной жизни. Я никому не рассказывалъ про одинъ случай, а его знаютъ тамъ, — бросилъ онъ волнуясь.

— Ха-ха-ха, — разсмѣялся Розенталь, — это про вашн свиданія съ буржуйкой? Не надо, товарищ, такъ яростно добиваться сердца бывшей "звѣзды" шантана. Ей нужны ваши доллары и только!

— Убирайтесь вы къ Каледнну съ вашими шутками, — вспылнлъ секретарь, — очень мнѣ нужно ея сердце. На кой дьяволъ мнѣ ея любовь. Дѣло! Она же живетъ среди русской бѣлогвардейщины. А тамъ и плетутся сѣтн противъ Р.С.Ф.С.Р. Что же касается долларовъ, на дѣло ихъ не жалко. На что же работаютъ наши, станки Государственной экспедицин!

— Такъ то оно такъ, но надо поосторожнѣй валандаться съ бабьемъ, — замѣтилъ съ дивана Муценекъ и громко зѣвнулъ.

— Вставай Янъ, чего развалился. Ъхать надо, — бро-

силъ ему раздраженный Коренець и, вставъ, выпилъ залпомъ стаканъ виски.

— Эхъ, голенькихъ дѣвчатъ бы сюда! — цинично воскликнулъ Муценекъ, — вотъ бы нашему секретарю лафа была!

Розенталь взглянулъ на меня и криво улыбнулся:

— Разпотѣшнлись ребята, а у самихъ жены дома.

— Перестаньте морали учить! Жить надо по Коллоитаихѣ. Вотъ бабенка, эта “дыбенковская кухарка”, — разошелся Коренець отходя, — на прошлой недѣлѣ динкуррьеръ Савостьяновъ говорилъ, что у нея четыре “первыхъ” секретаря на любовныхъ ампуа въ “дѣлѣ”. “Рога” у Дыбенки не меньше, чѣмъ у достопочтеннаго папаша, наркомпроса Луначарскаго.

— Дѣловая баба и только, — проронилъ Муценко, вставая и подошелъ къ столу.

— Черти, все вылакали, — проворчалъ онъ взглянувъ на пустую бутылку виски, — а у меня аппетитъ только разгарѣлся.

— Такъ зачѣмъ же стало, хозяйство у меня, — сказала Коренець, — поѣдемъ въ “домъ” и обратно съ запасомъ. Ключи отъ виннаго склада у меня. Захватимъ царскаго запаса и сюда. Дѣлъ все равно нѣтъ сегодня! Посоль на новой кровати, поди, дрыхнетъ.

— Нѣтъ, лучше въ другой разъ пріѣдемъ, — сказала Розенталь сдержанно-строга.

— Ладно, отложимъ, — согласился охмѣлевшій секретарь и, вынувъ бумажникъ, досталъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ.

— Я плачу за счетъ представительства, — сказалъ онъ, швырнувъ на столъ деньги.

Розенталь позвонилъ кельнеру и рассчитался по счету.

Коренець, Розенталь и Муценекъ поѣхали въ частномъ автомобилѣ нѣкоего спекулянта спиртомъ — поставщика торгпредства.

Я добрался до трамвая пѣшкомъ.

Прнядя домой переодѣлся и пошелъ въ ресторанъ “Капелла” на Эспланадѣ.

Мнѣ необходимо было встрѣтиться съ Марухиннымъ.

“Гельснфорскія письма” потревожил и меня...

ХІІ.

Манухинъ представилъ меня среднихъ лѣтъ симпатичному шатену С... — сотруднику нѣсколькихъ эмигрантскихъ газетъ и автору нашумѣвшаго въ Скандинавіи романа “Дѣти краснаго солища” и многихъ другихъ антибольшевнскихъ сочиненій.

С. въ совершенствѣ владѣя финскимъ, шведскимъ, эстонскимъ и русскимъ языками завоевалъ себѣ крупное имя, какъ переводчикъ финской литературы.

Осторожно, “окольными путями” я шелъ къ намѣченной цѣли.

Разсказавъ ему о своихъ “скитаніяхъ” на Балканахъ, передавъ красочный матеріалъ о жизни въ Турціи и нарисовавъ картины лишенной эмигрантской жизни вообще, я моего собесѣдника видимо заинтересовалъ и онъ предложилъ мнѣ пересказать все еще разъ въ болѣе удобной обстановкѣ. У себя на квартирѣ. Въ отелѣ “Эспланадъ”, гдѣ онъ занималъ двѣ комнаты...

Мы условились встрѣтиться въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ. Оказалось, что въ отелѣ, гдѣ жилъ С. остановились лица, о которыхъ можно было написать срочную сводку: генераль Войейковъ, сотрудница англійской

развѣдки — жена морского офицера Ц., бывший вице-губернаторъ — генераль М. и финскій лейтенантъ Арлсонъ.

Изъ бесѣды съ С. я узналъ, что “полубѣлый” спецъ К. дѣйствительно беретъ у него уроки финскаго языка, но и очень важное откровеніе: вышеупомянутый спецъ собирается бѣжать въ Польшу и порвать съ торгпредомъ.

Въ одинъ вечеръ я посѣтилъ его. У него были гости — финскій поэтъ Эйно Лейно, Марухинъ, какой-то биржевой маклеръ Русовъ и лейтенантъ Арлсонъ. Поэтъ и лейтенантъ не говорили по русски, поэтому мы обмѣнивались шведской рѣчью.

Я оказался “центромъ вниманія” — посыпался вопросы объ условіяхъ жизни въ Турціи, Болгаріи, Сербіи и, наконецъ, Франціи. Признаюсь, тяжелое испытаніе пришлось пережить. Къ счастью, слушатели не были осведомлены о дѣйствительной жизни въ “описываемыхъ” мной странахъ.

Заужиномъ лейтенантъ предложилъ выпить.

Принесъ изъ своей комнаты коньяку. Выпилъ одинъ лнтръ, появился второй.

Мнѣ показалось подозрительнымъ какое-то особое вниманіе, проявляемое ко мнѣ лейтенантомъ.

Я “навелъ” уши и глаза.

Прикладывался къ рюмкѣ осторожно и умѣренно.

Разстались поздно и лейтенантъ любезно предложилъ себя въ провожатые.

Я принялъ его любезность...

Зашли по пути въ какой-то домъ на Генрихской улицѣ и купили виски, въ томъ-же тайномъ кабакѣ распыли бутылку пунша.

На таксомоторѣ я привезъ лейтенанта къ себѣ на квартиру № 3. Конспиративная квартира на Аркадіевской улицѣ состояла изъ комнаты — спальни и ванны — кухни.

Ванная комната служила мнѣ лабораторіей фотопроявокъ. На газокѣ я принялся готовить легкій ужинъ и воду для кофе. Лейтенантъ въ комнатѣ, тѣмъ временемъ разсматривалъ всякіе журналы по вопросамъ экономики, искусства и филателии.

Прежде чѣмъ приступить къ виски, я рѣшилъ угостить гостя коньякомъ, чуть приправленнымъ для "вкуса" лимоннымъ экстрактомъ.

Расположились ужинать.

Рюмка за рюмкой.

Я принялъ передъ ѣдой "лекарство" и могъ безопасно проглатывать содержимое рюмокъ.

Послѣ пятой рюмки лейтенанта утомило.

Потянуло ко сну..

Онъ промычалъ какое-то извиненіе и, положивъ голову на край стола, захрапѣлъ.

— Итакъ, вы готовы для изслѣдованія, — подумалъ я, взглянувъ на разгоряченное лицо лейтенанта.

Приступилъ къ работѣ.

Перетащилъ его на кровать. Снялъ пиджакъ и жилетъ. Досталъ изъ стола "зубной порошокъ" и далъ ему понюхать. На всякій случай!..

Записная книжка. Карточка агента развѣдки! Ломбардные квитанціи. Фотографіи — отмѣченныя номерами и буквами — К. Р. Удостовереніе штаба о зачисленіи въ резервъ. Нѣсколько адресовъ и старый желѣзнодорожный билетъ.

— Наши "молодчики" во время операций не держатъ въ карманахъ подобныхъ бумагъ, — подумалъ я, положивъ на столъ вынутыя изъ кармана лейтенанта вещи.

Въ записной книжкѣ я нашелъ адреса и какіе-то рецепты.

Ни одна изъ пяти моихъ квартиръ не значилась въ

книжкѣ.

Всѣ адреса были мнѣ незнакомы.

Лейтенантъ продолжалъ почивать въ блаженномъ невѣдѣніи, а я въ это время сфотографировалъ агентскую карточку, отпускное свидѣтельство и переписалъ адреса отмѣченныя словомъ : важно.

Все въ порядкѣ — вещи снова въ карманѣ владѣльца.

Я съ трудомъ разбудилъ его отъ тяжелаго сна. Онъ былъ использованъ и надо было выпроводить нежелательнаго гостя.

— Чертъ знаетъ что со мной? Никогда я такъ не хмѣлелъ, — пробормоталъ, вздрагивая какъ бы отъ холода лейтенантъ.

— Похмѣлитесь теперь, — предложилъ я, подавая ему стаканъ виски.

Онъ всталъ. Взялъ со стула свое платье.

Я замѣтилъ, какъ онъ украдкой ощупалъ свои карманы.

— А вы? — спросилъ онъ, беря стаканъ.

— Я тоже выпью, — отвѣтилъ я, наливая виски.

Чокнулись. Выпили. Еще — на посошекъ.

Тысячи извиненій за беспокойство — и лейтенантъ покинулъ мою квартиру.

Черезъ полчаса съ "матеріаломъ" я пріѣхалъ на квартиру миловидной портнихи, Мадамъ Маргариты...

Квартира — номеръ четыре.

**

— Сколько получаетъ, по вашему, жалованія этотъ лейтенантъ? — спросилъ Розенталь, рассматривая фотографію агента финской развѣдки.

— Тысячи двѣ, не больше, — отвѣтилъ я наугадъ.

— Онъ пьянчуга? Знаете что — втяните его въ нашу

сѣть. Предложите на первое время — шесть тысячъ. Если будетъ работать сиосно можно прибавить до десяти. Очень важно было-бы заручиться его работой. Вы можете поймать его на "пушку". Скажите ему, что вы моль интересуетесь, какъ ярый антибольшевикъ, кое какимъ свѣдѣніями о дѣятельности мѣстнаго полпредства. Ннкакихъ интересовъ къ бѣлымъ у васъ не должно быть. Онъ, понятно, какъ агентъ, знаетъ всю бѣлую освѣдомительскую сволочь и умѣло можио ихъ выудить. А главное, мы будемъ знать все, что о насъ поступаетъ въ ихъ дѣла. Для пущей важности я изготовлю для васъ письма какихъ иибудь бѣлыхъ генераловъ. Рекомендаціи чтоли. Попытайтесь втянуть этого пария и по возможности, поскорѣй, — сказалъ Розенталь, пряча въ бумажинкѣ фотографію и полученные адреса.

— Я приму всѣ мѣры къ тому, товарищъ, — произнесъ я, прочитывая письма, даинныя миѣ резидентомъ для переправки адресатамъ.

Письма были адресованы проживающимъ въ Финляндіи виднымъ эмигрантамъ.

На каждомъ "образцово" вскрытомъ конвертѣ — болгарская почтовая марка и штемпеля.

— Вамъ иадлежитъ послѣ прочтенія и записи поставить на письмахъ финскій почтовый штемпель и сообразно съ датой "вручить" ихъ получателю. Придется лично разнести и бросить въ кружку или подкинуть на столъ швейцарской, — сказалъ Розенталь передавая миѣ мѣдную печать и подушку съ черной краской.

— Это "стамбулійцы" посылають? — спросилъ я.

— Нѣтъ, иаши устроились въ экспедиціи Главной почты, — отвѣтилъ Розенталь, — иадо бы и тутъ иайти "крысу". Узнайте у товарища Искела кто изъ партійцевъ состоитъ на службѣ въ почтамтѣ.

Я далъ согласіе подыскать "крысу".

Черезъ нѣсколько дней мнѣ дали серьезное порученіе: разоблачить въ трехдневный срокъ одного сотрудника - финна "Освальда I" продавашаго военному аташе Бобрищеву планъ предполагаемой постройки новыхъ ангаровъ и чертежи мноноосцевъ, якобы похищенные изъ финскаго "Главштаба". За этотъ "важный" матеріалъ Бобрищевъ уплатилъ 200 долларовъ и препроводилъ при обширномъ докладѣ въ Главштабъ Р. С. Ф. С. Р. Вышелъ скандалъ! Его вызвали къ прямому проводу и сообщили, что чертежи являются перерисованными изъ нѣмецкаго довоеннаго сборника, рисунками старыхъ типовъ съ придѣланной лишней трубой и орудіями Крезо.

Освальду объ этомъ не сообщили, на оборотъ, ему выдали дополнительную премію въ 5000 марокъ и назначили въ мое распоряженіе съ повышеніемъ оклада.

Бывшій писарь по вольному найму Свеаборгской крѣпости, пьяница и, вообще, темная личность, занимавшійся тайной продажей спирта, наркотиковъ — Освальдъ велъ широкой образъ жизни.

Игралъ въ клубахъ и пьянствовалъ въ обществѣ офицеровъ.

Такъ какъ онъ былъ безпартийнымъ, его услугами пользовались Бобрищевъ и Розенталь за свой рискъ. Онъ снабжалъ ихъ "совершенно секретными" документами и получалъ громадные гонорары. Помимо этого въ его обязанности входило распускать тѣ или иные слухи по указкѣ своего начальства. Если нужно было бросить на кого-либо тѣнь подозрѣнія, послать анонимное письмо въ полицію, очернить эмигранта — Освальдъ былъ на высотѣ своего призванія.

Я собралъ о немъ подробный матеріалъ и уже зная съ кѣмъ имѣю дѣло рѣшилъ убрать его.

Поручивъ ему добычу фотографическихъ снимковъ пороховыхъ погребовъ расположенныхъ въ N, я выдалъ авансъ въ 4000 марокъ на покупку аппарата и столько же на подкупъ караула.

Освальдъ обѣщаль явиться ко мнѣ черезъ два дня на квартиру Мууконена.

Объ данномъ порученіи я сообщилъ Розенталю и Бобрищеву, а къ Освальду поставилъ наблюдение.

И выяснилось неожиданное: Освальдъ никуда не поѣхалъ. Просидѣлъ въ своей квартирѣ два дня и вечеромъ явился на условленное мѣсто съ аппаратомъ и снимками.

Я принялъ задание, поблагодарилъ и спросилъ:

— Тяжело было?, а?

Онъ улыбнулся и нагло взглянувъ на меня прооронилъ:

— Еще бы! На пулю шель.

Сославшись на переданное мнѣ поручение дать ему новое задание еще рискованнѣе, но за то оплачиваемое въ суммѣ 500 долларовъ я попросилъ его прибыть вечеромъ въ Бренде и ждать меня около кафе.

Я сообщилъ, что прибуду на моторной лодкѣ.

Когда Бобрищевъ узналъ о подготовленной ловушкѣ Освальду онъ сдѣлалъ распоряжение "Коммунару" ожидать груза въ районѣ Аренсгрунда.

Моторная лодка обогнула "опасные" мѣста, пронеслась мимо крѣпости и взяла курсъ на Ревель. Освальдъ, Фишманъ и я сидѣли въ каютѣ и вмѣсто дѣла занялись выпивкой.

Фишманъ расхваливалъ Освальда, подливалъ въ стаканъ коньяку и былъ на веселѣ.

Около полуночи мы сдали опьянѣвшаго агента матросамъ "Коммунара". Его снесли на судно

— Сдайте его въ “особотдѣль”, — приказаль Фин-
манъ наклонившемуся за бортъ капитану.

— До свиданія, товарищи! — воскликнула съ борта
группа матросовъ.

“Коммуитарь” взмылся винтами и пошелъ на востокъ...

Мы повернули обратно, къ мигавшему въ молочно-
сѣромъ туманѣ плавучему маяку.

ХІІІ.

Прошло уже девять мѣсяцевъ со дня моего прибытія
въ Финляндію и все время “сопутствовалъ” успѣхъ...

Агенты смѣнялись новыми “иомерамн”, предписанія
и различныя приказы сыпались изъ центра ежедневно и
мой “окладъ” поднялся до 20.000 финскихъ марокъ. Въ
ноябрѣ меня внесли въ списки комячейки при полпред-
ствѣ и я сталъ “своимъ”, парработникомъ. Черезъ мои
руки переходили иногда значительныя суммы. “Мопр”а,
Комнтерна и IV отдѣла” геиштаба Р. К. К. А. Въ сентябрѣ
агентъ Коминтерна, курьеръ “Аркоса” Рольмгреиъ пере-
далъ миѣ для передачи шведской компартіи 250.000
кроиъ, въ октябрѣ я переслалъ “магиату” эстонской ком-
партіи Аивельдту — 2.000.000 эстонскихъ марокъ въ
Перновъ и, наконецъ, въ ноябрѣ 1.000.000 франковъ было
поручено уплатить предъявителямъ маидата на имя Де-
грана, “комиссіонера” Ліонской шелковой мануфактуры.
Такъ и было написано въ приказѣ: комиссіонеру Ліон-
ской шелковой мануфактуры.

Я посѣтилъ въ первоклассномъ отелѣ представителя
французской фирмы Леграна.

На столѣ образцы различныхъ ткаеиъ, альбомы съ
отрѣзами шелка и бархата.

“Комиссіонеръ” — упитанный, краснощекий, полный брюнетъ, носящій французскую фамлію по подложному паспорту, значился въ спискахъ иностраннаго отдѣла В. Ч. К. подъ клѣтками — “Сертинскій - Бей”, “Паша”, “Инсаровъ” и “Теръ - Акоповъ”.

До большевнковъ его просто нарицали: портной Моисей Зеленый, уроженецъ мѣстечка З. Полтавской губерніи.

Если Зеленый превратился въ Леграна, то Рольмгренъ насчитывалъ девять фамлій и на каждую имѣлъ паспортъ выданный “всемирнымъ паспортнымъ отдѣломъ — В. Ч. К.

Этотъ курьеръ представлялъ интересъ, какъ “человѣчскій документъ”.

По словамъ самого Рольмгрена, онъ былъ до войны — стюартомъ американской пароходной компаніи, потомъ чиновникомъ полиціи въ Вестъ Индїи и къ большевикамъ перешелъ въ 1918 году дезертируя изъ Экспедиціоннаго корпуса прибывшаго на Мурманъ.

Вторично довелось встрѣтить его черезъ нѣсколько недѣль при такихъ обстоятельствахъ: на одной изъ конспиративныхъ квартиръ, куда меня срочно затребовалъ прикомандированный къ резиденту, представитель Особаго отдѣла бывший лейтенантъ Миклашевскій - Быстровъ, меня ожидало... общество.

Двѣ дамы сомнительной репутаціи, Миклашевскій, Муценекъ, Рольмгренъ и молодой, подвижной, съ интеллигентнымъ бритымъ лицомъ брюнетъ, назвавшійся Нольде.

Послѣдній на самомъ дѣлѣ былъ агентомъ В. Ч. К., бывший офицеръ Дружеловскій, прибывшій нелегально изъ Берлина и намѣревавшійся ѣхать въ Ревель по дѣламъ “службы” и для свиданія съ женой, сотрудницей

торгпредства. Я не допускалъ мысли, что толстая, накрашенная и вульгарная проститутка Фанни и ея подруга съ лицомъ чахоточной прачки Люли состояли агентами лейтенаита.

— Итакъ, къ дѣлу, — началъ Муценекъ, — вамъ, товарищъ, надо приютить у себя на виллѣ прїѣзжаго товарища "Никольсъ". Онъ пробудеть у васъ дней пять, пока я не получу отвѣта отъ особоуполномоченнаго деятаго района. Необходима абсолютная осторожность. Товарищъ Никольсъ имѣетъ при себѣ важные документы Коминтерна и, вообще, его пребываніе тутъ рискованно. "Англичане" напали на его слѣдъ съ Стокгольмѣ.

Я взглянулъ на сидѣвшаго въ креслѣ совершенно сѣдого господина въ элегантно сшитой парѣ и съ толстыми роговыми очками на носу. Метаморфоза! "Мистеръ Рольмгренъ", сорокапятилѣтній англичанинъ превратился въ сѣдого близорукаго Никольсъ.

— Лучше, если вы, товарищъ Муценекъ, припрчете бумаги въ несгораемомъ шкафу миссін, — сказалъ Никольсъ нервно хрустнувъ скрещенными пальцами.

— Отлично. Я возьму, — согласился тотъ и обращаясь ко мнѣ добавилъ, — и вамъ рнску меньше, не правда - ли?

— Теперь надо обсудить, какъ переплавить нашего Нольде къ бѣлоэстонцамъ, — произнесъ Миклашевскій и мигнувъ толстой Фанни улыбнулся.

— По моему самое цѣлесообразное на моторной лодкѣ въ обществѣ дамы. Въ родѣ прогулки и только, — продолжалъ онъ, взглянувъ на меня неприятно холодными сѣрыми глазами.

Я рѣшительно отклонилъ этотъ проектъ.

— Моторная лодка не по сезону, товарищъ, теперь бури и помимо того клубные пристани усиленно

охраняются. Пристать въ Ревеля мудрено. Могу предложить такой путь и болѣе безопасный, — сказалъ я.

— Какой - же? — спросилъ самъ Нольде.

— Васъ перевезуть до Локса, а уже оттуда въ Ревель. Я доставлю васъ на стоящій въ трехмильной зонѣ пароходъ — спиртовикъ. Черезъ деиъ оиъ снимается съ якоря и пойдетъ пустымъ въ Локсу. Капитанъ его мой пріятель. Онъ “замушруеть” товарища Нольде какимъ либо матросомъ, — отвѣтилъ я.

— Но въдь списки команды имѣются у портоваго капитана, — вставилъ Миклашевскій.

— Я сниму матроса и продержу его пока у себя. Послѣ же ему можно ѣхать въ Ревель безъ всякаго страха. А товарищъ можетъ прикнутъся больнымъ, при осмотрѣ парохода это необходимо, — сказаалъ я, детально разрабатывая планъ.

— Отлично! Тогда оставьте даму, — воскликнулъ Муценекъ радостно и позвавъ агентшъ въ переднюю покниулъ комнату.

— “Дѣвкн”, а золотые работницы, въ особенности эта корова, — сказалъ Миклашевскій разсматривая свои холеные ногти.

— По какой части? — освѣдомился Рольмгренъ.

— Виѣшее и часто внутреннее наблюденіе. Ихъ профессія никого не пугаетъ. Любовь ихъ “политика”, — отвѣтилъ “особистъ” приподнявъ голову и неприятно улыбувшисъ добавилъ, — очень не казисты, но дѣловыя “дѣвочки”.

Рольмгренъ “загостилъ” у меня въ Мунксенесѣ, а Нольде занялъ комнату въ моей квартирѣ, иомеръ два, на Вазаской улицѣ.

Первый “гость” былъ симпатичнѣй второго. Онъ хоть не былъ иахаль и мелкій воришка, подѣлвшійся

самовольно моей собственностью, как бѣлье, галстуки и кое - какіе предметы гардероба...

Этотъ псевдо - баронъ Нольде страдалъ какой - то болѣзненной маніей преслѣдованія. Всѣ ночи проведенныя въ моей квартирѣ онъ бодрствовалъ и пыталъ меня разсказами о своихъ провокаціонныхъ успѣхахъ заграницей.

И гдѣ только не бывалъ сей "красивый Хлестаковъ"! Германия, Болгарія, Польша, Румынія и Турція — поля дѣятельности.

Берлинь, Софія, Варшава, Бухарестъ и Ангора — штабъ - квартиры его.

Онъ не скрывалъ, что работаетъ въ бѣлыхъ организаціяхъ, какъ провокаторъ, и беретъ нзъ двухъ трехъ, и больше "инказиачействъ" гоиораръ.

— Понимаете, товарищъ, я не могу больше иначе жить, мыслить и чувствовать, какъ только въ роли агента шпіонажа. Втянулся, и вся эта полная риска, тревоги и волненія жизнь уже для меня родная стихія, продолжалъ лежать на диванѣ Дружеловскій и стряхивая съ папиросы пепель на полъ.

— А вы не думаете о финалѣ? — спросилъ я.

— Ерунда! Вывернусь. Съ полициимъ меня не поймать. Я инкогда ничего не записываю, не имѣю при себѣ никакихъ шифровокъ или секретокъ. О, нѣтъ, я натасканный волкъ. Вы не представляете себѣ моей работы. Она куда рискованнѣе вашей, да. Моя "фабрика" дѣлаетъ валюту въ Венгріи, я "печатаю" доллары въ Америкѣ, "мѣняю" злоты на марки въ Варшавѣ и, главное, все законно и не законно. Главное: печати и форменныя бланки, а покупатели найдутся, — отвѣтилъ Дружеловскій туманными неясными словами.

— Вы что же, помимо того и фальшивомонетчикъ, — бросилъ я раздраженно.

— И совсѣмъ нѣтъ. Я печатаю то, что размѣнивается на валюту. Документи - ки, товарищъ, — отвѣтилъ горделиво улыбаясь Дружеловскій и вынувъ изъ портсигара новую папиросу закурилъ.

— Теперь я поѣду въ Мюнхенъ — прямо на конгрессъ монархистовъ “Великой Баваріи”. Потомъ въ Берлинъ, дальше Вѣна, Будапештъ и Софія. Заданія всюду. Знаете, я готовлю свинью сенатору Бора. И получить онъ сюрпризикъ, мое почтеніе, — продолжалъ бредить умалишеннаго “гость” и чему то улыбаясь покачивалъ головой.

Я рѣшилъ прекратить надоѣдливую болтовню и сказалъ вставая:

— Давайте спать. Уже третій часъ. Миѣ завтра надо рано встать.

— Ложитесь, я не могу уснуть раньше пяти - шести. Накурюсь до одурѣнія и спать. Кстати, у васъ нѣтъ кокаинчику? — произнесъ Дружеловскій и швырнулъ на полъ окурочекъ.

— Я не имѣю этой гадости, товарищъ, — рѣзко отвѣтилъ я и направился въ спальню.

Закрывъ за собою дверь.

Не знаю, спалъ - ли я часъ, какъ меня разбудилъ осторожный стукъ въ дверь.

Вскочилъ.

— Кто тамъ? — спросилъ я включивъ свѣтъ.

— Не спится... Простите. Чертъ знаетъ до чего изнервничался въ этой дорогѣ. Закрою глаза — мерещатся шуцманы и баста, — сказала входя въ комнату блѣдный Дружеловскій.

— Выпейте виски, — предложил я назойливому гостю и нехотя всталъ.

— Когда я за работой — миѣ легче... Дьяволъ знаетъ, что со мной? Дайте, выпью пару стаканчиковъ. Жена тоже разстроила. Скулить все: перестань работать, — произнесъ Дружеловскій и подойдя къ дивану опустился на него тяжело и порывисто дыша.

Я понялъ — передо мной былъ наркотикъ.

Онъ выпилъ нѣсколько стакановъ виски и содовой воды.

— Нѣтъ, наша работа сволочная, — промолвилъ онъ откинувъ голову къ спинкѣ дивана, — нервы треплеть, окаянная.

— Но за то денежная, — уронилъ я сухо.

— О, да! Страшно денежная, — взглянувъ на меня злобымъ взглядомъ сказалъ онъ и криво улыбнулся.

— Деньги все. Вы тоже денежный коммунистъ, не такъ - ли? — злорадно продолжалъ онъ, — всѣ мы денежные.

— Если хотите еще — бутылка на каминѣ, — не обращая вниманія на его слова сказалъ я и направился къ кровати.

— Спасибо — выпью. Засните, а я еще посижу. Одному страшно, да, — тихо произнесъ онъ и обхватилъ голову руками.

Утромъ я нашелъ его спящимъ на диванѣ, въ правой рукѣ былъ судорожно сжатъ никеллированный браунингъ.

На заграничномъ паспортѣ фотографію владѣльца-финна подмѣнили снимкомъ Дружеловскаго, "освѣжили" печати и онъ поѣхалъ черезъ Торинео и Швецію въ Берлинъ.

“Гости” покинули Финляндію, а я принялся за обычную работу. По заданію Бобрищева мной составлялись новые списки командного состава шюцкара и къ этой работѣ были привлечены всѣ городскіе и провинціальныя агенты моего района. Девятнадцать “номеровъ”! Доставляемая свѣдѣнія классифицировались, переписывались и поступали въ распоряженіе провѣрочнаго бюро, которымъ вѣдалъ Миклашевскій. Еженедѣльные сводки объ эмигрантскихъ настроеніяхъ, пополненіе картотеки новыми адресами и наблюденіе за членами финкомпарти — сѣрые будни шпионской жизни...

Янъ - Венникасъ - Бергманъ смѣнилъ высланиаго по распоряженію Филяндскаго правительства Розенталя-Кирштейна. Его “отозвали” телеграммой Наркомаидѣла.

Поздно ночью ко мнѣ явились Розенталь и Бергманъ.

Первый “прощаться”, второй нанести “визитъ”.

“Дворникъ” сталъ на дозоръ у виллы.

Бергманъ — высокій, стройный блондинъ лѣтъ тридцати былъ эстонцемъ и имѣлъ крупный партійный стажъ. Бывшій командиръ эстонской красной дивизіи, участникъ подавленія ярославскаго и кронштадтскаго возстаній, ликвидаторъ “Національнаго Центра” — особоуполномоченный М. Ч. К. по приведенію въ исполненіе приговора и разстрѣла Астрова и другихъ жертвъ — Янъ Венникасъ - Бергманъ считался кандидатомъ на постъ перваго секретаря полпредства въ Эстоніи. Командировка въ Финляндію — “зондированіе почвы” для будущей дипломатической дѣятельности.

— Я знаю, кто меня провалилъ, — сказалъ Розенталь, — чухонская морда Яльмари.

— Какъ? — спросилъ я.

— Его сцапали на границѣ и, собака, сообщилъ шпи-

камь, что ѣхаль ко мнѣ съ пакетомъ листовокъ, — отвѣ-
тить Розенталь ударивъ по колѣну ладонью.

— Еще выдалъ кого - нибудь? — тревожно спро-
сить я вспомнивъ, что Яльмарн былъ однажды у меня.

— Не такой онъ идиотъ! Сообразилъ, каналья, что
мнѣ начхать на чухонскихъ властей и конецъ, а выдавать
сотрудниковъ не расчесть. Создадутъ процессъ и ему
больше влетитъ. — успокоилъ меня Розенталь закури-
вая.

— Вотъ теперъ товарищъ Бергманъ, мой замѣсти-
тель, наладить новый этапъ, — продолжалъ онъ —
пуская кольца дыма и слѣдуя за ихъ взлетомъ.

— Я вызову "Микко" и налажу новый путь на со-
вершенно иныхъ условіяхъ, — произнесъ Бергманъ не-
пріятнымъ, вкрадчивымъ голоосмъ.

Я взглянулъ на него: какъ будто каменное, надмен-
ное правильное лицо съ голубыми глазами, высокой
лобъ и четыре глубокихъ борозды отъ виска къ виску.
Изломъ линій губъ говорилъ о жестокой натурѣ.

— Ваше дѣло налаживать, товарищъ, но я преду-
преждаю васъ, — Микко работаетъ пока ему платятъ де-
сятки тысячъ. Его надо бы уже ликвидировать. Много
знаетъ, черезчуръ много. По моему: подстрѣлить на ихъ
границѣ и однимъ "языкомъ" меньше, — сказалъ Розен-
таль зѣвнувъ и глядя въ окно.

— Иначе нельзя, товарищъ. Такую сволочь можно
только деньгами держать на службѣ. Чѣмъ больше бро-
сать имъ валюты, тѣмъ вѣрнѣй работаютъ. А... пристрѣ-
лить никогда не поздно, — произнесъ Бергманъ и взгля-
нулъ на меня добавивъ, — не такъ - ли?

Розенталь нервно махнулъ рукой и всталъ.

— Нѣтъ, не такъ! — вспыхнулъ онъ, — если бы
"Яльмари" обезвредили въ свое время, если - бы идиотъ

Соколовъ не давалъ мнѣ о немъ справокъ, я пустилъ бы его въ расходъ уже въ августѣ.

На устахъ Бергмана скользила улыбка.

— Вспомните, товарищъ, слова помянутого Фомина: "Ставить къ стѣнкѣ надо бы провокатора - предателя и тѣхъ, кого онъ выдалъ. Что бы не родить новой провокаціи, — какъ будто полосы холодной стали упали слова Бергмана.

— Это не относится къ настоящему случаю, — бросилъ черезъ плечо Розенталь и подойдя къ письменному столу включилъ свѣтъ лампы.

Сѣлъ и повернувшись ко мнѣ сказалъ:

— Ваши свѣдѣнія хромаютъ. Почему вы не предупредили меня, что "охранка" информировала министерство иностранныхъ дѣлъ объ арестѣ Яльмари? Вашъ "пріятель" ничего вамъ не говорилъ объ этомъ.

— Я его не видѣлъ уже четыре дня. Повидиому, запыль опять, — отвѣтилъ я.

— Со всякой пьяной шпаной приходится имѣть дѣло, — возмущенио проворчалъ Розенталь и вставъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ваша агентура работоспособна, но брехлива. Товарищъ Миклашевскій докладывалъ мнѣ, что много вымышленныхъ именъ и иныхъ неточностей. Я обращаю ваше вниманіе на этотъ дефектъ. Прошу васъ составьте подробный списокъ вашей агентуры и укажите мнѣ категоріи качественного порядка. Кто такой коммунистъ Ярота? Мы получили свѣдѣнія, что онъ покупаетъ или строитъ домъ на имя сестры, — произнесъ Бергманъ просматривая миниатюрный блокнотъ.

— Онъ рекомендованъ товарищемъ Рахья, — отвѣтилъ я.

— Рахья, — для меня иоль. Который братъ?

— Старшій, — отвѣтилъ я.

— Тѣмъ хуже. Финскіе товарищи еще не отвыкли отъ кумовства. Навѣрно этотъ Ярола какой нибудь родственникъ Рахья и тотъ строитъ или покупаетъ домъ за счетъ кредита партіи. Займитесь этимъ дѣломъ. Въ одной изъ вашихъ сводокъ указывается, что вы не имѣете возможности подыскать офицера - финна для работы по информации генштаба. Миѣ поручилъ товарищъ Меижинскій наладить это въ ближайшее время Товарищъ Павлоновскій получилъ свѣдѣнія объ усилившейся въ Карелии антисовѣтской агитаціи. Нити ведутъ въ фингенштабъ. Для полной ликвидаціи вредныхъ элементовъ приняты мѣры, но арестованные агитаторы созиались въ подготовкѣ по указкѣ изъ Гельсингфорса возстанія. Мы имѣли списки финскихъ офицеровъ - активистовъ, которые должны были руководить мятежомъ. Планъ разработанъ штабомъ Майнергейма. Необходимо войти въ связь съ "Игермаиландскимъ комитетомъ" засѣвшимъ въ Выборгѣ и спровоцировать открытое выступленіе. Наши агенты подготовятъ массы къ вооруженному мятежу, финскіе добровольцы проникнутъ въ Карелию и дѣло на мази. Наша тройка убѣждена, что зимою въ Карелии будутъ событія. Активисты полковника Генрихса мечтаютъ приобщить Карелию къ Финляндіи. Увидимъ, во что это имъ обойдется! У васъ итъ свѣдѣній по этому дѣлу? — произнесъ Бергманъ.

— Къ сожалѣнію не имѣю. Слухи кое - какіе были, но о нихъ - я сообщалъ товарищу Розенталю, — отвѣтилъ я.

— Я въ свою очередь ниформировалъ Аванесова и Бакаева, — подтвердилъ Розенталь, — но финпарткомъ не придавалъ значенія этимъ слухамъ.

— Финпарткомъ! Это не аргументъ! Финпарткомъ

надо бы разогнать и половнну поставить къ стѣнкѣ. Распущенность, демагогія и кумовство выдѣляютъ этотъ комитетъ изъ всѣхъ національныхъ группировокъ. Я уполномоченъ вычистить мѣстный комитетъ и ставленниковъ Рахья, Куусиена и Сирола сплавить въ центръ. Довольно, обожрались уже тутъ этн перекрашенные эсдеки. Надо послать молодежь на работу. На дняхъ я созову совѣщаніе всѣхъ уполномоченныхъ и поручу работы по чисткѣ. “Мопрь” тратитъ сотни тысячъ на пособіе жертвамъ бѣлаго террора. Отлично! Товарищи, — развѣ портной Кюллиненъ жертва бѣлаго террора, что ему выдается 3000 марокъ въ мѣсяцъ? Братъ его втерся въ красную армію комбатомъ и выклянчилъ у Куусиена пособіе. Такнхъ не мало “жертвъ”, нашего “Мопра” не хватитъ на поддержку всякихъ “свояковъ” финкомпартіи, — сурово раздался голосъ Бергмаана и въ его глазахъ вспыхнули огни затаенной злобы.

Онъ закурилъ. Обвелъ взоромъ комнату и какъ - то странно улыбнулся сказавъ:

— У васъ недурная квартирка... Ее придется оборудовать подъ типографію. На итсколькo дней. Ротаторъ и пишущую машинну можете купить за мой счетъ. Я пришлю изъ бюро дактило. Надо заготовить тысячи три - четыре воззваній къ нигермаилайдцамъ отъ имени ихъ Выборгскаго комитета. Товарницъ Яскеля распространить ихъ по деревнямъ. По окончанію работы ротаторъ перешлете въ Выборгъ на имя уполномоченнаго Наркомвнѣшторга. Онъ поднялся и обращаясь къ Розенталю сказалъ:

— Пойдемъ, Янъ. Намъ надо еще проревизовать товарница Ярвола.

— Пошли, — произнесъ Розенталь и взявъ со стола фетровую шляпу надѣлъ ее.

— Итакъ, желаю вамъ успѣха,— сказалъ онъ протягивая мнѣ руку, — будьте осторожны и внимательны. Весной вамъ дадутъ другой районъ. Я скажу “самому” словечко о васъ. Спасибо за все, товарищъ.

ХІІІ.

Дактило, присланная изъ полпредства, оказалась мнѣ знакомой. Ловиза Августовна Шромеръ — вдова разстрѣляннаго германцами латышскаго коммуниста - офицера I Латышскаго Стрѣлковаго полка.

Я купилъ въ магазинѣ Даніель ротаторъ и “Ремингтонъ”. Работа шла подъ покровомъ ночи. На всякій случай топилась печь, “дворникъ” дежурилъ у воротъ и окна были закрыты ставнями.

На утро — заказъ былъ изготовленъ.

— Граждане, карелы и ингерманландцы, настаетъ часъ вашего освобожденія отъ ига русскихъ насильниковъ. Финляндія — ваша скорбящая мать, съ тревогой взираетъ на ваше порабоженіе тираниами большевиками. Не думайте, что финскій народъ безучастенъ къ своимъ братьямъ и сестрамъ томящимся въ плѣну большевицкой банды грабителей и убійць. Готовьтесь, братья, къ бою. Мы уже формируемъ бригады опытныхъ бойцовъ, которые придутъ на помощь. Вооружайтесь. Запасайтесь лыжами и теплой одеждой. Ингерманландскій комитетъ заручился активной помощью финляндскаго правительства. Финскіе офицеры и добровольцы придутъ и покончатъ съ варварами и Карелія войдетъ въ тѣло родной

Филяндія. Ждите приказанія. Боевой кличь: Великая свободная Филяндія. Помните, братья, священные жертвы павшихъ въ бою за освобожденіе Кареліи зовуть васъ на расправу съ насильниками. Готовьтесь. Не падайте духомъ — мы съ вами.

Игерманландскій комитетъ. Выборгъ. Корельскій комитетъ. Филяндія.

Пять тысячъ такихъ прокламацій на финскомъ языкѣ были упакованы въ чемоданы и въ сопровожденіи дактило доставлены въ полпредство на автомобилѣ полпреда Черныха.

При консульствѣ въ Выборгѣ состоялъ на службѣ иткій Владиміръ Илларионовичъ Лагутииъ, оиъ - же Тышковъ, Матвѣевъ, Харитоенко и "киязъ" Еигалычевъ. Въ средѣ сослуживцевъ Лагутииъ считался чекистомъ и его побаивались всѣ отъ консула до истопника. Работа Лагутина состояла въ приѣмѣ лицъ желающихъ ѣхать въ Р. С. Ф. С. Р. и провѣркѣ анкетъ заполненныхъ возвращенцами. Для послѣдней работы въ распоряженіи Лагутина сотолял кадръ освѣдомителей получавшихъ "подушный" гонораръ — двѣсти марокъ за справку. Если лицо подавшее прошеніе консульству оказывается по свѣдѣніямъ агентовъ Лагутина опаснымъ для Р. С. Ф. С. Р. ему давали визу и даже помогли матеріально при выѣздѣ. А въ Бѣлоостровѣ "возвращенца" снимали съ поѣзда и отправляли въ распоряженіе пограничнаго осободѣла на предметъ "израсходования".

Такимъ же "бюро регистраціи" въ Гельсингфорсѣ вѣдалъ Бергмаиъ - Веиникасъ и помимо запросовъ въ центръ имъ приводилось негласное установленіе личности желающаго получить визу. Два моихъ сотрудника получили распоряженіе провѣрять анкеты и выяснять мо-

тивы поѣздки въ Р. С. Ф. С. Р. Помню, въ разговорѣ съ однимъ изъ агенто́въ выяснилось, что капитанъ перваго ранга С. хлопочеть о полученіи визы въ Петербургъ. Я зная многое о дѣятельности С. и желая провѣрить работу агента спросилъ у него:

— Что это за птица?

— Кандидатъ къ стѣнкѣ. О немъ очень скверные справки. Паршиво одно обстоятельство — онъ финляндецъ, а то бы тысяча марокъ преміи въ карманѣ, — отвѣтилъ агентъ.

Ему первый разъ отказали въ визѣ, запросили центръ и получивъ оттуда визу предложили "пустить" при второмъ ходатайствѣ.

Но кто - то предупредилъ С. и онъ не поѣхалъ. Это вызвало подозрѣніе въ полпредствѣ и мнѣ предложили узнать причину неиспользованія визы капитаномъ С.

Я написалъ подробный докладъ и указалъ въ немъ на анонимное письмо полученное С. нѣсколько дней до отъѣзда. Бергманъ потребовалъ фотографическаго снимка съ письма. Я отказался отъ этого порученія сославшись на незнакомство съ капитаномъ. Не прошло и недѣли, какъ Бергманъ сообщилъ, что все открыто и авторъ анонимки уволенъ со службы. Въ квартирѣ капераи́нга во время его отсутствія былъ курьеръ - монтеръ Шмидтъ. По освѣдомительной работѣ для регистраціоннаго бюро Бергманомъ была нанята молодая, красивая брюнетка Софія Зильбермессеръ. Прекрасно владѣя мѣстными и русскими языками Зильбермессеръ вращалась исключительно въ кругахъ еврейской эмиграціи и выдавала себя за бѣженку изъ мѣстечка Винница. Намекала на то, что одинъ изъ ея родственниковъ, **безпартійный** спецъ служить въ торгпредствѣ и помогаетъ ей кое - какими средствами. Къ ней обращались за справками, просили узнать

адресъ родственниковъ въ Р. С. Ф. С. Р., переслать деньги черезъ Народный Банкъ, имѣвшій въ то время филиалъ въ торгпредствѣ, и письма.

Она пользовалась довѣріемъ и о Софин Зильбермессеръ говорилъ, какъ о полезной добродѣтельницѣ. Она ссылалась на свои связи въ еврейскихъ кругахъ Берлина, бывшаго издателя Проппера, жившаго въ Гранкулла, называла "дядей", а популярнаго въ Выборгѣ доктора Абрамовича считала мужемъ своей подруги. Если - бы она работала по своей отрасли и не пошла на "крупный заработокъ" все было - бы для нея хорошо, но Бергманъ увлекъ ее въ рискованную любовную авантюру. Она у кого - то "что - то" стянула, дала снять копию, но опоздала вложить обратно въ письменный столъ...

Замѣтка въ финской печати и "карьера" Зильбермессеръ кончилась плачевно.

Бергманъ предложилъ мнѣ найти замѣстительницу.

Однажды вечеромъ я представилъ ему миловидную даму, по фамилии Выгодчикова, и Бергманъ "оцѣнилъ" ее въ три тысячи марокъ, на первое время.

Но работать ей не пришлось долго — на святкахъ она снимала квартиру въ лучшемъ кварталѣ Гельсингфорса и имѣла "содержаніе" въ пять тысячъ марокъ отъ Бергмана и три тысячи отъ помощника Миклашевскаго.

На мѣдной доскѣ дверей было выгравировано: преподавательница музыки".

По вечерамъ бывший ученикъ консерваторіи, Бергманъ, пѣлъ подъ аккомпанментъ рояля романсы, а въ низомъ сигарномъ дыму виднѣлась фигура задумавшагося лейтенанта — предателя.

Выгодчикова осталась вѣрна мнѣ и ея свѣдѣніями приходилось пользоваться не разъ.

Послѣ Новаго Года произошла реорганизация Финского отдѣла.

Меня назначили вѣдущимъ резидентомъ и многи уполномоченными стали номера "семь" и "четырнадцать" — оба партійны — финны.

Вся агентура перешла къ нимъ и мнѣ не было удобства встрѣчаться съ агентами. Поручения центра я передавалъ уполномоченнымъ, они производили расчеты, классифицировали материалъ и назначали задания по своему усмотрѣнію. Общее руководство всѣми работами "МЧК", "ВЧК", "Развѣдупра" и "Регнструпа" осталось за Бергмаиоми и Бобринцевымъ.

Два коинспиративныя квартиры были ликвидированы и главный центръ работъ помѣщался на моей виллѣ. Приемъ курьеровъ изъ Р. С. Ф. С. Р. "происходилъ" на квартирахъ Арвола или "Спортсмена", открывшаго теперь кафе въ районѣ Сериеса.

Бобринцевъ развернулъ свое бюро: имѣлись отдѣлы — шифровальный, карточный, фотооперативный, регистраціонный, военный, морской и полицейскій. На каждомъ изъ отдѣловъ сидѣли надежные коммунисты полпредства числящіеся истопниками, монтерами, переписчиками и машинистками.

Одинъ изъ его агентовъ собиралъ фотографіи видныхъ военныхъ, общественныхъ дѣятелей и эмигрантовъ. Собираніе коллекцій происходило крайне примитивно: прилично одѣтый господинъ ходилъ по фотографіямъ, снимался или давалъ какое-либо увеличеніе и ухитрялся украсть со стола или разложенныхъ альбомовъ фотографію. Послѣ уже устанавливали адресъ изображеннаго лица и дѣлали копіи. Одна въ альбомѣ Бобринцева, вторая въ "Регистрацію", въ Москву.

Мнѣ также было предписано при каждомъ удобномъ

случаѣ пополнять копіями фотографій “портретную статистику” военаташе.

Благодаря реорганізації мой рискъ убавился и обещеніе съ двумя уполномоченными было въ значительной мѣрѣ проще и безопаснѣе, чѣмъ со всѣми шестнадцатью агентами моего сектора и девятью субъагентами военикомичеекъ.

Днями приѣма я назначилъ среду и субботу, въ экстренныхъ случаяхъ агенты имѣли возможность вызывать меня по номеру кофейни “Спортсмена” и по условленному имени.

Лейтенантъ Арлсонъ подружился со мной, часто посѣщаль меня, иногда выпиваль со мной крѣпкій горячій пуишъ и былъ на рѣдкость корректенъ — профессионально.

Я не разъ уходилъ изъ дома оставляя его въ квартирѣ съ незапертыми комодомъ, письменнымъ столомъ и шкафомъ, но онъ не обыскиваль ихъ. Иногда меня угнетало его присутствіе — какъ никакъ мы были “враги”, оба — охотинка за дичью. Онъ за “красной”, а я за “бѣлой” и “красной”.

Вмѣстѣ съ нимъ приходили иногда его пріятели, баронъ Р. и юный, тщедушный прапорщикъ М., — оба сотрудники развѣдки. Они уже не скрывали своей профессіи! Иногда даже обращались ко мнѣ за справками о подозрительныхъ эмигрантахъ.

Арлсонъ постоянно нуждался въ деньгахъ, не хватало, бѣднягѣ, жалованія — контрабандный спиртъ былъ дорогой.

Занималъ у меня нѣсколько сотъ марокъ и “забываль” сроки платежа. Этимъ довѣриемъ я не злоупотребилъ никогда, если не считать нашего перваго знакомства.

На квартирѣ одного крупнаго спекулянта спиртомъ

кутили финляндцы — агенты хозяина и приѣхавшіе по “дѣламъ” эстоицы поставщики “бѣлаго” золота” Я былъ приглашень отвѣдать “спиртяги” знакомымъ финиомъ — контрабандистомъ Ландгреиомъ. На этотъ своеобразный пирь миѣ давно хотѣлось попасть. Я зналъ, что къ этой группѣ близокъ “иадоѣвшій” миѣ морской офицеръ Перманъ, имя котораго упоминалось почти въ каждомъ запросѣ изъ центра.

Четыре дюжихъ пария — финиа и два эстоица ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ торговцевъ кильками, картофелемъ и яблоками. Такіе типы весной и осенью появляются на набережной Гельсингфорса, “Халли”, и продають съ парусныхъ и моторныхъ лодокъ продукты Эстоиіи.

Но Перманъ, энергичнаго вида блондинъ, въ желтомъ кожаниомъ пальто и англійской кепи, импонировалъ ростомъ и какой - то гордой, величественной осанкой.

Я познакомился съ нимъ и вскорѣ между нами завязался разговоръ о Совѣтской Россіи, Эстоиіи и т. д.

Перманъ — въ прошломъ лейтенантъ съ погибшаго “Грома” проживалъ въ Ревелѣ и наѣзжалъ въ Гельсингфорсъ для расчета съ финиами за проданный въ “нетралкѣ” спиртъ.

На мой вопросъ давно - ли онъ былъ въ Россіи Перманъ улыбулся и отвѣтилъ просто:

— Дней пять тому назадъ навѣстилъ отца и мать. Я повадился ѣздить туда... То дѣло какое либо, то къ роднымъ.

— Вы же рискуете угодить въ “чека”, — сказалъ я.

— Бывалое дѣло. Уже меня таскали, къ самому Кедрову возили, а что съ меня взять? Я политикой не занимаюсь. У меня тамъ заказчики. Гриша Зиновьевъ, землячекъ Коркъ, сослуживецъ бывшій Доброковскій и еще

кое - кто. Кому поставляю фуфайки, кому чулочки на дамскую ножку, кому и коньякъ Мартель, — отвѣтил Перманъ съ хитрой улыбкой.

— Какъ вы попадаете въ "рай", вѣдь это рискованно? — спросилъ я уже не довѣряя собесѣднику.

— На границу поѣздомъ, а оттуда пѣшкомъ. Красноармейцы ждутъ меня. Колбаса, шоколадъ, масло и сыръ для нихъ припасены. Недавно гармонию подарилъ начальнику пункта. Ребята хорошіе, но вотъ финны и китайцы, бѣда. На дняхъ повезу Корку діагонали на галфе и куртку. Съ нимъ у меня давнишняя дружба, — отвѣтилъ онъ глядя на меня пронизательными холодно-сѣрыми глазами.

— А вы тоже по нашей части работаете? — спросилъ онъ меня наливая въ стаканъ съ чаемъ спиртъ изъ квадратной жестянки.

— Нѣтъ, я проживаю остатки сбереженій, — усмѣхнувшись сказалъ я, — для вашей работы нужны знанія и капиталъ.

— Главное — дерзость пирата и деньги, — выпивъ полстакана "кнорри" гордо отвѣтилъ Перманъ.

— Этихъ качествъ у меня и нѣтъ, — сказалъ я взглянувъ на сосѣдній столъ, гдѣ "ребята" играли въ "марьяжъ".

— У васъ денегъ много еще есть? — неожиданно освѣдомился Перманъ.

— А что? Кое что есть.

— Входите въ компанію. Миѣ нуженъ человекъ съ небольшимъ капиталомъ. Работа вѣрная. Я начну возить спиртъ въ шхеры Стокгольма, — предложилъ Перманъ и подсѣлъ ко миѣ на диванъ.

— Начнемъ конкурировать съ Линдрозомъ и капитаномъ Ниска. Послѣдній, пока, въ Германіи. Я имѣю

три моторныя лодки. Мнѣ нужна новая быстроходная лодка, а деньги въ товарѣ. Я заказалъ двадцать тысячъ литровъ спирта. Надо перебросить шведамъ и мы заработаемъ около 300.000 марокъ. Дѣло, а? — хлопнувъ рукой меня по колѣну произнесъ Перманъ и щелкнулъ языкомъ.

У меня созрѣлъ планъ — войти въ компанію и установить дѣйствительную работу Пермана.

— Я имѣю въ банкѣ тысячь девяносто, — сказала я.

— Гмъ, маловато. Хорошая лодка стоитъ тысячь двѣсти. Значить вы можете вложить ихъ въ дѣло? —

Я задумался — рисковать своими не было охоты.

— Могу, но не всѣ. Тысячь пять надо оставить на черный день.

— Пять тысячь не деньги, — бросилъ Перманъ, — отлично! Временемъ вы располагаете?

— Да.

— Хорошо. Завтра вечеромъ заѣзжайте ко мнѣ въ отель "Калева", комната 14. Я буду васъ ждать съ контрактомъ. Заработокъ пополамъ. Согласны?

— Есть, — отвѣтилъ я рѣшивъ пойти на эту авантюру, преслѣдуя опредѣленную цѣль.

— Хватимъ по склянкѣ на удачу и молчокъ. Никому не слова, — сказалъ Перманъ и мигнулъ въ сторону играющихъ тихо добавилъ, — тѣ тоже собираются къ "варягамъ" ѣхать.

Утромъ я далъ объясненіе Бергману и собщилъ о своемъ планѣ войти въ спиртовое дѣло.

Получилъ пачку шведскихъ кронъ на 100.000 марокъ и полное одобреніе.

Перманъ передалъ мнѣ копію контракта, подписанную нами при двухъ свидѣтеляхъ, его знакомыхъ финнахъ, сосчиталъ деньги данныя мною въ дѣло и предложилъ ит-

ти въ ресторанъ поужинать и выпить за успѣхъ дѣла "литки".

Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ "компанію по доставкѣ спирта" меня навѣстили Бергманъ и Мнклашевскій.

Выслушавъ мой очередной докладъ о настроеніяхъ N полка и растратѣ агентомъ номеръ 5 подотчетной суммы въ 16.000 марокъ, Бергманъ вынулъ изъ портфеля конвертъ и передалъ мнѣ.

Я вскрылъ, не понимая въ чемъ дѣло, казеннаго формата конвертъ и вынулъ сложенный листъ бумаги.

— Договоръ на 85.000 финск. марокъ. Мы нижеподписавшіеся, Густавъ Арвидовичъ Перманъ и... — дальше читаю я не могъ. Буквы запрыгали передъ глазами.

Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу.

Въ моей рукѣ былъ подлинный контрактъ, заключенный между Перманомъ и мной.

— Значить его угробили, — мелькнула жуткая мысль.

— Получайте обратно вашу подпись. Контрактъ расторгнуть, товарницъ, и вашн 85.000 марокъ вотъ тутъ, — сказалъ Бергманъ, хлопнувъ по своему портфелю.

— Я не понимаю въ чемъ дѣло, — выдавилъ я.

— Очень все просто, товарницъ, — произнесъ Бергманъ, — васъ взяли на "мушку". Перманъ — нашъ сотрудникъ и мы поручали вамъ вести за нимъ наблюденіе провѣрочнаго характера. А дальше, мы этимъ самымъ установили и вашу безкорыстность и преданность дѣлу партін. Спасибо, товарницъ!

Бергманъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Ну, знаете, разыграли вы со мной комедію, — обидѣлся я, чувствуя, какъ отъ сердца отлнвается тревога.

— Не обижайтесь, этого требуетъ наша работа. Оба вы отлично разыграли свои роли. Я уже сообщилъ объ

этой "сдѣлкѣ" товарищу Павлоновскому, — произнесъ одѣваясь.

Проводивъ ихъ на веранду, я спросилъ Бергмана, что дѣлать съ "номеромъ" — растратчикомъ.

Бергманъ махнулъ рукой:

— Чортъ съ нимъ, отработаетъ.

Онъ былъ въ отличномъ настроеніи и номеръ пятый получилъ "отсрочку".

**

— Навестите предсѣдателя эмигрантскаго комитета Фену и попытайтесь подъ какимъ либо предлогомъ выудить у него цѣль прибытія профессора Карташева, — сказала Бергманъ сидя со мной на верандѣ виллы въ Мункнесѣ.

— Мы имѣемъ свидѣнія, что Карташевъ прибылъ сюда для свиданія съ прибывшимъ изъ Россіи курьеромъ Врангеля. Если удастся установить его присутствіе въ Финляндіи мы нападёмъ на крупную организацію, въ которую входятъ многіе видные работники красной арміи. Выборгскій "особотдѣлъ" располагаетъ данными о прибытіи изъ штаба Врангеля офицера порученій. Выясните это. Кого можно бы пустить въ ихъ организацію? — продолжалъ онъ уставившись какъ будто застывшимъ взоромъ на недвижную гладь залива раскнинушагося передъ нами.

— Развѣ только нашу "Баронессу", — предложилъ я.

— Нѣтъ, эта барынька глупа, ее не слѣдуетъ ставить на такія работы. — возразилъ Бергманъ, — а вотъ нельзя ли вкленгъ товарища Маслова. Онъ знакомъ съ Фену и Балицкимъ. Предложите ему "пощупать" прибывшаго курьера и узнать обратный маршрутъ. Поставьте наблюденіе за квартирами Фену, Карташева, барона Штенберга, Балицкаго и домомъ Русскаго Комитета. Невозмож-

но ли втереть въ квартиру Балицкаго одного изъ нашихъ для внутренняго наблюденія? Дать его женѣ переписку или на урокахъ французскаго языка поймать на крючокъ?

— Это немудрено, товарищъ, но прока не будетъ. Полковникъ — осторожная птица. Я возьму на себя миссію выяснитъ все и это самый надежный видъ изъ нашего предположеній. Черезъ нѣсколько дней вы будете имѣть данныя, а можетъ быть и фотографію бѣлаго курьера, — сказалъ я задумавшемуся Бергману и вынувъ изъ кармана рапортъ для передачи Бобрищеву, добавилъ, — пока что мнѣ не удалось скопировать “Устава Общества Русской Колоніи”, но я получу оригиналь и перешлю товарищу Бобрищеву подлинный.

— Подлинный? — спросилъ Бергманъ, повернувъ ко мнѣ оживленное лицо.

— Да! Я подкупилъ кое-кого и тотъ имѣетъ довѣріе у председателя Фену. Но насколько мнѣ извѣстно, въ этомъ уставѣ нѣтъ ничего интереснаго для штаба Р.К.К.А.

— Не наше дѣло. Приказъ достать — мы достали и баста. Отлично. Очень хорошо. Подлинный, — произнесъ Бергманъ съ какой то загадочной улыбкой и взявъ мой рапортъ, положилъ въ портфель.

— Кто этотъ “кто-то”? — спросилъ онъ, пристально взглянувъ на меня.

— Лицо, пользующееся довѣріемъ н, котораго можно кооптировать въ нашу работу. Но одно непремѣнное условіе: я никогда не назову его имени, — отвѣтилъ я рѣшительно.

— Бѣлый? Финляндецъ или эмигрантъ? — спросилъ Бергманъ раздраженно.

— Бѣлый. Его услугами мнѣ приходилось пользоваться и раньше, — отвѣтилъ я.

— Ну, ладно... Я не понимаю, къ чему эта скрытность. Много ему придется платить?

— Тысячъ пять за порученіе.

— Ого! — воскликнулъ Бергманъ, — у этой сволочи аппетитъ!

— Да, но за то и его данныя хорошія. Подлинный уставъ говорить за это, — сказалъ я и всталъ.

Направился къ письменному столу и, взявъ блокнотъ, вернулся къ Бергману.

— Мнѣ нужно тридцать пять тысячъ, — произнесъ я, составляя авансовую расписку, — прошу вашей выдачи.

— На какой предметъ? — спросилъ Бергманъ угрюмо.

— Подотчетныхъ суммъ нѣтъ, а завтра я долженъ заплатить товарищу Хирвонену двадцать одну тысячу марокъ за организацию новаго этапа.

— Хорошо. Задержите его до моего прихода на квартирѣ "Спортсмена". Я дамъ ему инструкціи. Винтовки и наганы находятся въ пограничной комендатурѣ. Переотправка должна происходить осторожно и если эта сволочь влопается, то я дамъ приказъ разстрѣлять его бабу и брата. Вы такъ ему и объясните. Съ ними нечего мндалничать. Деньги берутъ, проклятые, а трусятъ. Сколько числятся коммунаровъ въ отрядѣ Хейсканена? — произнесъ Бергманъ, вынимая изъ портфеля пачку новенькихъ кредитокъ и отсчитывая мнѣ просимую сумму.

— По его даннымъ сорокъ трн.

— Скотина! Организациа отряда въ сорокъ головотяповъ обошлась уже въ полтораста тысячъ. На кой чортъ, вообще, эта Бобрнщевская затѣя? Попрячуть оружіе въ землю и будутъ ждать прихода революціи. А сами не рискнуть подстрѣлить даже какого нибудь шпика. Эстон-

— разносилъ финпартійцевъ Бергманъ и, передавъ мнѣ деньги, опустилъ портфель на полъ.

— Завтра утромъ я жду васъ около Коркеасаарн съ товарищемъ Муценекъ. Прибыла партія “камешковъ”, надо реализовать срочно. Но уже подыщите новаго покупателя. Помимо того Павлоновскій приложилъ коле въ сто жемчуговъ. Позондируйте уже сегодня покупателя. Относительно того таннственнаго сотрудника напишите мнѣ рапортъ. По инструкціи, какъ вы знаете, нмѣ знать и не нужно. Вы отвѣчаете за него, товарищъ, не такъ-ли?

— Вполнѣ, — отвѣтилъ я и убралъ деньги.

— Отлично. Не можетъ ли онъ дать намъ на “прокатъ” часть переписки между Фену и парижскимъ комитетомъ. Если онъ уже можетъ дать уставъ, то и это возможно. Интересныя письма сфотографируемъ, для вербальной ноты финскому правительству составимъ докладъ Коппу и дѣло въ шляпѣ. Къ слѣдующей недѣлѣ заготовьте мнѣ списки членовъ компартіи, депутатовъ Сейма и укажите количество ихъ выступлений за прошлую сессию. Къ осени надо чистку провести по нашимъ даннымъ, а не по брехнѣ ихъ цнка, — сказалъ Бергманъ, надѣвая пальто и шляпу.

Взявъ свой портфель и, пожавъ мнѣ руку, вышелъ.

Уставъ “Комитета по оказанію помощи русскимъ эмигрантамъ въ Финляндіи” былъ врученъ Бергману.

— Этотъ уставъ не подписанъ генералами Баратовымъ, Миллеромъ, Врангелемъ и Денкиннымъ. Въ немъ сорокъ параграфовъ, а уставъ дисциплинарныхъ взысканій имѣетъ что-то больше пятидесяти параграфовъ, — сказалъ Бергманъ, недоумчиво взглянувъ на меня.

— Принесите мнѣ эти уставы и я докажу вамъ, что агента вашей развѣдки надо ликвидировать, — предложилъ я Бергману, увѣренный въ изобрѣтательности агента.

Бергманъ далъ согласіе представить на провѣрку эти документы.

И черезъ день я сообщилъ ему, что уставы написаны на пишущей машинкѣ одного "бюро переписки" по заказу Освальда Тирмана. Бобрищевъ и за эти "уставы" уплатилъ "Освальду" нѣсколько тысячъ марокъ.

— Совершенно правильно, аташе получили отъ Освальда эти уставы. Онъ внимательно изучалъ подписи, скрѣпленную печатью Ньюландскаго губернатора актовую бумагу и прочитавъ нѣсколько переведенныхъ страницъ, сказалъ:

— Настоящая, а въ ней нѣтъ ни черта. Значитъ у нихъ есть еще другой уставъ, по которому всѣ военно-обязанные считаются состоящими на военной службѣ.

— Такого устава нѣтъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ есть! У меня есть свѣденія, что каждый офицеръ получаетъ жалованіе изъ Общевоинской организаціи, — возразилъ Бергманъ, увѣренный въ явную истинѣ своихъ "свѣденій".

— Товарищъ Бергманъ, это абсурдъ, такихъ суммъ не выдаютъ. Есть пособіе инвалидамъ и немощимъ, — прознесъ я, стараясь убѣднть Бергмана и этимъ избавить себя отъ приобрѣтенія "второго" устава.

— Хорошо, я вамъ докажу. Агентъ моей развѣдки представилъ мнѣ копію секретнаго устава, — согласился Бергманъ и положивъ въ портфель сфабрикованные "документы" разсмѣялся.

— Идиота Бобрищева надували и продолжаютъ надувать всякими "важными" бумажками, вродѣ этихъ сочиненій угробленнаго Освальда. Ему вчера опять "удалось" купить у финна-коммуниста секретный списокъ агентовъ тайной полиціи. Имена начальника и его помощника вѣрныя, а агентура... Ха-ха-ха. Я не нашелъ ни одной на-

стоящей фамилии — все брехня. А “пятерка” уплыла въ карманъ маргаритиноваго коммуниста. Знаете такого — Сало, работаетъ въ сенатской типографіи? — продолжалъ онъ съ злораднымъ смѣхомъ.

— Сало? Это-же самый вѣрный агентъ товарища Розенталя, — сказалъ я.

— А теперь онъ у кого въ списокъ? — спросилъ Бергманъ.

— У товарища Муценека, — отвѣтилъ я, — подь кличкой “Пекаръ”.

Лицо Бергмана перекошилось отъ злобы.

— Бандиты! Я этому Муценеку дамъ жару. Слушайте, товарищъ, это же бар... въ концѣ концовъ. Розенталь передаетъ провокаторовъ Муценеку, а тотъ, головотяпъ, пользуется ихъ услугами, — воскликнулъ взбѣшенный Бергманъ и что было силы треснулъ кулакомъ по столу.

— Я ликвидирую это. Ахъ “Пекаръ”, такъ значить. Пошлемъ-ка его въ командировку. Розенталя я предпишу убрать эту собаку въ три счета. У васъ тоже агенты Розенталя. Всѣхъ вы знаете?

— Всѣхъ.

— Чуть что замѣтите, сообщите мнѣ. Я не мягкотѣлый Розенталь или наивный Бобрищевъ, меня не надуть. Значить “Пекаря” утилизировать. Хорошо, что вы предупредили, товарищъ. Вотъ они финскіе партработники. Провокаторы. Мы съ вами, товарищъ, должны произвести чистку среди нашей агентуры. Я снесусь съ центромъ и приступимъ къ вылавливанію гаднй. Подберемъ надежный кадръ, увеличимъ имъ окладъ, но за то и потребуемъ работы. У васъ есть на примѣтѣ кто нибудь? — продолжалъ Бергманъ напуганный видимо ненадежностью агентуры.

— Я могу представить отличную агентуру, но тогда они должны подчиняться только мнѣ и находиться въ сферѣ моихъ порученій. Вербовку я произведу среди финскаго пролетаріата, а не партійцевъ типа "Пекаръ". Лучшее, что могу посоветывать — это обратиться къ комчейкамъ и по ихъ рекомендаціямъ переформировать штаты. Финскому цека я не вѣрю. Тамъ протекціонизмъ: родственный или корыстный. Идеиныхъ людей мало. Эту шушеру я знаю, — сказалъ я, нисколько не преувеличивая мнѣнія о финскихъ товарищахъ по партіи.

— Да оно такъ. Товарищъ Менжинскій былъ правъ, говоря послѣ кровавой драки въ финской компартіи, что весь ихъ цека надо сослать въ Соловки, а дезертировъ вроде Кусиененъ, Сирола, братьевъ Рахья и другихъ прихвостней партіи разстрѣлять, — произнесъ Бергманъ нервно теребя край скатерти.

— Вы правы, товарищъ Бергманъ, — согласился я, — это была ошибка центра, что послѣ бѣгства финскаго совнаркома изъ Гельсингфорса не ликвидировали его, какъ предлагали товарищи Дыбенко, Лацисъ и Ягода. Теперь выясняется, что типы авантюристовъ Хаайалайна, расхитивъ имущество финказначейства, вмѣсто участія въ руководствѣ военныхъ операций, проигрывали въ "очко" милліоны марокъ, бросивъ красную армию на разстрѣлъ нѣмцамъ и бѣлофиннамъ.

— Ну, ладно, еще и имъ будетъ крышка, — произнесъ Бергманъ вставая, — а теперь напишите мнѣ рапортъ о "Пекарѣ" и соберите матеріаль о бывшихъ членахъ фиинцека.

Бергманъ ушелъ, условившись вызвать меня по телефону черезъ нѣсколько дней.

XVI

По распоряженію Бобрищева миѣ поручили произвести вербовку среди рабочей молодежи десяти наиболѣе развитыхъ и способныхъ “комсомольцевъ” для отправки на командные курсы въ Петроградъ. Каждому кандидату полагалось: подъемныя и путевыя въ суммѣ девяти тысячъ марокъ. Финскій парткомъ составилъ миѣ списки, а Бобрищевъ, Муценекъ и я произвели тщательный контроль кандидатовъ и назначили смотръ въ Пакинкульскомъ лѣсу.

Раннее утро... Проѣзжая мимо моей виллы, военкомъ и Муценекъ захватили меня въ автомобиль.

Мы понеслись къ назначенному мѣсту, изъ предосторожности пользуясь, на сей разъ, наемной машиной, — правилъ ею партіецъ — шофферъ Репола. Въ лѣсу, на полянѣ, насъ ждала группа “кандидатовъ” во главѣ съ Бергманомъ.

Бобрищевъ окинулъ начальническимъ окомъ молодыхъ парней лѣтъ по 20-22 и черезъ меня передалъ имъ свое привѣтствіе и пожеланіе успѣшно закончить курсы.

Потомъ Бобрищевъ произнесъ слѣдующую рѣчь, которую я перевелъ не безъ ошибокъ:

— Товарищи - коммунары, дѣло освобожденія поработенной фашистами и капиталистами пролетарской массы, требуетъ вашей военной подготовки къ грядущему бою между “бѣлыми” насильниками и рабочими массами. Учитесь руководить и дѣйствовать, пріобрѣтите опытъ бойца и политработника. Наряду съ ручной гранатой пользуйтесь живымъ словомъ пропаганды. Русскіе товарищи помогутъ вамъ въ вашей борьбѣ и борьбѣ всего пролетариата. Я, отъ имени трудящихся РСФСР, привѣтствую васъ, товарищи, и надѣюсь, что вы вернетесь сюда, упоенные борьбой и мекъ за жертвы 1918 года!

Онъ обошелъ фронтъ и каждому "кандидату" потрясъ руку.

Ребята пробормотали въ отвѣтъ:
— Koltamme*).

Каждый изъ отправляемыхъ подписалъ заготовленную мною подписку и получилъ деньги.

Я объяснилъ какимъ образомъ слѣдуетъ имъ ѣхать къ "этапу", откуда уже — въ РСФСР.

Къ мѣсту назначенія никто не прибылъ.

Имъ было предписано отправиться въ N-ый районъ на сплавныя работы, по два-три человѣка записаться въ артель и, когда всѣ будутъ въ сборѣ, ждать проводника.

Въ то время "финско-совѣтское" анонимное общество, возглавляемое одной финской миллионершей-коммунисткой, производило крупныя лѣсныя разработки около совѣтской границы и тамъ были устроены три новыхъ "этапа" для перехода границъ. "Кандидаты" разошлись по лѣсу, а мы поѣхали обратно.

По пути Бергманъ сообщилъ, что ночью прибыла телеграмма, оповѣщающая о прибытіи члена ВЧК — Исаева-Горскаго.

Онъ ѣхалъ по мандату Наркомпроса въ Берлинъ и долженъ былъ произвести ревизію гельсингфорскаго отдѣла.

— Приготовьте подробный докладъ для ревизора и помимо того напишите ему сводку по вашей оперативной части. Если онъ спроситъ васъ о количествѣ членовъ партій военячекъ и рабьячекъ лучше увеличить данныя. Не забудьте упомянуть о вашей работѣ въ области фильтраціи партій и настаивайте на чисткѣ. Товарищи Муценекъ и Бобрисевъ дадутъ ему согласованный съ вами матери-

*) Попробуемъ.

аль. Мы будемъ поддерживать ваше мнѣніе о необходимости сократить выдачу коминтерномъ безотчетныхъ суммъ группировкѣ Кусинена. Что же касается жалованія, выплачиваемаго членамъ сейма, поясните ему, что это излишне. Дармоѣды, — сказалъ Бергманъ, натравливая меня противъ коммунистовъ — членовъ сейма.

— Не стоитъ ли, за одно, намекнуть ревизору о необходимости организаціи “союза возвращенія на родину” — спросилъ я, зная, что Бергманъ выдвигаетъ такой планъ и возлагаетъ на него большія надежды.

— Понятно, понятно! Вы же лучше насъ знаете настроенія бѣженскихъ массъ, — отвѣтилъ Бергманъ и обращаясь къ Бобринцеву добавилъ: не такъ-ли?

Атташе поднялъ плечи, и, зѣвнувъ, отвѣтилъ:

— Ни черта изъ этого не выйдетъ. Тутъ мало эмигрантщины во первыхъ, а во вторыхъ — нищеты то нѣтъ. Все такіе рябчики, что ихъ нашимъ овсомъ не заманишь. Попробуйте, мнѣ все равно. Поддержу.

— Можно взять на “курьерѣ”, купить или обѣщать амнистію поголовно, — продолжалъ Бергманъ, — важно хоть нѣсколько дураковъ выудить, чтобы фронтъ разбить. Я хочу предложить Павлоновскому разрѣшить консульству опубликовать въ мѣстной печати объявленіе съ призывомъ возвращенія въ РСФСР. Можно расписать объ амнистии и такъ далѣе. Первую партію приняли бы съ музыкой. Ха-ха-ха! Написали бы письма, хваля пріемъ, глядишь, другіе пошли бы. Въ Германіи работаютъ товарищи, а мы околачиваемся. Не дѣло!

— Тамъ, товарищъ, иной вопросъ. Германцы нажимаютъ на бѣлוגвардейщину, а тутъ имъ лафа. Лучше за мой проэктъ взягься, — произнесъ Бобринцевъ задерживая занавѣску въ окнѣ автомобиля.

— Пустить десятокъ агентовъ въ эмигрантщину и

выбросить нѣсколько сотъ тысячъ безуспѣшно, — недовольно проронишь Бобрищевъ.

— Отнюдь нѣтъ. Я плачу каждому офицеру независимо отъ его прошлаго пятнадцать тысячъ въ мѣсяць и командирую на работу. Я имѣю заказъ на вербовать сорокъ или пятьдесятъ информаторовъ изъ среды бѣлахъ. Товарищу Гаррису нужно шесть для Алжира, Петрояницу четыре моряка въ Грецію и въ Софію, Мальскому тронхъ или четырехъ штабъ-офицеровъ. Вы думаете это легкое порученіе? — возразилъ Бобрищевъ и, взглянувъ на часы на рукѣ, добавилъ, — охъ, уже девять часовъ.

— Что прямой проводъ? — спросилъ Муценекъ.

— Да, у аппарата Тухачевскій. Навѣрное опять что нибудь сложное закатятъ мнѣ, — отвѣтилъ аташе не безъ гордости.

— А какъ дѣла съ “посылкой”? — спросилъ снова Муценекъ съ едва замѣтной улыбкой на скуластомъ лицѣ.

— Запрашивалъ два раза, канитель одна. Я напишу жалобу на “инотдѣль”. Мнѣ до зарѣзу нужны “инструменты”*), а они тянутъ, — отвѣтилъ Бобрищевъ, взглянувъ на меня.

Проѣхали Сериесть.

— Высадите меня около моста, — предложилъ я, рѣшивъ ѣхать на трамваѣ къ себѣ.

Муценекъ постучалъ шофферу.

— Завтра ночью я буду у васъ съ Горскимъ, — произнесъ Бергмаиъ и открылъ дверь автомобиля.

Бергмаиъ, Муценекъ и Горскій прибыли. Въ Горскомъ я узналъ жестокаго садиста МЧК — помощника коменданта Хирьякова, “того самаго” товарища Хирьякова, о которомъ даже такой лютый палачъ, какъ Атарбековъ, отзывалъ-

*) Деньги въ иностранной валютѣ.

ся, какъ о "безсердечной личности". Маленькій, съ голой, дынеобразной головой, рябымъ, со впалыми щеками, лицомъ и быстро бѣгающими рысьими глазами. Непропорционально длинны были руки у Горскаго, его называли "Гориллой".

Онъ прочелъ мой докладъ и, видимо, удовлетворенный, сказалъ:

— Работаете сносно, но надо кореннымъ образомъ планъ работы измѣнить. Надо реальной работы, а не одиѣ бумажныя исторіи. Пора финскому пролетариату стукнуть по черепу буржуазіи. Въ задачу входитъ организовать уличное выступленіе: смотреть нашимъ силамъ. Поняли? Я оставляю товарищу Бергману планъ первомайскаго выступленія, а вы должны, товарищъ, принять мѣры къ активнымъ дѣйствіямъ финской партіи. Изберемъ же ревкомъ и къ маю все подготовимъ. Товарищи, я настаиваю! Времени много, средства отпущены и красивые командиры будутъ присланы. Какіе полки по вашему пригодны для распропагандирования?

Бобріщевъ отвѣтилъ:

— Тридцать первый и девятый.

— Ячейки сильны? — спросилъ снова Горскій.

— Усилили на сорокъ процентовъ по полученіи предписанія главштаба, — отвѣтилъ аташе, взглянувъ на меня многозначительно.

— А сколько нашихъ, допустимъ, на роту выйдетъ? — не удовлетворился отвѣтомъ Горскій.

— Человѣкъ пятьдесятъ гарантирую, — солгалъ Бобріщевъ, не смущаясь.

— Маловато, но къ тому времени поднять можно. Вооруженіе для коммунаровъ затребуйте черезъ товарища Эйхманса. Общее руководство выступленіемъ будетъ возложено на товарищю Сирола и членовъ подпольнаго

ревкома. Вы, товарищ Бобрищевъ, выработайте планъ захвата государственныхъ зданій, главштаба шюцкорскихъ бандъ. На всякій случай, понятно, организуйте медицинскіе пункты для нашихъ налетчиковъ. Я пришлю ударную группу курсантовъ-фининовъ. Словомъ, въ будущемъ маѣ надо напугать бѣлогвардейщину и покрошить мяса, — произнесъ Горскій, ехидно улыбувшись и сожмуривъ глазенки.

Порывшись въ своемъ портфель, онъ вынулъ какіе-то мелко - исписанные листки и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Кто у васъ работаетъ въ политполиціи? Почему вы не устроили тамъ информатора, а? Упущеніе. Почему до сихъ поръ не исполненъ приказъ добыть переписку Миллера и Карташева? Кто работаетъ у васъ въ главштабѣ шюцкора? Почему вы не даете приказовъ по арміи и флоту? Такъ дальше не идетъ. Отъ имени предсѣдателя дѣлаю вамъ выговоръ и предписываю письменно отвѣтить по всѣмъ вопросамъ.

— Вы, товарищъ, не въ курсѣ условій мѣстной работы, — возразилъ я, выслушавъ выговоръ чекиста, — тутъ не легко достать информаторовъ среди офицерства шюцкора и арміи.

— А, что вы говорите! — рѣзко оборвалъ меня Горскій, — деньгами все можно сдѣлать. Купите, дайте пятнократное жалованіе, хочеть еще — отвалите сволочи еще. Я требую работы, а не "докладовъ"! Поиняли?

Я замѣтилъ, какъ лицо Бергмана перекошилось отъ гнѣва. Онъ не удержался и бросилъ:

— Товарищъ, ваши упреки неумѣстны! Мы дѣлаемъ все, что возможно. Не всегда деньгами можно дѣлать работу.

Горскій оторопѣлъ.

— Я уполномоченъ настанвать на продуктивной работѣ, товарищъ Бергмаиъ. Въ центрѣ недовольны. Лично я знаю, понимаю, но тамъ, понимаете?

— Почему же намъ не предписывали? А теперь вы раздражаетесь громомъ — произиесь Бобрищевъ колко.

— Хорошо, не будемъ ссориться. Вы заполните, товарищъ Смирновъ, брешь вашей работы, а теперь давайте обсудимъ, что намъ дѣлать съ финскими депутатами сейма? Такъ дальше не можетъ продолжаться. Какъ только они вернутся съ каникулъ, надо ихъ взять въ работу. Они должны начать работать, иначе мы ихъ уберемъ! Газета ихъ труситъ, рѣчи ихъ — патока, а не революціонный призывъ. Я имѣю выписку изъ суммы выдачъ западной секціи. Финны содрали съ насъ почти 2.000.000 марокъ на работу, а что мы имѣемъ? Три тысячи членовъ партіи и ораву прихлебателей. “Мопръ” тратитъ сотни тысячъ на поддержаніе какихъ то женъ и дѣтей удравшихъ съ постовъ революціи эсдековъ. Я прошу васъ, товарищи, особенно бдительно слѣдить за членами сейма. Ихъ доклады центру — брехня. Что ни мѣсяцъ, то суммы пособій на пропаганду растутъ. По ихъ даннымъ, революція вотъ-вотъ вспыхнетъ и бѣлогвардейщинѣ смерть. Какой вздоръ! Всю переписку секціи и парткома надо пересмотрѣть. У нихъ тамъ все по домашнему. По филияидски, а не по коммунистически. **Компанія братьевъ Рахья — это партія, а семейство Куусиненъ — секція.** Я имъ, дармоѣдамъ, перо вставлю, — произиесь Горскій, отводя свой гнѣвъ на финнахъ-партійцахъ, вполне заслужившихъ эпитеты “паразитовъ” партіи.

Еще иѣсколько “грозиныхъ” предписаній, и товарищъ Горскій отбылъ въ автомобилѣ Бобрищева ревнзовать дѣлопроизводство лидера компартіи, члена сейма М. въ Пакикюля.

XVII.

Прибытіе новаго секретаря Залкинда, замѣнившаго Коренца, ознаменовалось изряднымъ кутежомъ въ одной изъ конспиративныхъ квартиръ Бобрищева.

За прекрасно сервированнымъ столомъ устѣлись — самъ “герой дня”, членъ западной секціи Исполкома Коминтерна, юркій, жгучій брюнетъ лѣтъ тридцати пяти, Залкинъ, военатташе Бобрищевъ, Бергманъ, Муценекъ, завѣдующій бюро печати — Рабиновичъ, чекистъ — курьеръ берлинскаго полпредства Рыбниковъ, секретарша Залкинда — миловидная Ирма Левисъ и я.

Функции официанта исполняли два партійца — финна изъ полпредства, а “кухня” находилась въ распоряженіи повара столовой при торгпредствѣ.

“Сухой режимъ” страны не касался чиновъ дипломатическаго корпуса, поэтому столъ нашего пиршества представлялъ всѣ “буржуазные” напитки, начиная отъ старой смирновской “бѣлой головки” и кончая великолѣпнымъ, выдержаннымъ густымъ малага. Залкинъ привезъ изъ Москвы семги, икры, копченыхъ налимовъ и фруктовъ.

Хозяйкой избрали секретаршу Левисъ, “виночерпиемъ”, понятно, Муценека. За обѣдомъ Залкинъ похвастался о своихъ политическихъ достиженіяхъ въ Абиссиніи, разгромилъ германскихъ “соціалъ-предателей” и намекнулъ на какую то важную миссію, ввѣренную ему Коминтерномъ.

По мѣрѣ того, какъ увеличивались ряды пустыхъ бутылокъ, рѣчь присутствующихъ отходила отъ коммунизма, партіи, пролетаріата, СССР и насыщалась “буржуазной” терминологіей, какъ “элегантно-сшитый фракъ”,

“курортъ”, “кабаре, “герлсъ”, “шикарное меню”, “каюта перваго класса” и т. д.

Залкинъ и Бобрищевъ кичились своимъ “европеизмомъ” и не “брезгали” упоминать о прошломъ.

Послѣ обѣда засѣли за карты.

Везло Муценеку и послѣ трехчасовой игры его выигрышь превысилъ сумму въ 130.000 марокъ.

Тѣмъ временемъ я “увлекся” Ирмой и расположившись на диванѣ за чашкой кофе и рюмкой бенедиктина бесѣдовалъ съ ней о Москвѣ, ея прошломъ и намѣреньяхъ будущаго.

— Москву не узнать теперь, — сказала она, какъ то стыдливо опустивъ свои золотистыя рѣсницы, — она похожа на гигантскую обитель нищихъ, голодныхъ и бездомныхъ. Дѣтишекъ — несмѣтные легіоны. Безпризорные. Какая то давящая разумъ и душу незримая сила гнететь ея жителей. Я не понимаю, но и мнѣ въ Москвѣ было всегда непомѣрно грустно и печально. У меня все было, я не могла ни на что жаловаться, но вотъ въ душѣ не находила покоя.

— Вы, понятно, партійная работница, — спросилъ я.

— Да, уже два года состою членомъ Р.К.П. Между нами говоря, меня иной разъ охватываетъ отчаяніе, какая то внутренняя неудовлетворенность приводитъ къ этому... Тамъ же ничего нѣтъ связывающаго... Семья погибла... Бракъ — низведенъ до простого разврата. Товарищи, интеллигенты и пролетаріи, всѣ опошлелись, одначили и мѣняють женъ чаще рубахъ. А мнѣ вотъ это не по душѣ. Не могу привыкнуть къ такому первобытному образу жизни. Мнѣ кажется я не понимаю нашихъ мужчинъ. Водвороть коммунизма убилъ въ нихъ то, что облагораживаетъ сильный полъ. Вы не поймете меня и подумаете, что я сохранила буржуйскую или мѣщанскую сусальную пси-

хологію. Но пусть такъ — все - же жаль, что умираетъ все то, что было красивымъ и ради чего стоило жить, — отвѣтила она печально вздохнувъ.

— А развѣ ради идеи не стоитъ жить? — спросилъ я подливая въ бокаль вина.

Она покачала завитой головой и бросивъ взглядъ на играющихъ, тихо отвѣтила:

— Развѣ это идея? Ради идеи и я пошла въ партію, была на тифозиомъ, гололомъ фронтѣ, а дальне что? Я видѣла смерть русскаго крестьянина и рабочаго на фронтѣ, видѣла разстрѣлы и безсудныя казни въ тылу. Ну, думала, кончится граждаиская война — все будетъ хорошо, расцвѣтетъ братство, любовь залѣчитъ раны измучениаго народа и солище коммунизма согрѣетъ всѣхъ. Такъ думала я, а что же теперъ вижу? Отъ крестьянъ отнимаютъ хлѣбъ, скотину, а рабочихъ ссылаютъ на Соловки. Кому же жить вольно и хорошо? Намъ, партійцамъ. Видите, мой шефъ жарить въ карты. Красиво-ли это? Мы пьемъ съ вами ликеръ. Честно-ли это? Гдѣ нибудь на Волгѣ тысячи голодныхъ семей ѣдятъ древесную кору съ прогнившимъ овсомъ, а мы лакомимся балычкомъ и зернистой икрой. Вотъ до чего доводитъ служеніе идеѣ. Преступная ложъ все.

— Вы разсуждаете, Ирма Васильевна, совсѣмъ какъ “бѣлогвардейка”, — пошутилъ я улыбувшись.

— Отнюдь нѣтъ, я говорю голую правду, — возразила безстрашно она, — такихъ мнѣній придерживается большая часть тѣхъ партійцевъ, которые увидѣли подлинный ликъ совѣтской бюрократіи. Почему же теперъ уходятъ изъ жизни молодыя, многообѣщающія силы партіи? вмѣсто идейной работы — подхалимство, вмѣсто коммунизма — циничный произволь “князей” партіи. Нѣтъ, мы идемъ по невѣрному пути. вмѣсто царства со-

ціалізма восторжествовалъ Хамъ, облеченный властью деспота. Страшно за Россію, товарищъ. Страшно.

Въ словахъ моей собесѣдницы таилась искренняя боль и разочарованіе.

Она взяла бокаль вина и задержавъ взглядъ на золотистой влагѣ, задумчиво сказала:

— Тамъ стали пить. Пьянство и развратъ. “Рыковка*)” спаиваетъ народъ.

Къ намъ подошелъ Рабиновичъ.

— Продулся, — сказали они грузно опускаясь на диванъ возлѣ Левисъ.

— Много? — поинтересовался я.

— Двадцать тысячъ ухлопалъ, — безразлично бросилъ “завпечати” и, вынувъ портсигаръ, закурилъ сигарету.

— Кому же везетъ? — спросила Левисъ, поставивъ бокаль на столъ.

— Муценекъ кроетъ всѣ карты, — разведя руками отвѣтилъ Рабиновичъ и взглянувъ на бутылку ликера, добавилъ, — выпьемъ, товарищи.

Я наполнилъ рюмки.

Вечеромъ подъ аккомпаниментъ піанино, подвыпнвшій Бергманъ пропѣлъ “буржуазный” романсъ:

— Молчи грусть, молчи.

На краткое мгновеніе я забылъ о томъ, что нахожусь на конспиративной квартирѣ въ средѣ лицъ, которыя, погубивъ Россію, прилагали всѣ усилія къ превращенію свободной демократической Финляндіи въ “красное”, “пролетарское”, безправное царство насилія, казней, голода, грабежа, оскверненія церквей и распятія духовной красоты Человѣка.

*) Водка.

Разъѣхался поздно ночью...

Небесный пологъ сіялъ гирляндами звѣздъ. Была дивная ночь...

Не вѣрилось, что тамъ, далеко-далеко, надъ необъятной страной стомилліоннаго поработеннаго народа нависла безпросвѣтная тьма, въ которой крнкъ разстрѣливаемыхъ и стонъ голодныхъ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь.

По мирному договору Р. С. Ф. С. Р получила домъ на Бульварной улицѣ и всѣ учрежденія съ Эспланадной улицы перешли въ новое помѣщеніе. По этому случаю полпредъ Черныхъ рѣшилъ дать рауть...

Были разосланы приглашенія, заказана изъ Москвы нкра и цѣлый вагонъ фруктовъ, вниъ и серебра прибылъ въ Гельсингфорсъ Дорогая мебель, ковры, хрусталь и цѣнныя картины украсили комнаты "посольства" грабителей и шпионовъ.

Одна спальня "пролетарскаго" представителя обошлась въ 250.000 марокъ!

Девять чекнстовъ полпредства заказали фракн за счетъ... РСФСР. Мадамъ Черныхъ украсила шею жемчугами... баронессы П., разстрѣлянной въ Петроградѣ послѣ убійства Володарскаго.

Азіатская фнзіономія Ленна въ рамѣ краснаго дерева взирала со стѣны косыми глазами на элегантное общество гостей, а въ средѣ приглашенныхъ "работали" спеціально прикомандированныя дамы наркомнндѣла — агентки ВЧК — Ларіонова, Бѣльская и мадамъ Устинова-Крамская.

Устинова - Крамская (Фанни Абрамовна Бродская) осталась при бюро Бобрнщева перепнсчницей и завѣдывающей отдѣломъ заготовки документовъ. Натасканная Петровскимъ, спецомъ по фабрикаціи фальшнвокъ, Крам-

ская блестяще оперировала съ различными химическими составами для подмывки подписей и снятія печатей.

Я видѣлъ однажды заграничный паспортъ съ семью визами, выданный 57-лѣтнему латышскому подданному, "омоложенный" для курсанта германской компартіи. Отъ визъ не осталось слѣда, но зато разрѣшеніе рижской полиціи на выѣздъ за границу носило свѣжесть краски.

Большинство паспортныхъ книжекъ печаталось въ бывшей Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ особомъ отдѣлѣ, подъ руководствомъ товарищей Гейнчика и Витольсъ. **Образцы** доставлялись консульствами РСФСР или же агентурой иностранныхъ отдѣловъ ВЧК. Я зналъ случай, когда одинъ городской совѣтникъ, коммунистъ шведской партіи, по паспорту болгарскаго происхожденія, получилъ подлинную визу въ **англійскомъ** паспортномъ отдѣлѣ, гдѣ обычно устанавливалась подлинность документовъ.

Однако, съ этого паспорта Фанни Абрамовна сняла всѣ данія о Радко Федоровичѣ и внесла имя "Олафа Срема"...

Въ связи съ переходомъ отдѣловъ ВЧК, "Мопра", "Коминтерна" и "Региструпа" въ зданіе полпредства, на Бульварной улицѣ, на Эсплаидной улицѣ остался торговельный и хозяйственный аппаратъ миссіи.

Надзирать за персоналомъ назначили коменданта зданія Муценека и ему дали въ помощники вѣчно пьянаго и нанюхавшагося кокаиномъ, бывшаго матроса, друга Дыбенко — Петрова П. Швейцары, истопники, прислуга и уборщицы, члены финкомпартіи, получили экономомъ чекиста Клячко. На телефонную станцію назначили надежныхъ "барышень" — товарищей Розенбергъ и Бѣлякову.

Работа развертывалась въ крупномъ масштабѣ.

Агенты Бергмана, Бобрищева, Муценека и Клячко по-

сѣщали полпредство подъ видомъ просителей, поставщиковъ, полотеровъ, моитеровъ, обойщиковъ, столяровъ и т. п. Приходили съ инструментами и безъ нихъ.

Всѣхъ принималъ Клячко или Муцеиекъ, а потомъ уже направлялъ по “номерамъ” комнату.

Къ Бобрищеву былъ самый трудный доступъ.

Чтобы попасть въ его этажъ надо было имѣть три пропуска и личный вызовъ по телефону.

Изъ всей агентуры только итѣй финнъ, амиистированный смертникъ К. имѣлъ право посѣщать аташе безъ тройныхъ пропусковъ.

Миѣ былъ воспрещенъ входъ вообще въ зданіе РСФСР.

Бобрищевъ “горѣлъ” работой, строилъ планы на будущее и подъ шумокъ занимался далеко не пролетарскими дѣлами: кутилъ и копилъ доллары, иногда предлагая миѣ давать ему фиктивные счета на особой важности расходы, — половиину суммы онъ переводилъ на доллары и просилъ купить ему валюты.

Счетъ обычно представлялся въ двойномъ или тройномъ размѣрѣ, — таковъ былъ уже порядокъ, но только между своими.

Одинъ счетоводъ торгпредства вздумалъ было примазать къ счету лишнюю тысячу марокъ, но, уличенный въ преступленіи, подвергся отозванію въ центръ и угодилъ на Соловки. Взятки брали всѣ. Въ торгпредствѣ партійцы-спецы, въ полпредствѣ — консульскіе агенты и эконоомъ Клячко. А сколько десятковъ тысячъ финскихъ марокъ гербоваго сбора, взимаемаго съ “прошеній” возвращенцевъ, осталось въ карманахъ товарищей секретарей, однимъ лишь имъ извѣстιο.

Осенью, когда Бобрищевъ вериулся съ октябрскихъ торжествъ, его ожидала непріятность. Полпредъ Черныхъ

вызвалъ его въ кабинетъ и передалъ пожеланіе финскаго правительства объ его отозваніи изъ Финляндіи.

Бобрищевъ вызвалъ по прямому проводу Тухачевскаго, потомъ послалъ шифровку Павлоновскому, ночью снова прямой проводъ, но тщетно. Центръ просилъ сдать дѣла и выѣхать въ распоряженіе управленія военагентами РСФСР.

Теперь стало ясно — финское правительство знало истинное назначеніе воинаго агента РСФСР и его нежелательность въ странѣ объяснялась раскрытіемъ тайнъ пятаго этажа.

Я узналъ это поздно ночью отъ прибывшаго ко мнѣ Бергмана. Мы стояли передъ важной задачей: безспорно въ финской агентурѣ были свѣдѣнія о дѣятельности Бобрищева, но источника не знали.

— Если и меня тронетъ этотъ приказъ, я, прежде чѣмъ уѣхать, **разстрѣляю** провокатора, — сказалъ Бергманъ въ заключеніе и отъ этого заявленія мнѣ стало не по себѣ.

— Всю агентуру Бобрищева надо уволить. Очень ужъ онъ довѣрялъ имъ. Нельзя ли узнать въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда тамъ свѣдѣнія? — спросилъ онъ послѣ минутиаго молчанія и, взглянувъ на меня добавилъ, — пятьдесятъ тысячъ марокъ даю на это дѣло. Попробуйте подкупить кого нибудь.

— Товарищъ Бергманъ, тутъ не въ деньгахъ дѣло, на очереди наши общіе интересы. Я даю вамъ слово, что въ ближайшіе дни раскрою все и изоблачу предателя. По моему — это то же лицо, которое предало уже товарищей Розенталя и Сайріо. Его надо искать въ мелкой агентурѣ. Нѣтъ, товарищъ Бергманъ, эта рыба плаваетъ въ глубокой водѣ. Дайте мнѣ срокъ иѣсколько дней, и я приведу вамъ

данныя, отъ которыхъ влетитъ и Бобрищеву и Розенталю,
— сказалъ я.

— Кого вы подозрѣваете? — почти вскрикнулъ Бергманъ.

— Товарищъ Бергманъ, какъ вы думаете, можетъ ли идейный коммунистъ, подпольный работникъ якшаться съ агентами полиціи, принимать ихъ у себя на квартирѣ и, скажу больше, считать себя женихомъ дочери “мясника”? — спросилъ я Бергмана.

— Если это въ вашихъ интересахъ, то почему нѣтъ? — воскликнулъ онъ, не понимая, очевидно моего вопроса.

— А если наши интересы уже проданы? — спросилъ я.

— Почему вы молчали? Кто эта сволочь? — грубо, потерявъ самообладаніе, крикнулъ Бергманъ, вставая.

— Это вангъ уполномоченный — товарищъ Киппасто, — бросилъ я вызывающе.

— Киппасто! Такъ онъ же въ Ленинградѣ. Ага, собака! Ну, чортъ подери, устроимъ же ему теперь “мальчишникъ”. — уже радостно сказалъ Бергманъ и, схвативъ со стола шляпу, бросился къ двери, гдѣ висѣло его пальто.

— Я поѣду. Сейчасъ сообщу все по проводу и предпишу арестовать шпиона до прибытія спеціального курьера съ моимъ докладомъ. Все же, товарищъ, дайте мнѣ весь матерьялъ по этому дѣлу, — сказалъ Бергманъ, одѣваясь.

— Я представлю вамъ скрѣпленный показаніями надежныхъ товарищей докладъ и прошу вашего распоряженія ликвидировать провокатора Киппасто въ ближайшіе дни. У меня нмѣются данныя, что онъ сейчасъ находится въ Ленинградѣ и въ Москвѣ по дѣлу бѣлофинновъ — шпионовъ “23 группы”. Причастныя къ этой организаціи лица находятся внѣ Россіи и предупрежденные Киппасто, по-

нятно, въ Россію больше не вернутся. Отозваніе Ардальона Александровича помѣшало мнѣ раскрыть крупную организацію нашихъ провокаторовъ курьеровъ. Придется ограничиться пока однимъ Киппасто — пояснить я Бергману частичный матеріалъ о Киппасто и Ко. Мнѣ представль, наконецъ, случай избавиться отъ шантажиста - провокатора и поэтому я рѣшилъ “уличить” его въ предательствѣ Бобрнщевца, зная напередъ, что Бергманъ распорядится разстрѣлять его по секретному пункту “положенія о секретработникахъ за границей”.

Киппасто насчитывалъ, по моимъ свѣдѣніямъ, 9 “шпіонскихъ” процессовъ и по нимъ было разстрѣляно не менѣе сорока человѣкъ, но ни одинъ изъ преданныхъ ВЧК агентовъ “Антанты” или “Союза Освобожденія Россіи” не былъ причастенъ къ этимъ организаціямъ, а всѣ подвергались разстрѣлу по рапортамъ Киппасто и его банды финновъ - контрабандистовъ. Но Бобрнщеву эти процессы давали “имя” и деньги.

Зналъ я и то, какъ Капписто, по распоряженію Бобрнщевца, доставилъ въ Ленинградъ на квартиру бывшего однополчанина пакетъ антибольшевицкихъ, напечатанныхъ въ бюро атташе, листовокъ, и капитанъ Иваницкій былъ арестованъ и разстрѣлянъ, какъ явный организаторъ возстанія.

Помимо чисто провокаціонной дѣятельности, Киппасто организовалъ еще одну банду перевозчиковъ черезъ границу и за высокіе гонорары “вывозилъ” изъ предѣловъ совѣтовъ “буржуазію”, но жертвы его дьявольскихъ затѣй дальше границы не достигали — тамъ ихъ грабили и разстрѣливали. Жертвами этой банды сотрудинокъ Бобрнщевца пали: графиня Г., московскій домовладѣлецъ Х., капитанъ флота Кирѣевъ и вдова генераль - майора

Я-ская, у которой Киппасто передъ разстрѣломъ отобралъ 5000 финскихъ марокъ.

Мои расчеты оправдались — Бергманъ телеграфно сообщилъ центру о предательствѣ Киппасто и его разстрѣляли до прїѣзда Бобрищева.

Послѣ ликвидаціи главнаго бандита, я сообщилъ Бергману собраннй мной матерьялъ о его шайкѣ. Оставалось еще четыре агента, входящихъ въ “пятерку”. Арвидъ Матсоиъ, Пекка Туруиенъ, Суло Сальминенъ и Эро Карки — всѣ жители деревни, расположенной за Сестра-рѣкой...

Прошло дней пять послѣ нашего разговора о бандѣ Киппасто, и Бергманъ показалъ миѣ фотографію, сказавъ усмѣхнувшись:

— Поглядите на вашу работу.

Я взялъ фотографію.

Около каменной изгороди на фонѣ кирки стояли привязанные къ елямъ четыре парня. Сорванные рубахи валялись у ихъ ногъ.

Лицо Арвида Матсоиа было изрѣшетено пулями, а груди остальныхъ послужили мишенью красноармейцамъ отряда “финчека”....

— Вашъ докладъ угробилъ парнишекъ, — произиесъ Бергманъ и хлопнувъ портсигаромъ, закурилъ.

— Когда же? — спросилъ я.

— Въ тотъ день, когда телеграмма прибыла къ товарищу Андриугу. Это плевое дѣло: имена и номеръ для расхода. Мотивы письменио, — отвѣтилъ Бергманъ равнодушно.

Я вернулъ ему фотографію и подумалъ облегченно:

— Пятью гѣнами меньше.

XVIII

Мункенскую виллу пришлось переменить на квартиру въ громадномъ акціонерномъ домѣ въ Сернестъ. Слишкомъ была "натаскана". Одинъ изъ партійцевъ купилъ за 90.000 марокъ пай и поселился въ двухъ комнатахъ, а три перешли мнѣ .

Мебель была приобретена за мой счетъ, и на новосельи меня посетили Бергманъ, Муценекъ, новый военный агентъ Петровъ и агентъ коминтерна докторъ Вельмеръ-Поляковъ.

Поляковъ только что прибылъ изъ Ревеля, гдѣ онъ проживалъ вполне легально, какъ опантъ. Высокій брюнетъ съ холеной бородой, въ изящной визиткѣ. Въ петлицѣ — значекъ военно - медицинской академіи. Онъ владелъ аглійскимъ, французскимъ, эстонскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ языками.

Петровъ — бывший лейтенантъ, недалекій хвастунишка, партіецъ и пріятель Раскольниковъ.

Послѣ ужина мы собрались въ гостиной и приступили къ разработкѣ плана организаціи вооруженнаго возстанія въ Ревелѣ. Поляковъ, какъ делегатъ эстонскаго подпольнаго ревкома, набросалъ планъ выступленія, надо сказать, до смѣшного нелѣпый и "простой".

Бергманъ слушалъ насыщенную революціоннымъ пафосомъ рѣчь доктора и, когда тотъ кончилъ, сказалъ не безъ грубости:

— Такъ не выступаютъ, товарищъ. Дѣтскій бредъ. Я знаю эстонскій пролетаріатъ не меньше вашего. Мы должны согласовать дѣйствія и дать сигналъ къ выступленію не раньше учета всѣхъ силъ. Во-первыхъ, часъ начала борьбы: по моему, утренній гудокъ. Пролетаріатъ надо вызвать въ борьбу уже тогда, какъ ваши ударные ба-

талыоны захватятъ телеграфъ, штабъ, разрубятъ связь между полиціей и охранными частями. Во-вторыхъ, всю предварительную работу надо возложить на присланныхъ изъ Россіи партійцевъ, а не на мѣстныхъ силы. Товарищи Анвельдтъ, Рястасъ и Коркъ придутъ и возьмутъ общее руководство. Я не останусь сидѣть тутъ сложа рукъ. Выступление надо подготовить внезапное и быстро дѣйствующее. Сперва захватить учрежденія, разгромить полицію и поднять части гарнизона. Тюрьмы дадутъ не мало бойцовъ, Оружіе должно быть доставлено въ ближайшіе районы. "Доброфлотъ" — вооружить. Вашъ планъ выступления во время забастовки не годится. Я категорически противъ него.

— Но, товарищъ, центръ торопитъ, требуетъ активности. Я уже подготовилъ въ этомъ направленіи многое. Предвидится забастовка типографскихъ рабочихъ, портовыхъ и нѣкоторыхъ заводовъ, — возразилъ докторъ нерѣшительно.

— Подождетъ "вашъ центръ". Я уполномоченный коминтерна и сию тутъ не зря. Раньше моей санкціи ни одинъ рабочій Эстоніи не пойдетъ за вашимъ ревкомомъ. Поняли, товарищъ? Довольно глупостей и разныхъ скороспѣлыхъ путчей. Или вы съ Анвельдтомъ хотите послать на разстрѣлъ нѣсколько тысячъ рабочихъ и усилить бѣлый терроръ. Не говорите мнѣ о центрѣ. Анвельдтъ и Рястасъ не центръ. Если вы, какъ членъ ревкома, не дадите мнѣ ответственности за исходъ выступления, то рѣчь о немъ преждевременна. Лучше усилите пропаганду, организуйте забастовки, злите буржуазію, устраняйте мятежъ и формируйте отряды. Если нѣтъ денегъ, — просите, я поддержу, но не торопитесь на бѣлогвардейскій штыкъ, — сказалъ повелительнымъ тономъ Бергманъ и высокомерно оглянулъ насъ.

Докторъ не возражалъ больше, а выпивъ рюмку ликера, спросилъ:

— Какъ-вы думаете, товарищъ уполномоченный, надо ли мнѣ послать докладъ этсекціи объ отсрочкѣ выступленія?

— Ваше дѣло, товарищъ. Я не знаю причинъ торопить — отвѣтилъ Бергманъ, пожавъ плечами.

"Засѣданіе" окончилось, Бергманъ отложилъ выступленіе эстонскаго пролетаріата.

Поляковъ заночевалъ у меня. За стаканомъ кофе онъ объяснилъ мнѣ причины непріязненныхъ отношеній Бергману къ нему.

— Бергманъ уже разъ хотѣлъ подвести меня подъ пулю, но заступничество Кингесеппа спасло меня. Я старый партійный работникъ, а онъ изъ выскочекъ. Типа чекстовъ. Ему только разстрѣливать... Когда онъ былъ командиромъ бригады въ Ракверѣ — я былъ врачомъ, подчиненнымъ ему. Вся его ненависть ко мнѣ оцѣнивается въ бутылъ спирта. Онъ требовалъ выдачи изъ полевой аптеки, а я отказалъ. Прислалъ ко мнѣ отрядъ своихъ хулигановъ и приказалъ немедленно дать десять литровъ. Я отклонилъ требованіе. У него пьянствовали тогда Анвельдтъ и Кунаковъ. Меня арестовали и приговорили къ стѣнкѣ. Хорошо пріѣхалъ Кингесеппъ и меня освободил. Вообще, онъ жестокой человекъ. Мое положеніе идиотское. Послалъ работать. Организация вооруженнаго возстанія карается по эстонскимъ законамъ разстрѣломъ. Центр торопитъ, грозитъ, требуетъ активности, а ревкомъ спрятался по уѣздамъ и накакой работы. Я одинъ въ Ревелѣ съ группой толстоголовыхъ партійцевъ. Бергманъ, понятно, правъ. Скажу больше — выступленіе будетъ ликвидировано. Рабочія массы отошли отъ насъ... Вотъ и рабо-

тай, — сказали откровенно Поляковъ, и на его лицѣ легли тѣни усталости.

— Я ихъ понимаю, этихъ Анвельдтовъ, — продолжалъ, закуривъ, Поляковъ, — они берутъ деньги отъ Исполкома коминтерна, врутъ нагло о настроеніи массъ, врутъ о безсиліи власти и разложеніи армій. Вдобавокъ, агенты ревкома и партій фабрикують со своей стороны разныя красочныя сводки... Ихъ гонятъ вратъ боязнь потерять пособіе. Гнусно все обстоитъ въ нашей партіи. Одинъ только Книгесеппъ не спекулировалъ суммами коминтерна. Не хочу быть пророкомъ, но вотъ увидите ни черта не поможетъ хвастливый Бергманъ — возстаніе будетъ организовано. Но это явится провокаціоннымъ дѣйствіемъ эстсеціи.

— Почему вы непосредственно не доложите коминтерну дѣйствительное положеніе вещей, — спросилъ я.

— Эге! Непосредственно доложить. Вы развѣ не знаете чѣмъ пахнетъ это. По инструкціи я подчиненъ особоуполномоченному и всѣ доклады должны идти черезъ его фильтръ, — отвѣтилъ докторъ. Онъ былъ правъ и мой вопросъ вызвалъ у него сокрушительную улыбку.

Возстаніе въ Ревелѣ все такъ произошло, но черезъ годъ послѣ нашего совѣщанія и безъ руководящей роли Бергмана. Ему пришлось, по примѣру многихъ предшественниковъ, покинуть Финляндію и перебраться подъ фамиліей Вершинна на Дальній Востокъ въ штабъ Бородина.

Главари выступленія Анвельдтъ, Рястасъ и другіе идейные товарищи удрали въ СССР, а докторъ Вельмеръ-Поляковъ, оказавшійся фельдшеромъ, по постановленію эстонскаго военного полевого суда былъ разстрѣлянъ.

Провокація эстонской сеціи стояла жизни десяткамъ одураченныхъ пролетаріевъ и отъ руки лидера Ан-

вельдта пали невооруженные прохожіе офицеры и постовые городовые. Но на совѣтско - эстонской границѣ стояли эшелоны красной арміи: на случай захвата власти.

Послѣ этого "выступленія" пролетаріата, Исполкомъ коминтерна сократилъ бюджетъ этсекціи до 200.000 марокъ, но увеличилъ суммы "Мопру" до 700.000 марокъ на полугодіе.

По поводу растраты въ "Мопрѣ" меня командировали на ревизію въ Эстонию, Швецію и Данию. Я выѣхалъ изъ Гельсингфорса по паспорту финскаго коммерсанта-лѣсопромышленника. До Ревеля, какъ членъ яхтъ-клуба, а оттуда на пароходѣ — «Kalewipoeg», пассажиромъ перваго класса.

Первая ревизія въ Ревелѣ дала показательный матеріалъ; комитетъ "Мопра" состоялъ изъ пяти лицъ, изъ коихъ двое имѣли уголовное прошлое. Одинъ, по имени "Видрикъ", былъ осужденъ за кражу со взломомъ, а другой Кару, оказался по справкамъ, наведеннымъ мною, лишеннымъ правъ поджигателемъ. Трое "неуголовныхъ" были рабочіе "Доброфлота", форменные портовые босяки.

Растрата превышала 300.000 марокъ и на мое требованіе представить оправдательные документы Видрикъ далъ мнѣ замасленный листъ бумаги, на которой члены комитета записали суммы выдачъ. Сумма выдачи была выписана чернилами, а подпись получателя химическимъ карандашемъ.

На мой вопросъ, куда дѣлась недостающая сумма, Видрикъ грубо сказалъ:

— Въ тюрьму товарищамъ - декабристамъ отдал.

Мнѣ было извѣстно, что въ тюрьму посылались за счетъ "Мопра" посылки продовольствія и 500 марокъ мѣсячнаго пособия, я имѣлъ также и списки заключенныхъ — налицо была растрата. Я составилъ протоколъ ревизіи,

но никто изъ членовъ правленія не далъ подъ нимъ своей подписи.

— Пропавшее дѣло, — подумалъ я, рассматривая испитую, вздутую рожу предсѣдателя “Мопра”, товарища Видрика.

Въ Швеціи дѣло было чище обставлено: мѣстный казначей “Мопра” выправилъ заграничный паспортъ, занялъ съ семьей каюту на пароходѣ “шведско - американской линіи” и съ 189.000 шведскихъ кронъ взялъ курсъ на Сѣверную Америку..

Даже ревизовать было нечего — актъ и подписи другихъ членовъ.

Наличность кассы состояла изъ груды расписокъ и партійнаго билета.

Въ Даніи парткомъ пополнилъ растраченную сумму и всѣ члены “Мопра” были исключены изъ партіи.

Миссія резидента — ревизора окончилась.

**

Черезъ нѣсколько недѣль я сошелъ съ парохода въ Або. Заѣхалъ въ отель на набережную и за завтракомъ развернулъ номеръ “Turun Sanomat”.

— Новый этапъ въ Рауду.

Арестованы агенты коминтерна, — прочелъ я заголовокъ телеграммы изъ Гельсингфорса.

Имена арестованныхъ были мнѣ знакомы.

Одинъ изъ агентовъ долженъ былъ доставить “кое-что” отъ президіума ГПУ.

Взглянулъ на часы — до поѣзда почти четыре часа.

Теперь была каждая минута дорога.

Я поспѣшно отзавтракалъ и нанявъ автомобиль, поѣхалъ въ Гельсингфорсъ.

Вечеромъ ликвидировалъ квартиры — “пять”, “три” и “одинъ”. “Два” и “четыре” были законспирированы да-

же отъ своихъ товарищей по "Развѣдупру". Переодѣлся въ форму солдата арміи спасенія и пошелъ на квартиру моего уполномоченнаго, тоже "солдата". Онъ уже принялъ мѣры, такъ какъ раньше меня прочелъ въ газетахъ о раскрытіи самой важной сѣти проводниковъ-курьеровъ.

Военагента Петровъ былъ въ Ригѣ и я вызвалъ къ себѣ его замѣстителя Рабиновича - Сомова.

— Вамъ необходимо бѣжать, — предложилъ мнѣ Сомовъ, — тѣ голубчики попали въ засаду и ничего не успѣли уничтожить.

— Куда же мнѣ бѣжать?

— Ночью мы вызовемъ изъ Ревеля нашъ транспортъ. Катите на моторной лодкѣ до маяка и выждите появления "Ильича", отвѣтилъ Сомовъ, видимо встревоженный за мою участь.

— А почему мнѣ именно необходимо бѣжать? Вѣдь меня еще не выдали, — произнесъ я.

— А какая гарантія, что не выдадутъ? Если бы одинъ влопался, а то цѣлая "шестерка". Начнутъ допрашивать "перекрестнымъ огнемъ", обязательно ктонибудь и ляпнетъ все, — отвѣтилъ Сомовъ увѣренно.

— Нѣтъ я останусь на квартирѣ номеръ два. Тамъ меня самъ чортъ не найдетъ. Я уйду въ подполье на пять-шесть дней. Меня прошу информировать такъ: помѣщайте объявленія въ финской газетѣ "Uusi Suomi" въ отдѣлѣ найма прислуги. Если обо мнѣ будутъ дурныя вѣсти: ищите горничную въ провинцію и подписывайтесь номеромъ 1919, а если воздухъ чистый, то ищите прислугу за все и номеръ 9191. А письма съ предложеніями пусть лежатъ въ конторѣ газеты. Пустите глубокую развѣдку въ Выборгъ — сказалъ я, рѣшившись не покидать Гельсингфорса.

Сомовъ принялъ мое предложеніе.

Мы разстались.

Почти недѣлю въ "Uusi Suomi" помѣщалось условное объявленіе, говорящее, что мой слѣдъ пока не обнаружитъ. Я оставилъ занимаемую въ квартирѣ вдовы пастора мебелированную комнату и заявилъ хозяйкѣ, что ѣду по дѣламъ фирмы въ командировку...

Первымъ дѣломъ я послалъ съ посыльнымъ записку Арльсоиу, прося его притти вечеромъ въ ресторанъ "Klip-pan" поужинать.

Къ условленному времени мой "пріятель" явился.

Заказали "сексеръ", пива и ужинъ.

— Работы по горло, пожаловался Арльсоиъ, какъ то особенно пристально взглянувъ на меня, — вотъ уже дней восемь, какъ бѣгаю ищейкой по городу и предмѣстью. Крупнаго звѣря ищемъ мы. Бароиъ въ Выборгѣ, иапалъ на слѣдъ и потерялъ.

— Что опять большевнцкіе агенты работы дали? — спросилъ я, стараясь придаетъ голосу возможно больше безразличія.

— О, да! Намъ предписано найти агента развѣдки, капитана Рудницкаго. Чортъ его найдетъ! Въ томъ то и бѣда, что никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ и какова рожа, — отвѣтилъ раздраженно Арльсоиъ и выпилъ стакаиъ пива.

Налилъ второй и улыбуившись произиесъ:

— Дряиъ, давайте лучше спирта выпьемъ по стаканчику. У меня есть. Нѣмецкій — дряицо тоже, но крѣпче.

— Наливайте, — согласился я, собирая мысли и готовясь къ отпору "ударовъ" со стороны лейтенанта.

— Игра началась, — подумалъ я, — мой псевдонимъ извѣстенъ. Арльсоиъ вретъ или готовитъ мнѣ западню? Надо быть насторожѣ.

Онъ вынулъ изъ кармаиа брюкъ плоскую бутылку и налилъ мнѣ четверть пивнаго стакаиа, себѣ же — полный.

— Уже разбавлеаиый? — спросилъ я.

— Да, наполовину. Вы любите по капелькѣ, а я сразу, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь, и чокнулся со мной. Выпили, закусили розовымъ кускомъ “лакса”.

— Что же этотъ капитанъ Рудницкій прибылъ изъ Россіи или проживалъ тутъ? — спросилъ я, предлагая лейтенанту сигару.

— Влопавшіеся ребята не знаютъ никакихъ подробностей о немъ. Фамлію назвали, да и то потому, что у одного нашлась зашифрованная переписка, адресованная капитану. Во всей странѣ ни одного Рудницкаго. Понятно, это псевдонимъ. Годъ тому назадъ въ Выборгѣ жилъ такой капитанъ, но онъ уѣхалъ въ Россію съ партіей эмигрантовъ. Начальникъ общалъ намъ 5000 мар. наградныхъ за установленіе личности, но гдѣ тамъ... Агенты краснаго шпіонажа мѣняютъ шкуру по обстоятельствамъ дѣла и установить ихъ настоящей обликъ можетъ развѣ ихъ полпредникъ Черныхъ или главарь банды шпіоновъ Петровъ, — отвѣтилъ лейтенантъ, откусивъ кончикъ сигары.

— А вы все-таки ихъ чистите здорово, — сказалъ я, — чуть ли не каждый мѣсяцъ кто инбудь изъ этой банды разоблачается.

— А дальше? Выслали какого инбудь Бобрищева или Бергмана, черезъ три-четыре дня новый на мѣстѣ. Недѣли три тому назадъ мы получили свѣдѣнія, что одинъ изъ важныхъ резидентовъ шпіонажа имѣлъ совѣщаніе съ агентами шведской компартіи. Деньги имъ передать, инструкціи и наказы. Въ ту же ночь мы произвели обыскъ и, понятно, ни дьявола не нашли. Оказалось, что агенты проживали въ “Катръ”, въ одномъ корридорѣ съ номеромъ генерала Маннергейма. А мы искали гдѣ то въ Тээлэ. Есть у насъ и сейчасъ свѣдѣнія, что въ Гельсингфорсѣ имѣется главный резидентъ ГПУ. Одинъ изъ арестованныхъ по дѣлу распространенія листовокъ сообщилъ о немъ кое-какія дан-

ния, но ихъ такъ мало, что на слѣдъ не напасть, — произнесъ лейтенантъ, и наклонясь ко мнѣ, тихо добавилъ, — тоже капитаанъ... Смирновъ, вашъ однофамилецъ.

— Что вы говорите? — съ невозмутимымъ видомъ, спросилъ я, чувствуя, какъ сердце сократилось, будто отъ воткнутой иглы.

— Фамилія еще не служитъ доказательствомъ, — продолжалъ лейтенантъ, — но между нами говоря, — я одно время подозрѣвалъ васъ.

— Спасибо, лейтенантъ, разсмѣявшись произнесъ я, — развѣ я похожъ на чекиста?

— Вы простите, но нашъ долгъ службы. Все, что поступало къ намъ, говорило противъ васъ, но тотъ Смирновъ, какъ оказалось послѣ наблюденія, не владѣеть ни финскимъ, ни шведскимъ языками. А вы то настоящій "Suomalainen" — отвѣтилъ лейтенантъ съ добродушной улыбкой.

— Ахъ, такъ, — разсмѣялся я, — а если я тутъ, будучи агентомъ ГПУ, выучилъ финскій и шведскій языки?

— О, нѣтъ! Еще въ 1916 году, проживая на Каллиогатаанъ номеръ пять, вы знали оба языка. Это намъ сообщила ваша старая квартирная хозяйка. Справка изъ Тавастгустской гимназій подтвердила правдивость заявленной многихъ лицъ, знавшихъ васъ до революціи, — сказала Арлсонъ, окончательно укрѣпляя во мнѣ чрезмѣрность моихъ опасеній.

Послѣ ужина я пригласилъ его кутить за городъ.

Отдѣльный кабинетъ. Коньякъ и шампанское... Счетъ — четыре тысячи марокъ и "размякшее" тѣло лейтенанта я доставилъ къ себѣ...

.....
Бастіонъ превращенный въ тюрьму... За рѣшетча-

тыми окнами плещется море.

Приговоръ вынесенъ — два года принудительныхъ работъ. Были смягчающія обстоятельства...

Я изолированъ отъ коммунистовъ, соучастниковъ процесса.

— Молодецъ лейтенантъ, — часто думалъ я сидя у окна и глядя на водную ширь, раскинувшуюся передъ взоромъ.

— Два года ты “игралъ” пріятеля и добивался цѣли, но мы разстались безъ обиды и неприязни. Я “разоблачился” раньше, чѣмъ тебѣ понадобилось сказать мнѣ, что двойникъ Смирнова — “настоящій” *suomalainen*. Теперь, когда моя маска снята и наша игра кончена, мнѣ хотѣлось бы сказать тебѣ, честный противникъ, что работа подрывная, вредительская и губительная продолжается. Война между азиатской красной звѣздой и бѣлымъ крестомъ христіанъ не прекращается. Въмѣсто меня твоихъ соотечественниковъ — воиновъ, рабочихъ и молодежь “покупаютъ”, совращаютъ и морально разлагаютъ какой нибудь новый резидентъ изъ легіона легальныхъ и нелегальныхъ слугъ Сатаны, — такъ хотѣлось бы сказать тому славному лейтенанту, теперь, когда моя “миссія” закончена.

Но я выброшенъ изъ общества, — мнѣ надо два года подвергать себя “исправленію”.

А тамъ? Не знаю...

За предательство “трудящихся массъ” меня заочно приговорили къ высшей мѣрѣ наказанія. Но заложникомъ, моей матери и одному брату, удалось избѣжать моей участи.

Младшаго брата Харьковскій отдѣлъ чека разстрѣлялъ за принадлежность къ организаціи “экономическихъ вредителей”. Мать и братъ бѣжали въ Румынію

и оттуда въ Бразилію.

Однажды въ тюрьмѣ, на прогулкѣ, одинъ изъ преданныхъ мной коммунистовъ крикнулъ мнѣ:

— Мы тебя, провокатора, и тутъ “тихимъ” сдѣлаемъ.

Но этихъ угрозъ я не боялся, меня “оберегала” тюремная стража, устроивъ мнѣ прогулки соло. А помѣстили меня въ большую “комфортабельно” обставленную камеру для двоихъ.

Иногда вызывали въ канцелярію тюрьмы для дачи показаній или распознанія влопавшагося товарища.

Маленькій, косоглазый террористъ — латышъ Вейнсъ, чекистъ Сайріо, прибывшій подъ новой фамиліей, матросъ изъ “особотдѣла” Носовъ — Мурашинъ и еще нѣсколько нежелательныхъ гостей принуждены были покинуть страну по моимъ “рекомендаціямъ”.

— Всѣмъ “товарищамъ”: бывшему полковнику Императорской арміи, Лейбъ - Гвардіи стрѣлковой артиллерійской бригады, преданному слугѣ “О. Г. П. У.” — А. А. Бобрищеву, жестокому чекисту Яну Вейникасъ - Бергману, резидентамъ - эмѣишамъ, красной коммунистической кобры — Розенталю, Муценеку, Фишману, Кореицу и прочимъ наемнымъ слугамъ шайки интернациональныхъ “политжуликовъ” напоминаю: всѣ вы “обязаны” мнѣ, что ваша гиусная работа въ Финляндіи была пресѣчена властями и передъ вами открылась “скатертью дорога” въ поработченную, распятую на крестѣ безмолвнаго мученичества Россію...

Одну ночь провелъ въ моей камерѣ молодой эстонецъ, “коммунистъ”, приговоренный къ разстрѣлу левымъ судомъ. Бывшій учащійся средней школы, членъ комсомола, бросившій бомбу въ домъ члена правительства, проклиналъ своихъ “учителей” Аивельдта и Хей-

деманна, растлителей молодежи. Утромъ онъ пошелъ на казнь...

Встрѣча — неожиданная и печальная.

Дружеловскій! Осунувшійся, блѣдный и еще болѣе издерганный.

— Какими судьбами? — воскликнулъ онъ входя въ камеру и увидѣвъ меня.

— Два года, — просто отвѣтилъ я пожимая его худалую руку.

— Предали? Понятно, — это финалъ нашей работы. Со мной ерунда. Меня просто арестовали за нелегальный въездъ. Я уѣду въ Россію. Идіоты эти шпнки. Я активистъ - антибольшевикъ, — произнесъ Дружеловскій и, положивъ какой то узелокъ на столъ, тяжело опустился на скамью.

— Вы уже давно тутъ? — спросилъ онъ, взглянувъ на меня лихорадочно горѣвшими глазами.

— Полгода.

— Ахъ, что произошло со мной за это время, ужась! Я разоблачилъ дьявольскую работу большевиковъ въ Софіи: взрывъ собора. Я опубликовалъ наниципальнѣйшіе документы коминтерна, а теперь меня сушатъ здѣсь. Я не спущу нмъ этого, — истерично выкрикивалъ Дружеловскій,производя впечатлѣніе неормального человека.

— Вы же большевикъ? — напомнилъ я ему.

Онъ растерялся.

— Да... быть... Да! работалъ на нихъ. Но меня бросили, бросили, какъ собаку въ Берлинѣ. Знаете, что Аренсъ въ Варшавѣ со мною сдѣлалъ? Ударилъ по лицу — вмѣсто денегъ. Я этого нмъ не прощу. Нѣтъ, не прощу. Все исполнялъ по нхъ указкѣ. Провоцировалъ, а теперь они же изгнали меня изъ Германіи. Кто сфабри-

коваль дѣло Бора? Я, милостивые государи, я... Меня вышлютъ въ Россію. Какъ вы думаете: могутъ они, за надобностью, убить меня? — произнесъ онъ съ запывавшимъ отъ волненія лицомъ.

— Могутъ, — лаконически отвѣтилъ я.

Онъ опустилъ голову и разсмѣялся.

— Ха-ха-ха! Палачи.. Они все могутъ, вы правы. Они взорвали Софійскій соборъ. Ахъ, что говорить о нихъ. Вы сами знаете, что они могутъ. Убить меня! Ха-ха-ха! Пусть убьютъ, но я этой сволочи раньше въ лицо брошу все, что накопилось на душѣ.

— Это нмѣ, какъ съ гуся вода, — замѣтилъ я.

— Да, да, да. Онн звѣрн, хуже! Что они ? А? — хрипло сорвалось съ устъ Дружеловскаго и онъ вскочилъ со скамьи.

Прошелся по комнатѣ заложивъ руки на спиѣ.

Остановился около окна и, повернувъ ко мнѣ искаженное злобой лицо, вскрикнулъ:

— Я знаю, что они меня убьютъ, какъ паршивую собаку. Знаю, но я сознательно нду на это. Передъ тѣмъ, какъ покинуть эту землю, которая терпнть этихъ презрѣнныхъ палачей и убійцъ, я раскрою карты. Я подведу къ стѣнкѣ кое-кого. Я знаю такія дѣла, что самъ дьяволъ ахнетъ. Заплету веревочку, мое почтеніе. Пусть только начиутъ допрашивать. Кто убилъ товарища Гранскаго въ Константинополь, а? Куда дѣлнсь триста тысячъ долларовъ курьера Ашниадзе? Кто былъ тотъ милостивый государь, который отравилъ стараго партійца Лобаиовскаго - Ярева въ кильской гавани? Я знаю всѣ тайны господъ Аренсовъ, Воровскихъ, Оболенскихъ и прочихъ потрошителей. Все скажу слѣдователю, все раскрою.

— Знаете что, господинъ Дружеловскій, успокой-

тесъ лучше и не разсказывайте тайнъ, которыя мнѣ такъ же знакомы. Хотите чаю? — произнесъ я, желая прекратить надрывъ больного человѣка.

Несомнѣнно въ это время Дружеловскій былъ близокъ къ сумасшествію.

— Я не могу простить имъ нанесенной обиды, — пробормоталъ онъ и, обхвативъ рукой рѣшетку, припалъ головой къ желѣзу.

Плечи вздрогнули. Кажется, онъ заплакалъ.

Черезъ нѣсколько дней его вызвали въ канцелярію и сообщили, что ему дана виза въ СССР.

Онъ собралъ свои вещи и, простившись со мною, покинулъ камеру.

Прошелъ мѣсяцъ или больше, точно не помню, я прочелъ въ газетѣ дѣло Дружеловскаго и финалъ его бурной жизни. Высшая мѣра наказанія.

— Могутъ ли они убить меня? — пришла на память фраза разстрѣляннаго и я отвѣтилъ его же словами: да, они все могутъ.

Еще разъ эта фраза напомнила мнѣ о дѣйствительномъ всемогуществѣ большевицкихъ агентовъ, а именно въ день моего отъѣзда изъ Гамбурга въ Южную Америку.

Случайно въ одномъ окнѣ каюты перваго класса я увидѣлъ знакомое, красное, упитанное лицо.

Бергманъ - Венникасъ.

У стюарта мнѣ удалось разузнать о знатномъ пассажирѣ слѣдующее: германскій фабрикантъ Рихардъ-Карль Миллеръ, родомъ изъ Ганновера 32 лѣтъ направляется по дѣламъ своего предпріятія (съ образцами трикотажныхъ издѣлій) въ Рио-Жанейро.

— Надо подпустить ему "свинью", — рѣшилъ я, прогуливаясь по нижней палубѣ океанскаго гиганта. Но

вскорѣ я убѣдился, что мое намѣреніе можетъ стоить мнѣ жизни.

Бергманъ ѣхалъ не одинъ, а въ обществѣ какой-то элегантной дамы, блондинки, и двухъ молодыхъ брюнетовъ, не то испанцевъ, не то итальянцевъ. Весь путь я избѣгалъ попадаться на глаза "фабриканту" Бергману. Издали наблюдалъ за почтенной компаніей чеккистовъ ѣдущихъ въ заокеанскія страны пассажирами перваго класса...

Наконецъ — Санъ-Паоло.

"Тѣмъ прошлаго" стояли около борта парохода — въ бѣлыхъ костюмахъ и махали широкополыми шляпами сошедшей на берегъ попутчицѣ. Гора кожаныхъ чемодановъ, баулы, шляпныя кардонки погружены мулатомъ-шассеромъ въ автомобиль.

Она киваетъ затутой въ лайкъ рукой "фабриканту" и роскошный "Роль-Ройсь" мчитъ ее въ лучшій отель.

Я увидѣлъ ее вблизи... Она пронеслась мимо меня — въ зеркальномъ овалѣ я увидѣлъ ея глубокія, обрамленныя перныими рѣсницами глаза. Ихъ я узналъ, узналъ бы всегда, въ толпѣ тысячъ крашенныхъ, подведенныхъ, омоложенныхъ женщинъ, нашель бы ихъ демоническій алмазный блескъ...

Гибсонъ...

На "фазіэндѣ" моего брата началась для меня новая жизнь.

Мое прошлое погребено, но самъ я не могу еще порвать съ краснымъ ужасомъ; боюсь ихъ местъ, ибо они все могутъ.

Конецъ.

Репринтное издание
А. ОЛЬШАНСКИЙ
ЗАПИСКИ АГЕНТА РАЗВЕДУПРА

Подписано в печать с диапозитивов 20.XI.91 г.	Формат 60×84/16
Бумага № 2 Печать офсетная	Усл. печ. л. 9,8 Уч.-изд. л. 9,3
Тираж 50000 экз.	Зак. 4508 Цена 6 руб. 00 коп.

Редакционно-издательский отдел ЦГА СССР
119817, Москва, Б. Пироговская, 17
Отпечатано в 12 Центральной типографии МО
ISBN 5—85095—010—9

Готовится к печати в 1992 году

**Книга знаменитых Египетских мудрецов
«ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО»**

Чем увлекались и чем заполняли свой досуг в те времена, когда не было кино, телевидения, радио? Вспомните «Евгения Онегина»: Татьяне приснился страшный сон и она проснувшись по утрам

«...В постеле с книгою лежит
За листом лист перебирая...
То был, друзья, Мартын Задека
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.
Сие глубокое творенье
Завез качующий купец
Однажды к ним в уединенье...
...Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит».

Почувствовать себя хотя бы ненадолго человеком романтического начала XIX в., а может быть и в самом деле помочь разрешить Ваши сомнения поможет книга, изданная в 1804 г., «Волшебное зеркало». Здесь Вы найдете не только толкователь снов, откровения Мартина Задеки, но и множество забавных и увлекательных гаданий, предсказаний, часть из которых, представьте себе, сбывается (мы проверяли на себе).

Этот раритет отыскался в фондах одной из старейших библиотек России, хранящихся ныне в ЦГАДА. Книга поступила в Московский архив МИДа в 1899 г. вместе с библиотекой купца-коллекционера Ф. Ф. Мазурина. Библиотека Федора Федоровича содержит не только редчайшие рукописные и старопечатные книги, но и книги, которые пользовались успехом у широкого круга читателей в XVIII и XIX вв.

Если переиздание этой книги заинтересует Вас, заявки на ее приобретение просим направлять в Редакционно-издательский отдел ЦГА СССР по адресу: 119817, г. Москва, ГСП, Г-435, ул. Б. Пироговская, 17.

Контактные телефоны: 245-16-26; 245-81-11.

Готовится к печати в 1992 году

**Л. М. САВЕЛОВ. Библиографический указатель
по истории, геральдике и родословию российского
дворянства**

Автор — профессор, крупнейший русский генеалог начала XX в., директор Московского Дворцового архива. Справочник включает сведения о 3800 фамлиях русского, украинского, белорусского, польского, прибалтийского, кавказского дворянства и библиографию по истории дворянского сословия в целом.

Репринтное воспроизведение библиографической редкости — издания 1898 г. включает также дополнения, изданные Л. М. Савеловым в 1904 г. в виде отдельной брошюры.

Справочник необходим историкам и всем, интересующимся историей, краеведением, генеалогией.

Заявки на его приобретение просим направлять в Редакционно-издательский отдел ЦГА СССР по адресу: 119817, г. Москва, ГСП, Г-435, ул. Б. Пироговская, 17.

Контактные телефоны: 245-16-26; 245-81-11.

Для заметок

8 =

Цена ~~6~~ р.